

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

АРХЕОЛОГИЯ СССР

СВОД
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИСТОЧНИКОВ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
АКАДЕМИКА
Б. А. РЫБАКОВА

Е 1-39

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА
1968

764
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Р. Л. РОЗЕНФЕЛЬДТ

МОСКОВСКОЕ КЕРАМИЧЕСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО

XII—XVIII вв.

Библиотека Толойского Государствен-
ного Историко-археологического
Музея-заповедника ИИИ. № 57596

84
02

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА
1968

ВВЕДЕНИЕ

С давних пор Москва была одним из крупнейших центров русского позднесредневекового керамического производства. Гончарная слобода города, располагавшаяся в Заяузье — центре московского керамического производства, была одной из старейших ремесленных слобод города, где работали наиболее квалифицированные керамисты Московского государства. Они выпускали не только бытовую керамику, но и строительную, техническую, различные категории керамической игрушки. Продукция Яузской слободы подражали гончары других русских городов, которые постепенно осваивали технические приемы, известные столичным мастерам, внимательно следили за изменениями в области керамической технологии, за ассортиментом сосудов и керамических изделий, бытовавших в городе.

Если древнерусская керамика домонгольского времени и древнерусское керамическое производство X—XIII вв. известны относительно хорошо, то изучение позднесредневековой русской керамики, и в частности московской, только начато. Все имеющиеся на эту тему работы носят предварительный характер и, по мысли их авторов, не претендуют ни на окончательность выводов, ни тем более на полное исследование материала. Эта публикация тоже отражает определенный уровень знаний о московской керамике и московском керамическом производстве, хотя автор и попытался осмыслить весь имеющийся в наличии материал.

До начала больших раскопок в Москве в 50-х годах все имевшиеся коллекции керамики происходили в основном из случайных сборов, проведенных попутно во время строительных работ. Подавляющее большинство этой керамики относилось к позднему времени. Даже такая крупная коллекция, как собранная при строительстве первой очереди Московского метрополитена (1933—1934 гг.), в большей части датировалась XVIII—XIX вв.¹

Первые раскопки в Москве, давшие относительно хорошо датированный материал, были проведены ГИМ в 1946 г. в Заяузье на Котельническом холме, на месте Яузской гончарной слободы. Здесь были открыты остатки керамических горнов, а рядом с ними в ямах были собраны образцы бракованной

керамики². В том же году тут же работала экспедиция ИИМК АН СССР и Музея истории и реконструкции г. Москвы, которая тоже получила материалы по московскому керамическому производству, главным образом в результате исследований с бракованной керамикой³. Наиболее крупные коллекции московской керамики были составлены в результате работ Московской экспедиции ИА АН СССР в Зарядье — одном из древнейших жилых районов Москвы. Эти работы были начаты в 1947 г. М. Г. Рабиновичем, а позже продолжены А. Ф. Дубыниным. Именно здесь удалось выявить наиболее древние категории московской керамики и установить, что состав керамики в культурном слое города XV—XVII вв. отличается от продукции, выпускавшейся Яузской гончарной слободой, наличием большого количества привозной белоглиняной керамики.

Коллекции керамики, полученные при раскопках в Зарядье и на Яузской гончарной слободы, так хорошо отражали историю московского керамического производства, что последующие работы, проведенные в других районах города, в том числе на территории Московского Кремля, не могли существенным образом изменить сделанные ранее наблюдения над московской керамикой и московским керамическим производством. Это и дает основание думать, что проработанная для написания настоящей работы коллекция московской керамики является достаточной и отражает почти весь ассортимент сосудов и керамических изделий. Эта коллекция насчитывает более 300 тыс. обломков и несколько сот целых сосудов и изделий. Особенно важными являются материалы, полученные московской экспедицией в 1953—1964 гг. Эта часть коллекции с почти исчерпывающей полнотой отражает все многообразие форм московской керамики в течение всего времени существования города. Интересна уникальная большая коллекция московских рамочных изразцов первой половины XVII в., коллекция ранних образцов московской и привозной поливной керамики. Непрерывное длительное существование города дает возможность не только выявить весь ассортимент сосудов и других керамических изделий, характер-

¹ М. В. Воеводский, 1936, стр. 168—171.

² В. А. Мальм, 1949, стр. 44—51; М. В. Фехнер, 1949, стр. 52—56.

³ М. Г. Рабинович, 1947, стр. 55—76.

ных для отдельных периодов, но и проследить изменения в технологии керамического производства. Часто это удается связать с изменением вкуса москвичей, с техническими возможностями мастеров, с наличными запасами керамического сырья.

Классификация московской керамики дается в соответствии с керамической техникой, в которой выполены изделия, по исходным материалам, употребленным для изготовления сосудов и изделий, по особенностям обработки поверхности изделий. В каждом разделе, построенном по этому принципу, рассматриваются не только сосуды, но и другие виды изделий. Это дает возможность составить наиболее четкое представление о всех видах керамических изделий, бытовавших одновременно в ту или иную эпоху истории города.

В работе характеризуется и само керамическое производство Москвы, его организация, технология, инструментарий гончаров. Там, где это оказалось возможным проследить, рассказывается о взаимоотношениях Гончарной слободы с административными учреждениями того времени. Основные материалы для характеристики Гончарной слободы и московского керамического производства получены при раскопках на ее территории в Завузье на Котельничском холме в 1946—1947 и 1954 гг., а также в последующие годы. Часть сведений получена и из письменных источников, относящихся преимущественно к XVI—XVII вв.

В работу не включены поливные изразцы второй половины XVII в. с «фряжским орнаментом», а также расписные изразцы XVIII в. Поливные изразцы этих типов — тема специальной работы, основная часть которой должна быть отведена искусствоведческому анализу имеющихся на них изображений. В работе описаны и раздел о московском кириличном производстве.

Датировки отдельных групп сосудов и керами-

ческих изделий базируются на стратиграфических шкалах культурного слоя различных участков Зарядья, совместном нахождении керамических изделий с хорошо датированными вещевыми находками. Черная лощеная керамика датируется преимущественно по монетнымкладам, которые найдены в черепочных сосудах. Строительная керамика датируется часто по аналогиям с подобными изделиями, вмонтированными в постройки, время сооружения которых известно. Особо отмечается нахождение керамики в замкнутых комплексах — ямах с бракованной керамикой при горнах, колодцах, заполнении дренажных сооружений, подклетах построек, время сооружения которых известно, в заполнениях могильных ям, перекрытых датированными плитами; учитывалось наличие на ряде сосудов надписей, которые датируются палеографически.

В предлагаемой работе дана классификация московской керамики, бытовавшей здесь со времени возникновения города и по XVIII в., т. е. до того времени, когда значение керамических изделий (исключая строительные материалы) в быту москвичей постепенно падает и вместо них широко распространяется стеклянная и металлическая посуда, изделия из фаянса и фарфора. Именно в это время в московской бытовой керамике появляется много новых видов сосудов, по формам и технологиям производства мало связанных с керамическими изделиями раннего времени.

При изучении московской керамики автор пользовался любезной помощью коллег-сотрудников Московской экспедиции ИА АН СССР, сектора славяно-русской археологии ИА АН СССР, археологического отдела Музея истории и реконструкции Москвы и III археологического отдела ГИМ, большой группы архитекторов-реставраторов Московских реставрационных мастерских, которым он выражает свою глубокую признательность.

В связи с тем, что мнения автора данной работы и ответственного редактора по некоторым вопросам истории техники гончарного производства не совпадают (в частности, по вопросу устройства обжигательных печей, какими пользовались древнерусские гончары XI—XIII вв., особенностям истории отдельных типов горудий, примененных при фряжской керамике в XI—XVIII вв. на территории Восточной Европы, и некоторым другим) ответственный редактор оставляет за собой право высказаться по ним в дальнейшем в печати (прим. отв. ред.).

Глава I

МОСКОВСКАЯ КЕРАМИКА ДОМОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ

Наиболее раннюю группу московской керамики составляет так называемая керамика курганного типа¹. При раскопках в городе эта керамика была найдена в минимальном количестве (несколько сот найдена в минимальном количестве культурного фрагментов) и древнейших горизонтах территории Москвы, в раскопках, заложенных на территории Зарядья и в Кремле. От общего количества изученной керамики города она составляет не более 0,5%.

На основании больших серий сопровождающих вещей она датируется XII—XIII вв.² и является обычной древнерусской керамикой городского типа, сходной с керамикой домонгольского времени таких городов, как Рязань, Чернигов, Смоленск. Вся керамика, собранная в Москве в слоях домонгольского времени, изготовлена на ручном круге. Сосуды, найденные в нижних слоях Зарядья и Сосуды, имеют вполне развитые формы, свидетельствующие о том, что они не принадлежат к ранним группам древнерусской керамики и очень далеки как от сосудов «гнездовского типа», так и вообще от любой другой группы древнерусской керамики X — первой половины XI в. Ближайшие аналоги московской керамике домонгольского времени как по форме сосудов, так и по профилировке венчиков отыскиваются среди хорошо известной керамики из вятичских и кривичских курганов Подмосковья, которые в подавляющем большинстве датируются XII—XIII вв.³ Это и есть наиболее близкая к изученной в Москве керамика домонгольского времени, и у московских гончаров. Сходно было и сырье, которое шло на изготовление сосудов. Керамика подмосковных курганов, как и ранняя московская керамика, разнообразна по профилировке венчиков и по пропорциям сосудов (табл. 1, 1—4, 7, 8, 14, 16).

¹ Термин «керамика курганного типа» принят нами условно, как уже вошедший в литературу для обозначения московской керамики XII—XIII вв. В свое время он свидетельствовал о лучшей изученности керамики подмосковных курганов, с которой сравнивалась московская керамика домонгольского времени.

² Р. Л. Розенфельдт, 1957; Т. В. Равдина, 1963, стр. 98; Р. Л. Розенфельдт, 1964, стр. 220—221.

³ Т. В. Равдина, 1965.

Вся керамика, обнаруженная в слоях домонгольского времени в Зарядье и в Кремле, изготовлена из красноокраженных глин.

Сосуды XII—XIII вв., встречающиеся при раскопках в Москве, были обожжены в горнах. Несмотря на это, стенки их прожжены плохо, нередко в изломе черенка видна серая полоса плохо прожженной керамической массы. Температура обжига сосудов была 600—700°. Обжиг был кратковременным, и поэтому хорошо прокаливались только наружная поверхность сосудов. Для улучшения качества обжига гончары подбирали легкоплавкие сорта глин. Москва в XII в. была относительно небольшой городом, и керамическое производство в ней шло на более низком уровне, чем в Киеве, Рязани и Чернигове, где сосуды, как правило, прожжены были лучше, что, по-видимому, связано с большим объемом там керамических горнов. В этих городах посуда изготовлялась более крупными партиями. Московская керамика домонгольского времени по плотности черенка и по температуре обжига стояла выше керамики древнерусской, которая встречается в подмосковных курганах, по внешнему же виду очень похожа на нее.

Ведущей формой в керамике курганного типа Москвы является горшок. Объемы горшков составляют подавляющее большинство среди керамики, найденной в слоях XII—XIII вв. в Москве. При раскопках в Москве не удалось собрать ни одного целого горшка XII в., но форма сосудов этого типа легко устанавливается как по материалу, так и по аналогиям с керамикой подмосковных курганов. Московские горшки домонгольского времени имеют туловище с максимальным диаметром в верхней трети. Пропорции сосудов различны, есть среди них высокие и низкие, но этот характерный признак наблюдается почти у всех разновидностей горшков этого времени.

По пропорциям туловища горшка XII — первой половины XIII в. можно разделить в основном на три группы: сосуды с высотой, примерно равной максимальному диаметру горшка (таких сосудов подавляющее большинство), сосуды с высотой, превышающей диаметр, и сосуды низкие, типа мисок, но имеющие горшкообразную форму, с высотой,

равной примерно половине максимального диаметра сосуда. Обломки таких сосудов встречаются редко. Горшки-миски этого типа имеют максимальный диаметр уже не в верхней трети сосуда, а по венчику, который бывает обычно значительной высоты и сильно отогнут наружу. Сам венчик часто имеет вид низкой конической короны. Горшки первого типа употреблялись для приготовления пищи. На них часто видны остатки нагара и завершенность. Горшки-миски служили для еды. Как показала раскопки в Новгороде, посуду для еды в X—XIII вв. делали преимущественно из дерева, глиняные миски не имели тогда широкого распространения. Выделяются и встречающиеся относительно редко большемерные горшки с высотой, превышающей на $\frac{1}{4}$ максимальный диаметр сосуда. По-видимому, они служили в основном для хранения запасов, хотя на некоторых и встречаются следы концы и нагара.

Формы венчиков горшков первого типа разнообразны и иногда зависели от искусства гончара, его «почерка» работы. Среди известного многообразия их, однако, отмечаются и характерные. Наиболее распространенной формой венчика московских горшков является отогнутый наружу венчик, край которого слегка приподнят вверх и завернут. Обрез его округлый (табл. 2, 1 А). Этот тип венчика вообще характерен для древнерусской городской и деревенской керамики XII—XIII вв. Он необычайно разнообразен в деталях (в зависимости от угла наклона венчика по отношению к обрзу края горшка или от характера отгиба его края) и известен в различных модификациях. Специфичным для него является наличие на внутренней поверхности небольшой канавки, получившейся за счет загиба внутрь края венчика. Такие горшки, как правило, неизвестны среди древнерусской керамики X—XI вв. Для последней характерны венчики без канавки и без приподнятости по краю, часто венчики с острым краем. Употребление горшков с венчиком такого типа преимущественно для приготовления пищи подтверждается не только наличием на них завершенности и нагара, но и тем, что в более позднее время, когда для иных целей вырабатываются новые типы сосудов, для варки пищи употребляются красноглиняные горшки с венчиками, которые генетически увязываются с этой формой венчика сосуда домонгольского времени.

Вторую довольно распространенную группу образуют венчики простой конфигурации (табл. 1, 9 Ж, 3, К, Л, Р). Они есть у сосудов средних пропорций как XII, так и XIII в. Этого рода венчики известны в древнерусской керамике XI в., встречаются они и у сосудов XIV в., преимущественно малозмерных. Венчики эти есть и у подмосковной курганной керамики XII—XIII вв. Сосуды с такими венчиками употреблялись и для варки пищи: на некоторых из них есть следы нагара.

Еще реже среди московских горшков бытовали разновидности горшков с отогнутым кверху венчиком и горшки с высокой шейкой. Это тоже весьма характерный вид венчика, встреченный в большом числе среди керамики как подмосковных курганов,

так и крупных древнерусских городов. Сосуды с высоким венчиком известны в керамике Новгорода, Рязани, Киевщины в XII—XIII вв.⁴ Некоторые из них отдаленно напоминают кушинеобразные сосуды. Горшки с такими выгнутой вверх венчиками, поставленными вертикально, употреблялись, по-видимому, для отстоя молочных продуктов и по назначению своему напоминают современные кувшины. Наряду с этими тремя основными формами венчиков у московской керамики XII—XIII вв. встречаются и другие, менее распространенные разновидности, венчики переходного типа между указанными выше формами. Выделение разновидностей их следует отложить до накопления более обширного материала. У больших сосудов для хранения запасов венчики простые или с усидленным краем, гораздо более массивным, чем стенки.

Среди московских горшков преобладают сравнительно крупные экземпляры с диаметром венчика от 18 до 24 см при высоте сосудов соответственно в 18—24 см. Более крупные горшки с диаметрами венчиков в 24—26 см имели высоту в 26—30 см. Определенной закономерности между формой венчика и размерами сосуда установить не удалось, не удалось заметить и какой-либо стандартизации в размерах горшков. Разнобод в размерах объясняется, по-видимому, тем, что посуда в это время производилась небольшими партиями, а часть горшков изготовлялась несомненно на заказ. Личный контакт заказчика и ремесленника-гончара перед изготовлением продукции пагубно влияла на начавшуюся стандартизацию сосудов (по их емкости). Большинство же московской керамики в XII—XIII вв. несомненно приобретено у гончаров на рынке⁵; об этом говорит сравнительная редкость клейм на их донцах.

Глейма не отличаются большим разнообразием. Обычны среди них: крест в круге, круг, квадрат с диагоналями и др. В подмосковных курганах этого времени процент клейменной керамики гораздо более высокий, в некоторых группах более половины горшков с клеймами.

Кроме перечисленных, в Зарядье встречаются фрагменты горшков большемерных, с максимальным диаметром венчика до 30—35 см; они служили, по-видимому, для хранения зерна. Венчики горшков имеют характерные признаки, связанные с назначением сосуда и его размерами, или простой формы и массивные. При такой конструкции венчика горшок можно было переносить, ваяя его за горловину.

Сосуды прикрывались массивными крышками. По сравнению с горшками для варки пищи они имели более вытянутую форму.

Поверхность московских горшков и мисок обычно украшена линейным орнаментом. Реже встречаются горшки с волнистым орнаментом и крайне редко — с отпечатками зубчатого колесика.

Линейный орнамент наносился на верхнюю половину тулова сосуда. Нижняя треть тулова обычно оставалась неорнаментированной. Иногда выше линейного орнамента располагался поперек из косых насечек. Последний тип орнаментации был

характерен для XIII в. Волнистый орнамент на московской керамике встречается относительно редко и обычно в комбинации с линейным. Волна в орнаменте довольно частая, что характерно для древнерусских горшков XII—XIII вв. Встретилось несколько обломков сосудов, у которых волнистый орнамент был нанесен четырехзубой и пятизубой выколоткой. Редко находятся обломки горшков с линейным орнаментом, нанесенным тем же инструментом. Интересен орнамент, выполненный при помощи зубчатого колесика. Как нам удалось выяснить в XII в.⁶ Вероятно, и московские горшки с такой орнаментацией относятся к тому же времени.

Линейный орнамент на московские горшки XII—XIII вв. небольшого размера наносился сравнительно тонким острием (ширина бороздки около 1 мм). На древнерусских сосудах X—XI вв. небольших размеров линейный орнамент прочерчен обычно более тупыми остриями, оставлявшими на поверхности след шириной в 1,5—2 мм. Для орнаментации большемерных московских горшков XII—XIII вв. продолжали употребляться, как и в X—XI вв. в Чернигове и Смоленске, линейные полосы шириной около 2 мм.

Кроме горшков, при раскопках в Москве в слоях XII—XIII вв. найдены и крышки от них (табл. 1, 5, 12, 17, 18). Все они фрагментарны и имеют вид полых конусов небольшой высоты, в верхней части которых была ручка в виде кольцевого выступа. В некоторых случаях на краю — прорез для привязывания веревкой крышки к горшку. Подобные крышки характерны для городской керамики домонгольского времени и встречаются при раскопках в Смоленске, Рязани, Чернигове, Киеве, Новгороде и других городах. Судя по размерам найденных в Москве крышек, они предназначались для сосудов с венчиками диаметром от 18 до 24—26 см. По сравнению с числом сосудов крышек к ним найдено мало, и значительная часть горшков специально покрытая не имела. Большинство крышальных покрытий линейным, меньшая часть — волнистым орнаментом. Иногда встречаются в культурном слое и неорнаментированные крышки, так же как и неорнаментированные горшки, преимущественно крупные, XII—XIII вв.

В слоях домонгольского времени крайне редки кувшины. У одного из сосудов сравнительно широкой горловины со слявом и округло туловом с тремя ручками: одна петельчатая и две — напелы (табл. 1, 6). Второй кувшинчик примерно такой же формы, но без ручек-напелов и с бороздками линейного и волнистого орнамента между туловом и горловиной (табл. 1, 13). От третьего сохранилась лишь горловина (табл. 1, 10).

При раскопках встретилось и несколько мисочек небольшого диаметра (табл. 1, 11, 15, 20). Определенный интерес представляет керамический светильник, найденный в Зарядье (табл. 1, 19). Он похож на керамические светильники киевского типа, но пропорции изделия иные. Светильники

такой конструкции характерны для древнерусских городов домонгольского времени.

В Москве в слоях XIII в. наряду с обычной курганной керамикой встречается и разновидность ее, которую М. Г. Рабинович называет городищенской керамикой⁷. По сравнению с несколько более ранней московской керамикой «курганного типа» она беднее орнаментирована, часто встречается неорнаментированные сосуды. Черенок по сравнению с керамикой курганного типа более плотный. Цвет с керамикой курганного типа более ослепительный, в результате дополнительной обработки издольной техникой ошара. По форме сосуда не отличается от курганной керамики. М. Г. Рабинович отмечает, что для керамики этого типа характерно наличие у горшков ребра под венчиком. Это не совсем точно, такие ребра встречаются и у курганной керамики, и у керамики гораздо более позднего времени.

Во второй половине XIII в. население Москвы сильно увеличивается, керамическое производство быстро развивается для удовлетворения возросшего спроса населения. Количество курганной и городищенской керамики в это время резко идет на убыль, и на смену ей повышается больше партии красноглиняной керамики, которая по качеству изготовления резко отличается от более ранней керамики. Быстро растет ассортимент сосудов.

Ранние периоды истории московского керамического производства — XII—XIII вв. пока не могут быть охарактеризованы с надлежащей обстоятельностью из-за недостатка источников.

Судя по известной однородности встреченного в Москве керамического материала этого времени, керамическое производство размещалось в одном месте. Это подтверждается и тем, что в более позднее время город снабжался керамикой из одного источника — из Узской гончарной слободы. Чтобы предположительно указать место размещения гончаров, нужно проследить, где вообще располагались они на всяком древнерусском поселении. Гончарное ремесло в XI—XIII вв., да и в более позднее время, считалось огнеопасным и потому удалялось от жилья на край поселения. Поэтому, чтобы установить, где жили гончары в Москве, необходимо определить примечательные границы поселения в XII—XIII вв. В XIII в. с востока границей Москвы был р. Проходивший по линии современных проездов Куйбышева и Псковского переулка. С юга границей города была р. Москва, с северо-запада — р. Неглинная. Нет оснований предполагать, что гончарное производство в домонгольское время в Москве могло размещаться в Занеглинные или Замоскворечье. Районы эти начинали застраиваться поздно.

Кроме того, там нет выходов хороших горшечных глин. Левый берег Москвы сверху прикрыт могилами, сложенными из песка с гравием и по характеру природных условий не похож на район, в котором могло размещаться керамическое производство.

При ранних прочих условиях при размещении гончаров учитывались и ветры, господствующие в

⁴ А. Д. Монгайт, 1953, стр. 125.

⁵ Р. Л. Розенфельдт, 1963, стр. 121.

⁶ А. Д. Монгайт, 1955, стр. 117.

⁷ М. Г. Рабинович, 1949.

данной местности, так, чтобы поселение не располагалось с подветренной стороны по отношению к горнам. В Москве это были ветры юго-западные и западные. В соответствии с таким направлением ветров в Москве в более позднее время, чем домонгольское, кузнечки и гончарные слободы располагались обычно на восточной или северо-восточной окраинах города (Кузнечная слобода в районе современной улицы Кузнечный мост, Яузская гончарная слобода на холме при впадении р. Яузы в р. Москву). Там, где это удаётся проследить, в подобных условиях располагались гончары и кузнечники на других поселениях. Так, на Вшижском гончарный горн был размещен на северной окраине поселения (господствующие ветры — южные, юго-западные). На северной окраине Верей располагался горн, обнаруженный Л. А. Голубевой (господствующие ветры южные). Гончары предпочитали селиться неподалеку от залежей горшечной глины — «глинцы». В Москве известно несколько урочищ с названием «Глинцы». Одно из них было к югу от современной ул. Богдана Хмельницкого, на территории Глиннинского переулка. Ранее он носил название Спасо-Глиннинского, по имени церкви Спаса на Глинцах, первое упоминание о которой относится к 1460 г.⁸ Название урочища, где построена эта церковь, еще более древнее. В этом районе еще в XVIII в. находился огромный карьер. Осмотр траншеи, проведенных в 1954 г., показал, что под современным покрытием переулка залегают мощные пласты красножигучей глины типа сулганков. Культурный слой по линии траншеи отсутствует.

Другое урочище «Глинцы» располагалось в древности на территории Китай-города, в восточной части современной улицы Раина, рядом с церковью Троицы в Никитниках. По преданию, ранее здесь стояла церковь Никиты на Глинцы.⁹ И это, по-видимому, не случайно, так как св. Никита в Москве в XV—XVII вв. считался патроном московских гончаров. В более позднее время церковь этого святого стояла в центре Яузской гончарной слободы. Возможно, она была перенесена сюда из Китай-города.

Два урочища с названием «Глинцы» располагались в Москве на территории Белого города, одно — у Козинского переулка, где ранее была церковь св. Алексея на Глинцы (1621 г.). Глины здесь начали разрабатываться в XVI—XVII вв. Второе урочище «Глинцы» также позднее. Рядом с ним была церковь Преображения Господня на Глинцы. Из всех урочищ с названием «Глинцы» ближе всех располагалась к древнейшему центру города урочище в восточном конце современной улицы Раина. Не исключено, что именно близость от этого места и являлись московские гончары в домонгольское время, снабжавшие город керамикой. Это место имело и достаточно удобный рельеф. Здесь высокий подветренный берег, на котором обычно и размещались горны гончаров. Наличие всхолмлений и откосов облегчало работу по сооружению горнов. Подветренность участка способствовала улучшению тяги.

Очевидно, гончарство в домонгольской Руси было первоначально занятием сезонным. Гончары были тесно связаны с сельским хозяйством и занимались ремеслом в свободное от полевых работ время. Для производства керамических изделий требовалась особая глина. Заготовки ее были сопряжены порою с большими трудностями, в особенности у гончаров равнинных поселений, где глина застывала под слоем баласта и где для добычи ее приходилось отыскивать глубокие ямы и штольни. Работы по заготовке глины здесь обычно велись зимой, когда уровень грунтовых вод бывал пониженным. Гончары, расплачиваясь выходами глины на поверхность, заготавливали ее в любое время года по мере надобности. В Москве, по-видимому, преобладал последний способ заготовки глины. Московские гончары XII—XIII вв., судя по изделиям, брали глину из верхних слоев месторождений, и она нередко оказывалась загрязненной разнообразными примесями. При повышенной жирности и глину для отощения добавляли песок. Современные гончары жирную глину называют обычно «буйной», и песок добавляют для ее «смирнения». Другой примесью при производстве бытовых керамики в Москве и Подмоскowie, в особенности для более мелких сосудов, была древо. Она получалась из гранитных валунов, которые раскалывались в огне, а затем обваливались водой. Камни распадались на отдельные кристаллы. Древо толкалось в ступах. Несмотря на грубость, она была высококачественной примесью при производстве керамических сосудов. Угловатость ее зерен обеспечивала минимальную усадку сосуда при обжиге. Приготовленные этой примесью были делом трудоемким. Отрицательное качество дровы — ее криунозериность, из-за чего поверхность сосудов обычно имела неряшливый вид. Впрочем, как примесь дровы в отдельных районах применялась чуть ли не до XX в. В Москве использование дровы прекращается в XIII в.

Глина перед формовкой сосуда тщательно перемешивалась с примесью, количество которой иногда составляет (по весу) не менее 10% от массы керамического теста. Вся московская керамика XII—XIII вв. изготовлена на круте. Судя по этнографическим материалам, это был ручной гончарный круг тяжелого типа, в виде массивного деревянного диска, надетого на штырь, неподвижно закрепленный в конце низкой скамьи или на обрубке дерева. Такой круг до недавнего времени бытовал в Подмоскowie, на Смоленщине и в Рязанской земле. Сосуды на дне имели подсыпку песка или золы, они были изготовлены легкой техникой. Следы распада сосудов по линии скрепления лент можно проследить в Москве не только на сосудах XII—XIII вв., но и более позднего времени. Трудно сказать, что-либо определенное о подготовке глиняного теста, о выдерживании его. После нанесения орнамента формованные сосуды подсушивались и шли на обжиг. Орнамент на сосудах наносился заостренной палочкой, многозубой вилкой, реже зубчатым орнаментальным колесиком. Из других инструментов при формовке со-

суда употреблялись, судя по этнографическим аналогиям, деревянные ножи и скребки, которыми проводиласьправка сосуда, профилировка венчика.

Вероятно, производство керамики в Москве в XII—XIII вв. было избытым и велось в том же доме, где жила семья гончара. Обжиг московской керамики курганного типа производился в керамических горнах.

Рассмотрение конструктивных керамических горнов домонгольского времени на территории лесной зоны Восточной Европы (преимущественно в районах, прилегающих к Москве), а также более поздних по времени обжигательных печей как в самой Москве, так и в ее ближайших окрестностях позволяет думать, что горны московских гончаров XII—XIII вв. были глинобитными, овальными в плане, двухъярусными, с расположенной внизу тошой иверху обжигательной камерой. Вместимость их небольшая. Судя по продукции, процесс обжига в них был кратковременным и шел при температуре около 600°. Высказывались предположения о том, что значительная часть горнопокой керамики и особенно деревенской обжигалась в бытовых печах жилища. Думается, что такой обжиг не мог иметь широкого распространения в домонгольское время, в частности в Москве. Плохое качество обжига сосудов этого времени достаточно хорошо известно и за пределами Москвы, в том числе и на поселениях, где горны найдены при раскопках, например на Вшижском гончарнице. Это объяснялось несовершенством конструкций горнов и главным образом небольшими размерами их: в таких горнах из-за большой теплоотдачи нельзя было достичь высокой температуры. Ограниченное количество посуды, выпускаемой гончаром XII—XIII вв. в небольших городах и сельских поселениях, не стимулировало сооружения крупных горнов, потому керамика хорошего обжига встречается на Руси преимущественно в крупных городах (чем она и отличается от деревенской). Древнерусские бытовые печи домонгольского времени,

небольшие по размерам, были почти непригодны для обжига керамики. Наличие такой печи в небольшом жилище помещеники не способствовало массовому обжигу керамики. Этнографические примеры обжига керамики в недавнем прошлом в печах жилища должны приниматься во внимание с большими оговорками. Сложенная из кирпича большая русская печь конца XIX в. не может быть сравнима с небольшими глинобитными печами москвичей XII—XIII вв.

Письменные источники того времени совсем не упоминают о гончарах, и поэтому каких-либо определенных суждений об организации, правоположении их мы не имеем. Трудно судить и о количестве гончаров, обслуживавших Москву.

Изучение московской керамики домонгольского времени убеждает нас в том, что она в значительной степени как по ассортименту сосудов, так в особенности по технике изготовления отличается от керамики из подмосковных курганов. Однако различия эти в XII в. не настолько сильные, как между керамикой Киева и Киевщины или между керамикой Рязани и Рязанской земли. Разительные отличия начинают появляться только в конце XIII в., когда подмосковная деревенская керамика продолжает в Москве (кроме спорных фрагментов) поливной керамики, довольно характерной для керамического производства южнорусских городов домонгольского времени и встреченной в ряде севернорусских городов в слоях домонгольского времени. В быту зажиточных слоев населения Москвы было немало привозной амфорной керамики. Небольшое количество фрагментов корчаг найдено при раскопках на территории Московского Кремля. Их можно датировать второй половиной XII — первой половиной XIII в.¹⁰

¹⁰ А. Л. Яковлев, 1951, стр. 340—341.

⁸ АЮБ I, стр. 553.

⁹ «История русской архитектуры», стр. 111—113.

Глава II

КРАСНОГЛИНЯНАЯ И КРАСНОЛОЩЕНАЯ КЕРАМИКА конца XIII — начала XVI в.

Красноглиняная керамика — одна из основных групп московской керамики в XIV—XV вв. Она появляется в Москве в самом конце XIII в. и по формам сосудов связана с городской керамикой XII в. и керамикой курганного типа, являясь результатом их дальнейшего развития. Одновременно с ней в быт москвичей проникает и парадная разновидность ее — краснолощенная. Техника изготовления краснолощенной керамики, если исключить лощение, одинакова с техникой изготовления красноглиняной керамики. Последняя употреблялась преимущественно в качестве кухонной посуды.

Красноглиняная и краснолощенная керамика изготавливалась из красноглинистых глин. Наиболее известные месторождения их в городе были на Яузском холме, где размещалась одна из древнейших ремесленных слобод города — Гончарная слобода. Для формовки сосудов шла глина хорошего качества средней запесчанности. В качестве примеси в керамическое тесто употреблялись только песок. Все сосуды, входящие в эту группу, кроме маломерных, изготовлены на ручном гончарном круге техники напела. При равных размерах сосудов с курганными красноглиняными и краснолощенными имеют более тонкие стенки. На днищах сосудов подсыпка речного песка; изредка встречаются и клейма; обычно это крест в круге. Гончары, ставившие клейма на посуде, по-видимому, к этому времени уже имели некое представление о назначении их и делали это по традиции¹. После формовки сосуды украшались линейным орнаментом, а краснолощенные, кроме того, и наколами косо поставленной многозубой вилицы, вытнутыми в понос. После просушки сосуды, предназначенные для столового обихода, лощились. Лощение производилось окатанной галькой. На поверхность сосуда лощение наносилось узкими параллельными полосами. Направление лощения вертикальное или косое. Полосы лощения, как правило, не пересекаются, ширина их от 1,5 до 2—5 мм. Длина пролощенных полос не более 6—8 см. Тщательно вылащивалась верхняя, лучше

видимая часть тулова сосуда. Если лощился большой сосуд, то лощение наносилось отдельными расположенными по вертикали зонами (табл. 24, 8). На сосудах типа кубинных иногда встречается под горловиной вылощенный узор в виде волны. Сосуды XIV в., как правило, имеют хорошее лощение, а XVI в. — неряшливое. Ряд сосудов, которые в раннее время лощились обязательно, позже лощения не имеют. Не встретилось ни одного сосуда с лощением, нанесенным на внутреннюю поверхность. По окончании просушки сосуды обжигались в горнах.

Известно до десяти горнов в Москве и за ее пределами, в которых обжигались красноглиняная и краснолощенная керамика. Судя по совместному нахождению в ямах для брака красноглиняной и краснолощенной керамики, обе разновидности этой посуды делались одними и теми же гончарами и вместе обжигались. Много такой бракованной керамики встречено при раскопках на территории Яузской гончарной слободы, где она и производилась. В Москве существовало несколько разных конструкций горнов для обжига красноглиняной и краснолощенной керамики. Наиболее ранние горны, датируемые XV — первой половиной XVI в., были открыты в Яузске при раскопках ГИМ 1946 г.² В западной, наиболее древней части гончарной слободы было обнаружено пять горнов сходной конструкции. Они круглые в плане и двухъярусные, сложены из сырцового кирпича и глины. Под обжигательной камерой их обычно подпирала «козлом». Диаметр пода обжигательной камеры в таких горнах достигал полутора метров. Два из этих горнов расположены таким образом, что топилась из одной горновой ямы. По сравнению с горнами домонгольского времени они больших размеров, что давало возможность достигать в них более высокой температуры.

Близкие по конструкции горны для обжига такой же керамики встретились и за пределами Москвы. В 1947 г. на Яузском городище был открыт глинобитный двухъярусный горн с диаметром пода в

110 см. Автором раскопок этот горн датируется XIV—XV вв.³ В 1948 г. в Болгарах, где широко распространена красноглиняная и краснолощенная керамика типа, сходного с московской, были открыты четыре горна в ремесленном районе, занятые производством керамики. Все эти горны двухъярусные, сложенные из сырцового кирпича, округлые или овальные в плане, с диаметром обжигательной камеры в 2—3 м⁴. Температура обжига в них колебалась от 800 до 900°. Хорошей сохранности глинобитный круглый в плане двухъярусный горн был найден во Владимире в 1955 г. Диаметр обжигательной камеры 145 см. Рядом с горном было найдено много красноглиняной и краснолощенной керамики XIV—XV вв. Бытованная в это время во Владимире красноглиняная и краснолощенная керамика сходна с московской не только по технике изготовления, но и по ассортименту сосудов, по приемам ornamentации изделий⁵.

Большой размер горнов в XIV—XV вв. говорит о том, что ремесленники-керамисты этого времени значительно меньше уделяют внимания земледелию, керамическое производство становится для них основным источником дохода. Их уже не могут удовлетворять небольшие горны, рассчитанные на одновременный обжиг всего лишь двух десятков горшков. В горнах XIV—XV вв. можно было обжигать сразу более сотни сосудов. Крупные горны несомненно экономичнее мелких. Вместе с тем горны этого типа за счет увеличения скорости ручного круга и повышения мастерства формовки осваивают изготовление тонкостенной керамики. На единицу объема сосуда этого типа шло гораздо меньше глины, и изделия можно было легче прокалить в горнах.

Впервые московские гончары упоминаются в известной духовной грамоте Андриана Ярыма (1460 г.)⁶, когда один из них, нуждаясь в деньгах, пропил займы их у этого монаха, жившего в Андрониковом монастыре. Именно по соседству с этим монастырем, на территории Яузской гончарной слободы, и было сосредоточено производство красноглиняной керамики. Впервые эта слобода упоминается в 1547 г.⁷ в связи с большим пожаром, который был в этом районе. «Погоре гончары и козельники вниз возле реку Москву», — сообщали об этом московские летописцы. Однако заселенность этого района устанавливается и более ранними документами. О существовании здесь церковного прихода свидетельствует летопись, которая сообщает под 1476 г. о церкви «Никиты святого иже за щипет под 1476 г. о церкви». Впервые эта слобода упоминается по материалам раскопок, может быть отнесено к XIV в. В это и несколько более позднее время была заселена только западная часть Яузского холма. Здесь и встретились наиболее ранние глинобитные горны. Поселение гончаров располагалось на вершине холма, по тропинке которого в направлении с востока на запад проходила основная улица

слободы. К несколько более позднему времени относятся и пять кирпичных горнов для обжига красноглиняной керамики, открытые на территории Яузской гончарной слободы. Один из них был раскопан М. Г. Рабиновичем в 1946 г.⁸, три — автором в 1954 г. и один найден случайно и не раскопывался¹⁰. Все эти горны тоже конструктивно сходны. Они кирпичные, прямоугольные в плане, вытнутые, с выносными топками и с одним или двумя точными каналами, расположенными под обжигательной камерой. Горны сложены из большего и малого кирпича. Длина горнов без топки 150—350 см. Горны близки между собой не только конструктивно, но и по материалам, из горнов встретились два испорченных при обжиге красноглиняных лощеных кубинки с яйцевидным туловом и хорошо выделенной горловиной, четыре чернолощенные сферические миски, обломок чернолощенной кубинки и три обломка разных белоглиняных горшков, один из которых был с линейным орнаментом, второй с волнистым и третий без орнамента. Там же был найден и кубинки-кружка из красной глины, покрытый пятнами белого ангоба. В жилых кварталах Москвы керамика такого типа стратиграфически датируется XV—XVI вв., по форме последний сосуд характерен для XVI в. Неподобно от горнов находилось яма с бракованной керамикой. В ней были преимущественно красноглиняные и краснолощенные сосуды. В той же яме встретились ранние формы белоглиняной, ангобированной и чернолощенной керамики. Эти горны служили для купности находок краснолощенной посуды. По совонангобированной и чернолощенной, так и белоглиняной, купности находок горны должны быть датированы первой половиной XVI в. Они несомненно совершеннее и технически более продуктивны, чем более ранние круглые глинобитные горны. В них можно обжигать крупные керамические изделия. Автор полагает, что появление кирпичных горнов на Яузской слободке можно связывать и с распространением декоративных монументальных зданий больших керамических орнаментированных плит, которые выявляются в 80-х годах XV в. Такие плиты невозможно обжечь в глинобитных горнах старой конструкции.

Как уже отмечалось, в Москве красноглиняная и краснолощенная керамика появляется в самом конце XIII и начале XIV в.¹¹ В это же время покончилась в Московском государстве для наружного декора монументальных зданий больших керамических орнаментированных плит, которые выявляются в 80-х годах XV в. Такие плиты невозможно обжечь в глинобитных горнах старой конструкции.

Как уже отмечалось, в Москве красноглиняная и краснолощенная керамика появляется в самом конце XIII и начале XIV в.¹¹ В это же время покончилась в Московском государстве для наружного декора монументальных зданий больших керамических орнаментированных плит, которые выявляются в 80-х годах XV в. Такие плиты невозможно обжечь в глинобитных горнах старой конструкции.

¹ Л. А. Розенфельд, 1963, стр. 100—161, рис. 5, 6.

² З. А. Акчурин, 1950, стр. 69—74.

³ В. В. Седлов, 1958, стр. 78—83.

⁴ АКОБ, т. I, стр. 554.

⁵ ААЭ, т. I, стр. 87.

⁶ ПСРЛ, т. VIII, стр. 182.

⁸ М. Г. Рабинович, 1947.

⁹ Р. Л. Розенфельд, 1959.

¹⁰ М. Г. Рабинович, 1954, стр. 79.

¹¹ Н. Н. Воронин, 1949, стр. 186; Б. А. Рыбаков, 1949, стр. 130; А. Ф. Дубынин, 1945, стр. 91—99.

¹ Р. Л. Розенфельд, 1963.

² В. А. Мадьяр, 1949, стр. 44—51.

керамическое производство на керамические производства более западные по отношению к нему районов, и в частности на керамические производства Москвы и Звенигорода. Летописные известия XIV в. сообщают о походах московского и звенигородского князей в пределы Болгарского царства. Особенно успешным был поход звенигородского князя Юрия Дмитриевича на Волжских Болгар в 1396 или 1399 г., когда войско князя «пешше вьязца град Болгары и Жукотин и Казань и Керемечук и иных много градов и пребывахашо три месяцы воююще и пленяше землю их и возвратишася со многим богатством во свояси»¹². В это же время Суздаль и Городец были присоединены к Московскому княжеству. Нижний Новгород был покорен сыном Дмитрия Донского князем. Возможно, тогда были пленены и болгарские гончары, которые затем были вывезены в Московское и Звенигородское княжества. В обработке ряда московских красноокрашенных сосудов XIV—XV вв. чувствуется их влияние: те же приемы орнаментации, то же расположение зон лощения на сосудах. Однако это не было основной причиной появления в Москве новой, более высокой керамической техники. Она возникла как результат развития местного керамического производства, пытавшегося удовлетворить возросшие запросы быстро развивающегося и кривящего города.

Изучение датировок керамики, входившей в эту группу, впервые было предпринято А. Ф. Дубыным при работе над материалами из раскопок в Суздале¹⁴. А. Ф. Дубынин связывал находку этой керамики с постройкой, которая датируется XIII—XIV вв. В другом месте той же работы эта керамика автором датирована XIV—XV вв. В результате работ Б. А. Рыбакова в Звенигороде в 1943—1945 гг. датировка красноокрашенной керамики была уточнена¹⁵. Несколько обломков красноглиняных и красноокрашенных сосудов были найдены в подполье вала в потребном культурном слое предшествующего времени и в насыпи вала. Укрепление же Звенигородского городища, как это доказал Б. А. Рыбаков, могло относиться к единственной кратковременной поре расцвета этого города при Юрии Дмитриевиче (1384—1434 гг.). В ранних своих работах М. Г. Рабинович безуспешно определял появление красноокрашенной керамики в Москве серединой XVI в. и пишет, что производство ее достигло расцвета в XVII в.¹⁶ В более поздней работе он отмечает, что хорошей сохранности большой красноокрашенной кувшины был найден в Москве, в Зарядье, в горизонте ниже пожарной прослойки 1488 г., под зданием XV в.¹⁷ Время появления красноглиняной и красноокрашенной керамики в Москве проверено нами на основании материалов раскопа 8 1954 г. в Зарядье. Особенностью его было интенсивное отложение горизонтов культурного слоя конца XIII в. и начала XIV в., что дало возможность подробно

ознакомиться с красноглиняной керамикой этого времени. В вышележащем перекрывающем горизонте было найдено несколько фрагментов поливной среднеазиатской керамики XV в. и стеклянные иконки XV в. В слое с красноглиняной керамикой встретились синие шаровидные стеклянные бусы XIV в., стеклянные перстни, литейная форма начала XIV в. и другие хорошо датированные находки. Прекращение бытования в Москве красноглиняной и красноокрашенной керамики на основании стратиграфических наблюдений определяется хорошо. Это первая половина XVI в. То же подтверждается материалами раскопок на Яузской гончарной слободе, где пока не найдено ни одного горна второй половины столетия, в которых обжигалась красноокрашенная керамика. Причиной прекращения производства красноглиняной и красноокрашенной керамики в Москве было появление лучшего качества белоглиняной керамики, которая вытеснила керамику красноглиняную. В это же время постепенно прекращается производство посуды на Яузской гончарной слободе.

Основной формой московской красноглиняной керамики является горшок. Значительная коллекция обломков ранних красноглиняных горшков была получена при работах в Зарядье. При сравнении красноглиняных ранних горшков XIII—начала XIV в. с московскими горшками курганного и городищенского типов XII—XIII вв. бросается в глаза то, что они по форме почти не отличаются, имеют сравнительно покатые плечики и сходной формы венчики. Орнамент, по преимуществу линейный, покрывал верхнюю часть тулова. Однако сосуды эти значительно отличаются тонкостенностью и обжигены до красного цвета. Среди них встретились обломки горшков для хранения прягасов — это сравнительно большие сосуды с диаметром горла до 30 см — и хуже ориентированные горшки меньшего размера, служившие для варки щипца, на поверхности которых видны концы и нагар (табл. 2, 2, 4—7, 9, 10, 13). Среди найденных обломков красноглиняных горшков XIV в. подавляющее большинство имеет венчик типа, представленного на табл. 2, 16, в, г, и являющегося дальнейшим развитием формы наиболее распространенного венчика керамики XII—XIII вв. Как мы говорили выше, это характерные венчики горшков для варки щипца. У красноглиняных ранних горшков встречаются также венчики и других видов, изображенные на табл. 2, 2. Горшки с такими венчиками во много раз меньше, и они менее характерны для этой группы керамики. Большого разнообразия форм венчиков, которое было у московской керамики курганного типа, в этой группе керамики нет. Форма венчика горшка устанавливается, и в дальнейшем она почти не изменяется.

Среди обломков красноглиняных горшков были обнаружены сосуды с диаметром горла 25—30 см и сосуды с диаметром горла 12—15 см. Количество маломоночных горшков по сравнению с более ранним временем увеличивается. Максимальный диаметр тулова сосудов несколько выше, чем у горшков XII—XIII вв. Интересно отметить, что если изменение формы горшка в XIII в. происходит есте-

ственно, то характер обжига на грани XIII—XIV вв. изменяется резко. В вышележащем слое раскопа 8, который с уверенностью можно датировать XV в., встречаются красноглиняные горшки иного вида. Отличия касаются двух деталей — орнаментации и формы венчика. Так, часто встречаются горшки с венчиком вида, изображенного на табл. 2, 10 и е. Эти венчики являются дальнейшим развитием во времени и типологически основного типа венчика красноглиняных горшков предыдущего столетия. Принципиально они не отличаются от более ранних по форме, но постановка чашечки в вертикальные венчики простой формы с небольшой припухлостью в верхней части на внутренней стороне и небольшой кольцевой канавкой под ней. В связи с изменением постановки венчика, которая при тех же размерах сосуда становится меньшей. Наряду с таким основным типом венчика употреблялись, правда, в меньших количествах, и более простые вертикально поставленные венчики без припухлости и канавки. Сколько можно проследить, горшки с такими венчиками обычно и предназначались, по-видимому, для хранения прягасов, хотя на некоторых из них и есть следы нагара.

Орнамент на горшках этого типа обычно линейный, и середине XIV в. он собирается в верхней части тулова сосуда, размещаясь на плечиках. Линия орнамента прочерчена острым тонким инструментом (табл. 2, 4, 9, 10).

Московские красноглиняные горшки XV в. известны не только из Зарядья. Они найдены при раскопках Яузской гончарной слободы. Обломки их встречались при реставрационных работах в нижнем горизонте культурного слоя у церкви Николая на Берсеневке и палат Аверкия Кириллова, в Кремле и в районе Самотечной площади. Если более крупные красноглиняные горшки XV в. по пропорциям приближаются к красноглиняным горшкам XIV в., то маломоночные горшки того же времени не только имеют (при одинаковых размерах сосудов) сравнительно меньший диаметр горловины, но и сравнительно меньшую площадь дна. Высота венчика тоже уменьшается, горшки становятся более приземистыми. Соотношение максимального диаметра и высоты у сосудов средних размеров 1:1, у сосудов малых размеров 4:3. В это время предпочтительные диаметры венчиков горшков были 7, 10, 13, 15, 22—23, 25, 30 и 32 см. Наиболее распространенными были сосуды с диаметром горла около 24,5—25 см (обмерено 200 венчиков). Они составляют около 1/4 обмеренных сосудов. Красноглиняные горшки конца XV — начала XVI в. почти не отличаются от красноглиняных горшков XV в. Только среди маломоночных горшков начинают встречаться сосуды с вертикально поставленным венчиком, слегка утолщенным внутри сосуда. Плечики у этих сосудов крутые (табл. 2, 1е).

Изучение серий красноглиняных московских горшков позволяет сделать вывод о начавшейся

стандартизации керамической продукции. Появляются сосуды со стандартными размерами (диаметрами) венчиков, за которыми чувствуется (учитывая фрагментарность материала) стандартизация размеров горшков в целом. Почти полностью исчезает имевшийся в домонгольское время разброс в формах венчиков горшков. По-видимому, это объясняется массовостью продукции и тем, что сосуды эти имеют в основном одно назначение (для варки щипца), и то время как горшок домонгольского времени был более универсальной формой посуды.

При археологических раскопках в Москве в слоях XV—XVI вв. встречаются красноглиняные горшки, ослепленные снаружи полосками бересты. Просмотр серии подобных сосудов позволил установить, что ослепка ставилась только на лопнувшие горшки. Понимая таким образом сосуд мог употребляться только для хранения продуктов.

Следует остановиться еще на одной редко встречающейся разновидности красноглиняных горшков, относящейся к концу бытования этой группы керамики. Это горшки с трубчатой шейкой. По форме, орнаментации, обжигу они подобны красноглиняным горшкам XV — начала XVI в. Отличие их в том, что эти сосуды в верхней части имеют косяк поставленную трубчатую горловину (табл. 2, 3). Это сосуды для молочных продуктов. В верхней части по плечикам они украшены полосками линейного орнамента. Диаметр горла одного целого сосуда 20 см, диаметр дна 9,2 см, высота 20,30 см, диаметр трубки горловины сосуда 5,5 см.

В той же технике изготовлялись и красноглиняные кастрюльки с трубчатыми ручками, служившие для разогревания щипца. У них тулова в виде несомненно усеченного конуса с большим основанием, прерывала 8—10 см, высота 20,30 см, диаметр трубки горловины сосуда 14—16 см. Трубчатая глиняная ручка примыкала к боковой стенке сосуда примерно на середине высоты. Длина ручек зависела от размера сосуда, но редко превышала 8—10 см. Обломки красноглиняных кастрюлек с трубчатыми ручками в значительном числе были найдены при раскопках. Отдельно найденные ручки от красноглиняных кастрюлек встречались в Суздале, Владимире, Вологде, Ярославле. Кастрюльки с ручками найдены вместе с красноглиняными горшками XIV—XV вв. и датируются тем же временем.

Третий тип сосудов, изготовленных в этой технике, — это светильники в виде черпаков. Их диаметр 8—10 см при высоте 3—4 см (табл. 2, 8). Верхний край тулова сосуда загнуто в сечении глиняного валика в виде вертикально поставленной петли или закрученной спирали, которая несколько выступала вверх над обрезом черпака. Сосудики эти были светильниками, и на некоторых из них сохранилась законченность. Загнутый внутрь край не давал возможности использовать их в качестве те, ручки, вылепленная от руки, примыкала

¹² ИСРЛ, Т. XI, стр. 160.

¹³ А. Ф. Дубынин, 1945, стр. 94—95.

¹⁴ Б. А. Рыбаков, 1949, стр. 125—133.

¹⁵ М. Г. Рабинович, 1949, стр. 63.

¹⁶ М. Г. Рабинович, 1954, стр. 75.

птичек встречена на территории Юзаской гончарной слободы. Птички эти, по наблюдениям М. В. Фехвер, а также по нашему мнению, могут быть датированы XVI — началом XVII в.

Из красной глины на Яузе изготавливались и другие игрушки: маленькие коники длиной в 5—6 см (раннего времени), баранчики, круглые глиняные шарки диаметром в 3,5—4 см (табл. 2, 23, 24, 26, 27). Находили их пока единично.

По формальным признакам в настоящую главу о производстве керамических изделий из красножгущей глины должны бы быть внесены еще два больших раздела: производство орнаментальных терракотовых плит для фриз, получивших распространение в Москве с 80-х годов XV в. и по 20-е годы XVI в., и производство красных терракотовых изразцов (первая половина XVII в.). Однако из-за своеобразия этих производств они будут рассмотрены ниже.

Сосуды краснолощенные, как сказано выше, являются вместе с красноглиняной керамикой, являясь столовой ее разновидностью. Среди московских краснолощенных сосудов наиболее часто встречаются кувшины-кружки. Форма их своеобразна и не вытекает из известных нам форм московских сосудов домонгольского времени. Кувшины-кружки имеют вид усеченного конуса со слегка выделенной горловиной со сливом. Нижняя часть тулова такого кувшина имеет срез по окружности два. Максимальный диаметр сосуда находится на уровне этого нижнего ребра. Краснолощенные кувшины-кружки изготовлены на круге, на днищах их подсыпка мелкого песка. На некоторых встречаются на дне клейма в виде креста в круге. У сосудов этого типа небольшая овальная в сечении ручка. Тулово кувшина-кружки покрывалось вертикальными полосками лощения. На горле, украшенном поперечным рифлением, лощение не наносилось. Ручка с наружной стороны слегка подщипывалась. Высота сосудов различная, но редко превышает 18—20 см. Обычно это кувшины-кружки высотой 15—16 см и емкостью в 1—1,5—2 литра. Встречены и совсем небольшие кувшины-кружки емкостью до 200 г. Краснолощенные кувшины-кружки найдены не только при раскопках в Зарядье, но и на территории Юзаской гончарной слободы, где они производились. Представляется возможным выделить среди этих сосудов как более ранние, так и более поздние экземпляры и наметить аналогии между ними.

Ранние кувшины-кружки XIV—XV вв. имеют форму тулова, приближающуюся к правильному усеченному конусу (табл. 3, 1, 2, 5); кувшины-кружки второй половины XV—начала XVI в. имеют раздутую в нижней части тулово (табл. 3, 4). Один такой сосуд найден в заполнении горна начала XVI в. на Яузе.

Крайне редко встречаются красноглиняные кувшины-кружки без лощения. Один из них хранится в Музее антропологии МГУ²². Место находки неизвестно. Краснолощенные кувшины-кружки — форма,

характерная для московского керамического производства. При раскопках в Звенигороде краснолощенные кувшины-кружки встретились лишь в виде единичных находок. Краснолощенные кувшины-кружки предназначались для хранения и разлива напитков. На одном сосуде этого типа с утраченной ручкой имелась подтеки дегтя: после утраты ручки этот сосуд использовался для хранения дегтя, но это, конечно, не основное его назначение.

Вторую группу кувшинов образуют краснолощенные сосуды с туловом яйцевидной формы, сходные по форме с кувшином на табл. 3, 34. У них высокое грубчатое горло, слив на горловине и овальная в сечении ручка. Кувшины XIV—первой половины XV в. имеют вытянутые пропорции и горловины сравнительно высокие. Обломки именно таких кувшинов были найдены Б. А. Рыбаковым на Звенигородском городище. У них часто на границе горловины и тулова имеется зона из отпечатков косо поставленной многозубой вилки, заключенных между двумя витками линейного орнамента. Верхняя часть тулова покрывалась косыми линиями лощения. Нередко лощение на ранних кувшинах наносилось и на нижнюю часть горловины. Высота таких кувшинов различная, но преимущественно 24—28 см. Максимальный диаметр тулова 15—17 см. Емкость одного из кувшинов равнялась 2 литрам. Кувшины более позднего времени, конца XV—начала XVI в., имеют более раздутое тулово, горловины у них по отношению к остальным размерам более короткие и широкие. Поверхность тулова поздних кувшинов обычно не орнаментирована. Лощение на тулове такое же, как и на более ранних кувшинах. На горловине иногда выщипывалась волнистая полоска, ручки лощились не всегда. Краснолощенные кувшины конца XV—начала XVI в. разных размеров, но при раскопках встречались по преимуществу большие сосуды емкостью от 2,5 до 5—6 литров.

Образцы поздних краснолощенных кувшинов найдены в Зарядье в слое конца XV в. Несколько кувшинов обнаружено в колодезе начала XVI в. вместе с образцами чернолощеной керамики. Несколько бракованных кувшинов (с попорченными горловинами) найдено в горнах начала XVI в. в Юзаской слободе, что подтверждает местное их изготовление. Они служили для хранения и разлива жидкостей.

Московские краснолощенные кувшины ранних форм сходны с краснолощенными кувшинами из Болгар XII—XIV вв., но последние при еще меньшем диаметре горловины имеют сильно вытянутое тулово. Краснолощенные поздние московские кувшины более темной окраски, что является показателем более высокой температуры обжига их по сравнению с ранними. Совсем плохо обожженные изделия, как отмечено выше, тоже имеют коричневатый оттенок.

Кроме кувшинов, в Москве встречаются и краснолощенные горшки (в виде обломков). По форме тулова они похожи на поздние разновидности красноглиняных горшков без орнамента. Значительная часть найденных фрагментов их свидетельствует о довольно большом размере горловины сосудов —

около 20—25 см. Плечики горшков крутые. Лощение наносилось на верхнюю часть тулова и плечики и имеет вид косой штриховки. Венчики близки по форме венчикам красноглиняных горшков. Датировка этих сосудов пока не может быть точно установлена, но, судя по форме сосуда и обработке поверхности, думается, что она не может выйти за пределы XV—начала XVI в.

В группу краснолощеной керамики должны быть включены корчаги. При раскопках они встречаются в виде обломков, которые не дают возможности полностью восстановить разновидности форм. Часть полностью восстановленной не на полную высоту, была найдена в Зарядье. У нее тулово яйцевидной формы и средней высоты венчик, подобный венчику красноглиняных горшков (табл. 24, 8). Плечики поклатые.

В верхней и нижней частях тулова две зоны горизонтально расположенного орнамента в виде отпечатков косо поставленного гребенчатого штампа, заключенных между двумя полосками линейного орнамента. Поверхность сосуда покрыта косо расположенными полосками лощения. Судя по сохранившейся части сосуда, высота его была не менее 60—70 см. Некоторые из московских краснолощеной керамики должны быть включены корчаги. При раскопках они встречаются в виде обломков, которые не дают возможности полностью восстановить разновидности форм. Часть полностью восстановленной не на полную высоту, была найдена в Зарядье. У нее тулово яйцевидной формы и средней высоты венчик, подобный венчику красноглиняных горшков (табл. 24, 8). Плечики поклатые.

При просмотре обломков краснолощенных московских корчаг видно, что большинство из них было окрашено в более темные тона, чем встреченные одновременно с ними горшки.

²² Запасной фонд. Бесписьменный.

АНГОБИРОВАННАЯ КЕРАМИКА XV—XVI вв.

Красноглинная ангобированная керамика появляется в Москве в XV в. как следствие начавшегося в это время в городе массового распространения белоглиняной керамики. В Москве на территории города не было выходов белоглиняной глины, и гончары, располагавшие только красноглиняными глинами, вынуждены были для горюшек выпускать ангобированную керамику, подражающую белоглиняной. Сосуды, входящие в группу ангобированных, похожи по форме на красноглиняные и особенно на краснополосные потому, что изготавливались теми же гончарами. Производство ангобированной керамики в Москве кончается в середине XVI в. в связи с переходом производивших ее гончаров на массовое изготовление чернотелой керамики, а позже изразцов. В это время в Египсе развигается массовое производство белоглиняной керамики для Москвы.

Среди ангобированной керамики различаются три разновидности сосудов, сходные по форме, но различные по характеру декора поверхности. Это красноглиняная керамика с пятнами белого ангоба на поверхности, белозеленая ангобированная керамика и керамика ангобированная с росписью по ней черной и красной красками. Все сосуды изготовлены на ручном круте.

Красноглиняная керамика с пятнами белого ангоба была очень характерной группой с определенным ассортиментом сосудов и изделий. Состав сосудов и изделий вид их говорит о том, что эта посуда в большинстве была столовой. Как правило, на ней нет нагара и закопченности. Сосуды изготовлены из такой же глины, что и краснополосная керамика. На дне — подсыпка песка. Пятна ангоба, покрывающие один сосуд, всегда примерно одного размера. Более ранние сосуды имеют на поверхности пятна ангоба диаметром в 6—8 мм, более поздние — в 2—3 мм. Довольно редко и преимущественно в позднее время встречаются сосуды и изделия, покрытые не пятнами ангоба, а завитками или полосами. Иногда на поверхности сосудов наносился орнамент. Он был линейным или в виде россыпи точек, заключенного между двумя линиями. Большемерные ангобированные сосуды не встречены. Сосуды с таким декором изготовля-

лись только в Москве, в других городах они не встречаются. Как исключение следует отметить находку обломка красноглиняного сосуда с пятнами белого ангоба на селнице в устье Филимонова оврага под Можайском в 1956 г.¹

Чаще всего при раскопках находят ангобированные кувшины-кружки. Небольшой размер способствовал их сохранности. Более ранними, относящимися к XV в., были кувшины-кружки с туловом в виде усеченного конуса и со срезом по окружности дна. Горловина их со сливом и плохо выделена. Ручки большие и прикреплены одним концом к нижней части тулова, а другим к краю; они овальные в сечении. На ручках тоже пятна ангоба. Несколько кувшинов этого типа найдено при раскопках в Зарядье (табл. 3, 8—10, 16). Высота одного из них и максимальный диаметр равны 8 см. Другой при высоте 8 см имел диаметр 6 см, третий при высоте 10 см имел диаметр 7,5 см, четвертый при высоте 12 см имел диаметр 10 см. Характерной особенностью этих сосудов был темный цвет их поверхности, что говорит о том, что они обожжены при небольшой температуре. Кувшины с пятнами белого ангоба по форме имеют полные аналоги с краснополосными московскими кувшинами XIV—XV вв. и по этим аналогам и по положению в слое могут быть датированы тем же временем. Более поздние кувшины имеют округлую форму тулова, срез у дна этих сосудов нередко отсутствует. Цвет их ярко-красный. Один из сосудов этого типа имел высоту 10 см при диаметре 7 см, другой при высоте 9 см имел диаметр 8 см. Сосуды эти датируются XV в. (табл. 3, 6, 7, 12). Третья разновидность кувшинов имеет грушевидной формы тулово без среза внизу и короткое горло, плавно переходящее в тулово. Высота одного из этих сосудов 15 см, максимальный диаметр тулова 14 см, диаметр дна 7,5 см, диаметр горловины 8 см. Этот сосуд найден в гончарном комплексе начала XVI в. на территории Юзской гончарной слободы. Он покрыт крупными пятнами ангоба. Подобной формы сосуд встречается и в культурном слое Зарядья. Его высота 12 см при максимальном диаметре 10 см (табл. 3, 17, 18).

¹ Разведки автора.

На Юзской слободе найден маленький кувшинчик-кружка высотой 6 см. Возможно, это детская игрушка. Сосуд покрыт мелкими пятнами ангоба.

Красноглиняные кувшины-кружки бытовали с конца XIV по начало — середину XVI в. Имеющиеся формы у них происходят так же, как и у краснополосных сосудов, что дает возможность произвести сопоставления между ними. Обломки кувшинов-кружек встречаются часто в культурном слое Москвы указанного времени. Эти сосуды предназначались для хранения и разливки жидкостей. В 1949 г. в Зарядье была найдена своеобразная разновидность сосудов этого типа (табл. 4, 3) — с раздутым в средней части туловом. Горловина не выделена, сосуд покрыт крупными пятнами ангоба. Его высота 11 см при максимальном диаметре 9 см. В той же технике изготавливались и кувшины. Его высота 11 см при диаметре 14 см с диаметром тулова 10 см был найден в Зарядье, его ручка овальная в сечении. От другого кувшина этого типа сохранилась только верхняя часть. В отличие от первого этот сосуд покрыт мелкими пятнами ангоба. Это одна из поздних разновидностей керамики этого типа (табл. 3, 11, 13; табл. 4, 4).

Сравнительно редко встречается горшки, покрытые снаружи пятнами ангоба. Тулово их сходно с туловом красноглиняных сосудов. По верхней части иногда бывает несколько витков линейного орнамента и поверх него — пятна ангоба. Форма венчика обычно простая. Он поставлен вертикально, а край его иногда завернут внутрь. Все обломки — а край его иногда завернут внутрь. Все обломки — а край его иногда завернут внутрь. Все обломки — а край его иногда завернут внутрь.

Есть выделенные в этой технике и кубышкообразные сосуды. У одного яйцевидной формы тулово и узкая короткая горловина. На середине высоты тулова пояс ямочных отпечатков, заключенных между двумя параллельными линиями. Такой орнамент характерен для красноглиняной и краснополосной керамики. На тулове крупные пятна ангоба (сосуд частично шлакеран) (табл. 3, 15). Другой сходного вида сосуд с шаровидным туловом и коротким узким горлышком, найденный на Юзе вместе с бракованной керамикой начала XVI в., по верху тулова имеет несколько витков линейного орнамента (сосуд частично ангоба) (табл. 3, орнамента, ниже его мелкие пятна ангоба) (табл. 3, 15).

Красноглиняные миски с пятнами белого ангоба встречаются редко. Это широкие разлозенные сосуды типа современных глубоких тарелок меньшего диаметра при большей глубине. Найденная на Юзе (табл. 4, 7) миска такой формы имеет диаметр 20 см и глубину 8 см при диаметре дна 10 см. С наружной стороны по окружности дна срез, как у ранних краснополосных кувшинов-кружек. По наружной поверхности и верхней части внутренней —

крупные пятна ангоба диаметром 7 мм. Это миска для еды. Миска найдена на Юзе в комплексе XV в. и может быть датирована тем же временем.

Красноглиняные покрытые пятнами белого ангоба черпачки встречаются часто. Они двух типов. Более распространенными были черпачки с округлыми стенками и слегка загнутым внутрь краем. Максимальная ширина тулова черпачка в верхней трети высоты (табл. 4, 1). Размеры их стандартны: высота 3—4 см, диаметр 10—11 см, диаметр дна 7—8 см. У сосудов нет левдвиевые ручки. Один такой сосуд найден при раскопках Юзской гончарной слободы. Снаружи он покрыт крупными пятнами ангоба. Несколько таких же сосудов найдено в Зарядье. Датировку их точно установить не удается, судя по обработке поверхности, это XV — начало XVI в. Эти черпачки были жировыми светильниками. Другой тип черпачков — сосудики со сравнительно высоким туловом и прямым краем. Сравнительно высоким туловом и прямым краем. Сравнительно высоким туловом и прямым краем. Сравнительно высоким туловом и прямым краем.

Кроме сосудов, изготавливались и игрушки: лошади, собачки, птички-свистульки, погремушки. Керамические погремушки были в виде полых (с толщиной стенок в 3—4 мм) шариков из красной глины. Погремушки хорошо покрашены до яркого красного цвета. Диаметр их от 3,5 до 5 см, но преобладают большие. Внутри игрушки были заключены один или два камешка или глиняных шарика. Для предотвращения разрыва при обжиге в стенках погремушки было несколько круглых отверстий диаметром 2—2,5 мм. Корпус игрушки выделывался в форме конуса в виде двух полушарий, которые затем скреплялись. На внутренней стороне видны следы спайки. Поверхность погремушек покрывалась обычно крупными пятнами белого ангоба (табл. 4, 9, 25). Кроме такой стандартной росписи, на некоторых встречается нанесенный ангобом узор в виде колец, полос, образующих рисунок в виде сетки, разнообразные изгибы (табл. 4, 5, 6, 10). Встречались и погремушки, покрытые мелкими пятнами белого ангоба (табл. 4, 8). Много погремушек было найдено в Зарядье, несколько штук на Юзе. При раскопках в Зарядье большая часть их была на основании стратиграфии датирована XV — началом XVI в.

К тому же времени, что и погремушки, относятся и игрушки-птички из красной глины с пятнами белого ангоба. Есть две разновидности этих игрушек: птички-свистульки и птички-погремушки. Птички-свистульки найдены в раскопках в Зарядье и на территории Юзской гончарной слободы. Они имеют плохо моделированное тулово. Вместо головы — это заостренный отросток. Ног у птичек тоже нет. В верхней части тулова две круглые в плане дырочки-лапы. Птички изготовлены из краснополосной глины от руки. Максимальная длина игрушек-птичек этого типа около 6 см при диаметре тулова в 2,5—3,5 см (табл. 4, 13, 17). Птичка-погре-

мушка встречена в единственном экземпляре при раскопках на Яузе. Она имеет вытянутое поле тулова, плохо моделированную голову и в нижней части тулова небольшую подставку. Все тулово покрыто мелкими пятнами белого ангоба, а на боках птички в виде контурных квадратов выделены крылья, хвост также подчеркнут полосками белого ангоба. На голове птички тоже есть полосы ангоба (табл. 4, 14). Внутри погремушки камешек или глиняный шарик. Дата птички, судя по тому, что она покрыта мелкими пятнами белого ангоба, — конец XV — начало XVI в.

В той же технике выполнены и найденные при раскопках в Зарядье игрушки-лошадки (табл. 4, 11, 12, 16). Корпус одной из лошадок покрыт крупными пятнами ангоба. Голова и ноги частично утрачены. Тулово сплошное. По-видимому, это ранний образец игрушки, выполненных в этой технике, и по стилистическим признакам может быть датирован концом XIV — первой половиной XV в. Другая игрушка представлена обломком корпуса лошади с частью шеи. Тулово покрыто мелкими пятнами белого ангоба. Роспись, выполненной белым ангобом, передана грива лошади, на крупе тем же способом передана упряжь. Судя по тому, что игрушка расписана мелкими пятнами ангоба в комбинации с полосками белого ангоба, она должна быть датирована тем же временем, что и птичка-погремушка, т. е. концом XV — началом XVI в.

На Яузе найдена сделанная в той же технике игрушка-собачка (табл. 4, 15) с острым носом, заваленными мягкими ушами и загнутым в кольцо хвостом. Тулово у нее сплошное, на поверхности крупные пятна ангоба. Длина игрушки около 6 см при высоте 4,5 см. Игрушка датируется XV в.

В результате наблюдений над керамикой, выполненной в этой технике, и над условиями нахождения ее в горизонтах культурного слоя в Зарядье удалось уточнить датировку этой группы «ситцевой» керамики, выявить признаки, характерные для ранних и поздних вариантов сосудов и изделий этого типа. Так, для керамических изделий XIV — первой половины XV в. более характерно украшение крупными пятнами ангоба. У ранних кувшинов-кружек обязательен косяк среза по окружности дна. Игрушки раннего времени, если это не свистульки, имеют сплошное тулово. В более позднее время появлялись изделия, покрытые мелкими пятнами белого ангоба, иногда в комбинации с сеткой, полосками, колечками, нанесенными тем же ангобом. Для закрытых сосудов характерна большая радиусность нижней части тулова. Надежно, выполненные в этой технике, ни в одном из слоев не составляют более 0,5–1% от общего числа найденных керамических находок.

Наиболее распространенной среди ангобированной керамики Москвы была керамика из красножгутой глины, поверхность которой ангобирована сплошь. Сосуды этой группы изготовлялись из красножгутой глины, а затем покрывались тонким слоем белого ангоба. В качестве ангоба использовались либо местные белые глины, небольшие куски которых изредка встречаются в Москве, либо, что вероятнее, употреблялась привозная гжельская

глина. Глина для ангоба была жирной, без примеси песка, и похожа на одну из разновидностей гжельских глин, известную под названием «мыль» или «мыльенка». Днище ангобированных сосудов, как правило, ангобом не покрывались. Это говорит о том, что ангоб наносился на посуду тогда, когда она стояла на круге, широкой кистью. Ангоб перед нанесением на изделия имел консистенцию и вид жидкой сметаны. Сравнительно тонкий слой ангоба не всегда плотно закрывал поверхность сосудов, и их красноглинное тесто «прореснивает» сквозь него, отчетливо сосуды нередко бывают окрашены (после обжига) в светло-розовые тона. На сосудах закрытого типа ангоб наносится снаружи. У открытых сосудов типа мисок или большемерных сосудов с широким горлом ангобировались как наружная, так и внутренняя поверхность. Техника ангобирования в Москве применялась не только для имитации белоглиняной посуды, но также и при изготовлении чернопошевой керамики для усиления черного цвета сосудов, а также в качестве подкладки под поливу. Она требовала известных навыков у гончаров: для ангоба шли определенные сорта глины с тем же коэффициентом расширения, что и в глину, из которой был изготовлен сам сосуд, в противном случае слои ангоба мог бы отшелушиться при обжиге. Много ангобированной керамики было найдено на Яузской гончарной слободке в ямах с бракованной керамикой, есть она и в жалких кварталах города. Находки бракованной ангобированной керамики в ямах с красноглиняной и краснопошевой керамикой, а также с ранними образцами чернопошевой керамики позволяют определить время ее бытования XV — началом XVI в. Это свидетельствует и о том, что ангобированная керамика изготовлялась теми же гончарами, которые делали красноглиняную, краснопошевую керамику и сосуды, украшенные пятнами ангоба.

В группу московской красноглиняной керамики, сплошь покрытой слоем белого ангоба, входят кубышки, кувшины-кружки, горшки, кубышки, крышки от горшков, кумганы, игрушки в виде птичек, коников, человеческих фигурок.

Два красноглиняных сплошь покрытых ангобом кувшинов происходят из Зарядья. Оба сосуда имеют стройное яйцевидной формы тулово и средней высоты горло, плавно переходящее в тулово (табл. 4, 19, 23). На одном из кувшинов на границе тулова и горловины одинарная полоска линейного орнамента. Край горла кувшинов слегка отогнут наружу и имеет сляп. Ручьи кувшинов овальные в сечении. Кувшины ангобированы только снаружи. По ангобу на одном из них видны небольшие сероватые пятна. По-видимому, это следы овара (кваса или мучной заварки), которым для повышения прочности сосудов обрызгивались после извлечения его из горна. Один из этих кувшинов имеет высоту 24 см при максимальном диаметре тулова 14 см, другой — высоту 25 см при максимальном диаметре тулова 15 см. Судя по стратиграфическим данным, последний кувшин датируется первой половиной XVI в. Кроме этих двух целых кувшинов, в Зарядье найдено значительное число обломков их в слоях XV — XVI вв. По форме они похожи на красно-

пошевые кубышки XV — начала XVI в. Они похожи и на ранние разновидности белоглиняных кувшинов и на ранние разновидности белоглиняных красноглиняных кувшинов, покрытых пятнами белого ангоба. На их примере можно говорить об определенной форме кубышки XV — начала XVI в. в Москве, выполненного в различной керамической технике.

Редкой, но характерной разновидностью московского целком ангобированной керамики были кувшины-кружки, найденные главным образом во фрагментах. Представление о полном их виде дает сосуд, происходящий из раскопок на Яузе в 1946 г. Это красноглиняный, покрытый снаружи белым ангобом, сосуд с туловом в виде усеченного конуса длиной в тулово. В месте соединения тулова с горловиной два витка линейного орнамента. У кубышки-кружки овальная в сечении ручка. Судя по форме (отсутствию срезов), сосуд должен быть датирован концом XV — началом XVI в.

В эту же группу включаются и кубышки (табл. 4, 22). Одна целая найдена в Зарядье. У нее шаровидное тулово и горлышко в виде узкого длинного редутора. Формой горловины ангобированные кубышки сильно отличаются от многочисленных нескольких более поздних краснопошевых кубышек. Высота кубышки 15 см, диаметр тулова 11 см, диаметр дна 5,5 см. Обломки кубышки того же типа найдены в Зарядье в слое XV в. Это обломок горловины с диаметром по обрезу около 5 см. Тем же временем может датироваться и первая кубышка.

Красноглиняные сплошь ангобированные горшки распространены довольно часто — это наиболее широкое из изделий. Большинство их красноглиняных горшков можно разделить на две группы. В одну из них включаются сосуда, по форме являющиеся кувшинами и горлышком того же типа, но с диаметром по обрезу около 8 см. Толщина стенок горшка 5–6 мм. На днищах некоторых из них клейма — крест в кружке. С наружной стороны стенок горшков ангобированы. Назначение сосудов этого вида различное: одни употреблялись для варки нагара внутри и копоти снаружи; другие — для подачи пищи на стол, поверхности их чистые.

Обломки ангобированных горшков первого типа встречаются на Яузской гончарной слободке в одном комплексе с красноглиняной керамикой XV — начала XVI в. и в Зарядье, где они залегают в слоях того же времени.

Во вторую группу сплошь ангобированных горшков отнесены сосуда (табл. 4, 24) с сильно раздутым выше середины высоты туловом, с полными плечиками и дном большой площади. Венчики тонкие, прямые, а иногда и слегка наклоненные внутрь. Обрез венчика утонченный и заостренный, линейный орнамент, нанесенный очень тонким острием. Иногда орнамент заходил и на верхнюю часть тулова сосуда. Диаметр горла большой — 20–22 см при диаметре сосуда 24–28 см. Высота сосуда 18–20 см. Диаметр днища немногим меньше диаметра горла. В нижней части стенки сосуда расширены, что придает ему вид расплюсченного шара. Емкость сосуда 4–4,5–5 литров. Горшки эти служили для варки пищи, и только найденные в яме с бракованной керамикой на Яузской гончарной слободке не имели на поверхности следов нагара и копоти. Как снаружи, так и внутри они покрыты ангобом. Не ангобировано только дно. Московские горшки этого типа изготовлялись на Яузской гончарной слободке, где найдены в ямах с бракованной керамикой конна XV — начала XVI в. Несмотря на это, они имеют формы, далекие от краснопошевых, краснопошевых и ангобированных горшков второго типа в горизонтах XV — XVI вв.

Красноглиняные ангобированные крышки от горшков, судя по значительному (22–24 см) диаметру, служили для покрытия горшков второго типа. Они делались на круге в виде конуса небольшой высоты с сильно расставленным краем (табл. 3, 2), обрез которого слегка отогнут вверх. В центре крышки петлеватая ручка, прикрепленная при помощи глиняного «зуба». Для этого в центре крышки проделывалось круглое отверстие диаметром около 1 см, в которое вставлялся «зуб» (стержень) ручки. Снаружи крышка обычно украшена линией линейного орнамента. Крышки ангобировались с двух сторон. Большая часть крышек найдена в Зарядье. Дата их та же, что и ангобированных горшков второго типа. Пока не найдено ни одной крышки к малому ангобированному горшку.

Красноглиняные покрытые белым ангобом кумганы в виде обломков встречаются часто. Ни одного целого кумгана, выполненного в этой технике, нет. Для реконструкции формы их большое значение имеет находка в Зарядье игрушечного ангобированного обломка и этому игрушечному сосуду, по формам и стилистике сходным с ранними чернопошевыми кумганами, которые хорошо известны. У них яйцевидное тулово и сравнительно широкая горловина средней высоты. В нижней части тулова у кумганов имелся поддон (табл. 5, 3, 10, 11). Это очень характерный признак кумганов. От середины тулова вверх шел длинный носик типа носика современных кофейников (табл. 5, 5–8). Он был прикреплен к верхней части горловины вертикаль-

но поставленной глиняной перемычкой в виде пластины, в которой было 2-4 круглых отверстия. Ручки кумганов овальные в сечении. Судя по найденным обломкам, кумганы изготовлялись высотой от 12-15 до 24-30 см. Ангоб покрывает кумганы только с наружной стороны. На днищах некоторых кумганов клеймо — крест в круге (табл. 5, 12). Кумганы этого типа датируются XV — началом XVI в. Много обломков ангобированных кумганов найдено в Зарядье и несколько на Яузской гончарной слободе. Сосуды эти предназначались для хранения и подачи напитков на стол. У них были и крышки (табл. 4, 21).

Красноглиняные ангобированные подсвечники встречаются редко. Один был найден в геологическом шурфе в Зарядье. У него столик в виде полого конуса, к вершине которого приделана керамическая трубочка для свечи. Между этой трубочкой и стоиком подсвечника была небольшая тарелочка, которая не давала стечь нагару на стоик (табл. 5, 9). Нижняя часть стоика подсвечника утрачена, по-видимому, высота его была не более 12 см. Диаметр трубки для свечи около 2,5 см. Другой обломок подсвечника был найден при раскопках в Зарядье. Подсвечники эти по форме являются переходными между светальничками киевского типа и московскими белоглиняными подсвечниками. Дата их, очевидно, та же, что и всей этой группы керамики.

Из красножгутой глины изготовлялись, затем ангобировались и строительные керамические детали. На некоторых архитектурных памятниках конца XV (с 80-х годов) — начала XVI в. для украшения здания употреблялись терракотовые пустотелые колонки и плиты³. Они есть во фризе Рылоповского собора в Московском Кремле, на трансепте Андроников монастыря и на ряде других памятников. Колонки изготовлялись на ручном круге. После установки их на здании, обычно вместе с терракотовыми фризами, они и фризы обломок терракотовой пустотелой колонки, по не бедешия, а покрыты снаружи ангобом. На середине высоты колонка имеет разделенное на дольки яблоко. Концы колонки утрачены. Диаметр яблока 7 см, высота колонки более 13 см. Судя по месту находки, обломок колонки происходит от декора старого собора Знаменского монастыря XVI в.

Иной вид у одной целой и серии обломков терракотовых колонок, покрытых белым ангобом, которые были найдены в жилом квартале Зарядья в 1957 г. У них цилиндрическое тулово и шаровидная средняя часть. Они также пустотелы и изготовлены на ручном круге. Полная высота одной из таких колонок 18 см, диаметр тулова 4 см, диаметр яблока 9 см. Другие колонки по сравнению с вышеописанными меньших размеров. Возможно, что они происходят из декора пещей, сложенных из маломерного кирпича. Предметы хорошо датируются первой половиной XVI в. и соответствуют с маломерными кирпичами, найденными с ними в одном слое.

Большую серию среди изделий, выполненных из красной глины и сплошь покрытых ангобом, со-

ставляют детские игрушки. Много их было найдено на Яузской гончарной слободе⁴. Еще большие серии подобных игрушек собраны на территории города при раскопках в Зарядье, в Кремле и при наблюдениях в разных районах города. В эту группу входят игрушки-лошадки, человеческие фигурки, птички и др.

Игрушки-лошадки — наиболее распространенная категория. Они встречаются очень часто и горизонтально московского культурного слоя XV—XVI вв. есть обломки лошадок и в слоях конца XIV в. Все московские игрушки-коники изготовлены на Яузской слободе. Большую группу образуют игрушки-лошадки малых размеров длиной в 4,5-6 см (табл. 5, 14). У них сплошное тулово и сравнительно длинные ноги, короткий хвост и небольшая голова с торчащими ушами, шея лошадек выгнутые. Корпус формовался вручную в виде выгнутого валика с округлыми концами. К нему приделывались другие детали. Лошадки эти без седел. К этой группе игрушек-лошадок близки другие того же размера, но с седлами. Техника лепки этих игрушек та же (табл. 5, 13, 19, 21). В третью группу лошадок должны быть отнесены фигурки более крупные, длиной в 7,5-9 см, со сплошным туловом (табл. 5, 17, 18, 24). В четвертую группу выделяются также же игрушки-лошадки, но с седлами (табл. 5, 22, 23, 26, 28). В пятую группу нами выделены лошадки длиной в 10-12 см без седел с полным туловищем — это погрешки. Корпус их изготовлялся из двух половинок и соединялся посередине. Внутри него глиняный шарик или камушек (табл. 5, 27). В шестую группу красноглиняных игрушек-лошадок включены также же лошадки с седлом. Они достигают максимальных размеров в 12-13,5 см. Это тоже погрешки. В нижней части корпуса лошадок обычно одно или два отверстия диаметром около 5 мм. Они служили для более равномерной просушки игрушки перед обжигом. В седмую группу отнесены игрушки-лошадки среднего размера с седлом и всадником. Ни одной целой игрушки такого типа мы не знаем, зато нередко встречается лошадки со «седлами» сидящего на ней всадника и отдельно фигурки всадников (табл. 5, 16). Фигурки всадников изображают обычно бородастых мужчин в конических шапках.

Наиболее ранние ангобированные игрушки-лошадки были найдены в Зарядье в слоях конца XIV в. В это время изготовлялись преимущественно небольших размеров лошадки с седлами и без них. С XV в. бытуют все остальные виды их. Производство игрушек-лошадок, очевидно, прекращается на Яузской гончарной слободе в конце XVI в. Красноглиняные и ангобированные игрушки в Москве обжигались в тех же горнах, что красноглиняная и ангобированная посуда, по температурный режим и продолжительность обжиг были иными. Обжиг, по-видимому, шел при более низкой температуре и был менее продолжительным⁵.

Кроме игрушек-лошадок, Яузская гончарная слобода изготовляла и глиняные ангобированные фи-

³ М. В. Фехнер, 1949.

⁴ Там же.

гурки людей. Их несколько разновидностей. Одну группу фигурок составляют ящечки, укреплявшиеся на лошадках. Другая группа представлена фигурками, изображающими дудочников-музыкантов. Они тракуются по-разному, но у всех ко рту поднесен предмет в виде раздутой в средней части трубы, которую музыкант держит двумя руками. У одной из фигурок этого типа на голове конической шапка, а низ фигурки сделан в виде полого конуса. Другая фигурка не имеет головного убора, она, очевидно, была одета в короткий кафтан; ноги утрачены.

В третью группу включается серия различных фигурок, изображающих танцовщиков с протянутыми вперед или поднятыми руками. Женские фигурки обычно имеют чиз в виде полого конуса, соответствующего изображать длинную одежду женщины (табл. 5, 15). Мужские фигурки танцовщиков обычно имеют чиз в виде полого конуса, еще реже — рот (обычно открытый). Вероятно, как вторая, так и третья группы ангобированных игрушек изображают танцующих и играющих скоморохов.

Еще одну группу образуют человеческие фигурки также с весьма схематически изображенным лицом, в коротких кафтанах, с протянутыми вперед руками, которые кончатся колючками (табл. 5, 16). По нашему мнению, фигурки эти изображают поповый мелведи. Среди игрушек только красноглиняные мелведи имеют в носу отверстия для привязывания поводка. У лошадок в голове отверстий для поводков нет. Обломок ангобированной фигурки человека такого типа был найден А.С. Уваровым в насыпи кургана у с. Вески во Владимирской обл. Он был трактован как языческий идол и получил в литературе название «Владимирского». Теперь ему налицо подходящее место среди московских игрушек⁶.

Все красноглиняные ангобированные московские игрушки, изображающие человеческие фигурки, изготовлены от руки той же техникой, что и игрушки-лошадки, и датируются также XIV—XVI вв. Московские гончары изготовляли игрушки не только отдельные, но и игрушки-наборы, в которые входили скоморохи: танцоры, дудочники, поповы и медведи.

Единичная находка игрушки-барана (табл. 5, 25). Она найдена на Яузской гончарной слободе. У баранички сплошное тулово, короткие ноги и рога. Единичка найденная там же и красноглиняная покрытая белым ангобом птичка-свистулька. На ней, по-видимому, изображено седло. Ножки фигурки утрачены. Несколько иной характер носит птичка-свистулька, найденная в Зарядье. У нее полное тулово, голова с выгнутой длинной носом, а на голове закрученные рога. В тулове лады в виде двух сквозных отверстий диаметром около 3 мм. Судя по глубине залегания, птичка относится к XV в. (табл. 5, 20).

Наряду с красноглиняной керамикой, покрытой белым ангобом, в Москве была распространена

керамика, выполненная в той же технике, но покрытая еще и росписью. Эта керамическая техника является своеобразным вариантом охарактеризованной выше. Специальное рассмотрение ее нам кажется правомерным потому, что группа керамики, выполненная в ней, обладает определенным асортиментом сосудов и изделий. Если бытовые сосуды, выполненные в этой технике, встречаются крайне редко, то красноглиняные ангобированные образцы обширную серию. Расписная ангобированная керамика в основном одновременна красноглиняной ангобированной керамике без росписи, хотя отдельные виды изделий, входящие в группу, могли существовать в несколько иное время, чем нерасписанные сосуды и изделия.

Красноглиняные ангобированные расписные изделия в Москве изготовлялись из красножгутой глины, ангобировались каолиновой глиной и затем расписывались минеральными красками. Расписывались расписными росписями. Расписанные в качестве краски, встречаются изделия, расписанные коричневой краской. Несколько чаще попадаются ангобированные изделия, на которых узор нанесен черной краской. Иногда встречаются изделия, на которых контуры рисунка нанесены черной краской, а фигуры покрыты краской. Месторождения цветных гли, использованных в качестве краски, известны на территории города во многих пунктах. Например, в округе «Золотой рог» и Андроников монастыря. Выходы цветных глин есть и в долине р. Москвы.

Изделия, расписанные черной краской, встречаются преимущественно в ранних пластах и могут быть датированы XIV—XV вв. а изделия, расписанные красной краской, относятся к более позднему времени, т. е. XV—XVI вв. Сосуды и изделия, выполненные в этой технике, в значительном числе встречаются на Яузской слободе, где было их производство. Много обломков сосудов, а особенно расписных керамических игрушек, найдено при раскопках и наблюдениях в жилых кварталах города.

В эту группу входят следующие сосуды и керамические изделия: кумганы, водоели, крышки от сосудов, миски, горшки, черпачки, игрушки (лошадки, бараны, человек, птички, санки).

Расписные кумганы встречаются только в виде обломков, правда достаточно крупных, по которым можно представить их общий облик. Тулово кумганов имеет яйцевидную форму с поддоном в нижней части. Горловина сравнительно широкая и высокая. Носик кумгана длинный и отходит от горловины. Перемычка эта часто имела сквозные отверстия диаметром около 4 мм и числом от 1 до 3 (табл. 7, 1, 2, 7). Встречаются перемычки и без сквозных отверстий. Верхний край перемычки без терных для несколько более поздних чернотелых кумганов. Ручки кумганов овальные в сечении. Кумганы, выполненные в этой технике, были вы-

⁵ Несколько таких игрушек найдено в заполнении дренажных канав XV в. на участке V в Зарядье.

⁶ Р. Л. Розенфельдт, 1959, стр. 246-247.

² М. Г. Рабинович, 1964, стр. 98, рис. 40, 2.

ЧЕРНОЛОЩЕНАЯ И МОРЕНАЯ КЕРАМИКА XV—XVIII вв.

Чернолощенная керамика — одна из наиболее интересных групп московской керамики, встречающаяся во многих горизонтах культурного слоя. Ни в одном из горизонтов она не составляет большинства находок, однако процент ее в отдельных случаях значителен. В горизонтах XVII в. чернолощенной керамики до 25% от общего числа керамических находок, в слоях XVI в. ее меньше. Немного чернолощенной керамики есть в слоях первой половины XVIII в. Сосуды и изделия этой группы окрашены в различные тона темного цвета от аспидно-черного до светло-серого. Поверхность их залощена и блестящая. Чернолощенные сосуды различаются между собой не только формой, но и многими другими признаками (орнаментацией, техникой изготовления, обжигом), что дает возможность разделить их на разновременные группы.

В Москве встречаются и «мореная» керамика, также окрашенная в серо-черный цвет, но без лощения. Техника изготовления их и особенно обжиг близки к технике изготовления чернолощенной керамики. Встречаются также подлощенные сосуды, которые являются промежуточными между мореными и чернолощенными. Мореная керамика получает распространение преимущественно в первой половине XVIII в., являясь поздним вариантом чернолощенной керамики. Вся она изготовлена на ножном круге. Сосуды срезаны с круга нитью.

Большинство исследователей соглашались с тем, что чернолощенная керамика в городе появляется в XVI в. В некоторых случаях отмечается ее появление в начале XVI в.¹ Просмотр керамического материала из раскопок 1954—1957 гг. в Зарядье показал, что керамика эта есть и в горизонтах второй половины XV в.² В XVIII в. в Москве чернолощенная керамика начинает исчезать, но некоторое количество ее еще есть в первой половине столетия. Во второй половине XVIII в. встречаются только отдельные фрагменты чернолощенной

керамики, изготовленной на ручном круге, но гжельского производства. Ранняя чернолощенная керамика, найденная в Москве, вся местная. Она изготовлялась в Яузской гончарной слободе, где обнаружены делые и порченые чернолощенные сосуды, происходящие по преимуществу из пригородных яв.³

Производство чернолощенной керамики в некоторых районах СССР известно и сейчас, и мы располагаем многочисленными этнографическими наблюдениями по технологии этого производства. Рязанские и украинские гончары, производившие в XIX—XX вв. чернолощеную и мореную керамику, одновременно изготавливали и обычную керамику.

Чернолощенная керамика была широко распространена за пределами Москвы. Она найдена в слоях XVI—XVII вв. во Владимире, Суздале, Ярославле, Переяславле-Залесском, Рязани, Орле-городке на Каме, Казани, Курске, Угличе, Муроме, Ростове, Смоленске, Новгороде, Вологде, Кирове, Туле, Болгарях, Астрахани и многих других пунктах. Широко известна чернолощенная керамика на Украине в XVII—XVIII вв. Одной из первых коллекций для изучения этой керамики в Москве оказалась собранная при строительстве Московского метрополитена. В ней представлена серия чернолощенных кувшинов, найденных в старых колодцах на Моховой улице.⁴

Большая коллекция чернолощенной керамики получена при раскопках и наблюдениях на территории Яузской гончарной слободы в 1946, 1947 и 1954 гг.⁵ Основными для изучения московской чернолощенной керамики явились керамические коллекции Московской экспедиции ИА АН СССР 1949—1957 гг.

Для изготовления чернолощенной керамики употреблялись различные сорта красножгущихся и бежжгущихся глин. В Москве применялись преимущественно красножгущиеся глины типа су-

глинок со слабой примесью песка. Чернолощенные сосуды, изготовленные из белой глины, весьма редки. Если они не гжельского производства, то, вероятно всего, формованы из привозной глины. Глина тщательно очищалась от загрязняющих ее примесей. Керамическое тесто большинства чернолощенных сосудов хорошего качества. Крупнозернистых примесей в нем нет.

Способы изготовления чернолощенных сосудов и изделий различны. Ранние чернолощенные сосуды изготовлены на ручном круге, который в городе доживает до начала XVIII в. Чернолощенные сосуды московского производства XVIII в. сделаны на ножном круге, сделанные в Гжели — формованы на ручном круге. Другие изделия, выполненные в чернолощенной технике, изготовлялись в формах (черепица, курительные трубки). Небольшое количество изделий формовалось от руки (игрушки, грузила).

Сосуды часто украшались линейным орнаментом; на более ранних сосудах его мало, и он собран в полосы; на поздних чернолощенных сосудах часто он покрывал всю верхнюю часть тулова; витки орнамента плотные, поверхность сосуда имеет вид рифленой. Сравнительно редко и в довольно поздние времена (конец XVII—XVIII в.) для украшения сосудов употреблялись различные штампы, обычно горючатые. Ими на тулове сосуда отщипывалась одна или несколько зон орнамента. Чернолощенный сосуд из красножгущейся глины до обжига часто ангобировался. Ангобированные сосуды получали после обжига более темную окраску, потому что поздние неангобированные чернолощенные сосуды в массе своей более светлые. Мореные сосуды не ангобировались.

Среди ранних чернолощенных сосудов XVI в. есть небольшая группа пенельно-серого цвета с тщательно залощенной поверхностью. При проведенном нами дополнительном обжиге выяснено, что сосуды эти неангобированные.

По окончании формовки сосуды подсушивались до высокой твердости, а затем лощились. Для лощения употреблялся инструмент одного типа — окатанная речная галька. Максимальный размер ее 4—5 см. Предварительная просушка изделия перед лощением была необходима для упрочнения поверхности сосуда с тем, чтобы глина не размазалась под лощилом. Лощение было трудоемким, но несложным процессом, и в нем участвовали как неслесанные мастера, в том числе дети. Для лощения сосудов всегда употреблялись лощила со сферической рабочей поверхностью, даже при выщипывании больших плоскостей. Вся залощенная поверхность сосудов покрывалась узкими сферическими сециями полосками, которые можно нанести только округлым лощилом. На сосудах, имеющих на поверхности резкие грани или крутые отворота выпуклостей, лощение рядом с ними не наносилось.

По характеру лощения чернолощенные сосуды можно разделить на несколько групп. Наиболее ранние сосуды залощены хорошо, по всей наружной поверхности, включая и дно. Внутренняя поверхность сосудов открытого типа также выщипывалась.

На более поздних сосудах XVII в. лощение менее тщательное: залощена обычно верхняя часть, низ и дно оставались без лощения. На сосудах XVIII в. лощение было периферийным, с массой орнамента в виде косой сетки, волн, штриховки, беспорядочно расположенных петель. В это же время изготовлялись небольшие серии чернолощенных сосудов с лощением высокого качества, но дно у них никогда не залощивалось с наружной стороны. Эти сосуды формованы на ножном круге. После лощения сосуды окончательно просушивались и далее шли на обжиг.

Обжиг чернолощенных сосудов отличался от обжига всех остальных групп керамики. Именно в нем «секрет» черной окраски сосудов. Производство современной чернолощенной керамики позволяет в деталях восстановить все особенности этого процесса в то время. Сосуды и изделия обжигались в горнах того же типа, что употреблялись в Москве для обжига красноглиняной, краснолощенной и ангобированной керамики. После загрузки сосуда в горнах разводился огонь, сосуда окончательно просушивались и разогрелись. Начало процесса обжига обычно затягивалось, для того чтобы возможно было удалить влагу из изделий. Затем сосуда раскалялись до температуры 800—900°, в тонку горна подбрасывались дрова, и выходы и точные отверстия плотно закладывались, а иногда промазывались глиной. В последней партии дров, которая закладывалась перед «запечатыванием» горна, обычно преобладали хвойные породы дерева. Время от времени в замазанных отверстиях пробивались небольшие отдушины, чтобы горн не задух. Благодаря этому не получался полного сгорания топлива, сосуда пропитывались смолистым дымом и приобретали темно-серый, черноватый цвет. Черенок в узле также темно-серый.⁶

Одновременно с горением топлива происходит процесс возгонки летучих и смолистых компонентов, содержащихся в нем. Иногда гончары не употребляли смолести дрова в заключительной стадии обжига. Тогда окраска сосудов была значительно светлее. При наличии смолестых дров опытный гончар мог получить посуду интенсивно-черного цвета. У кустарей-гончаров недавнего прошлого посуда, полученная при таком обжиге, называлась «свинойкой», а сам процесс обжига — «свиноем» или «морением».

Процесс обжига чернолощенных сосудов хорошо известен современным керамистам и называется «обжигом в восстановительной среде» или «восстановительным обжигом». Установлено, что одновременно с возгонкой в «запечатанных» горнах происходил и ряд химических процессов, связанных с недостаточностью кислорода в горне. В результате горения получался не углекислый газ — продукт полного сгорания, а окись углерода, угарный газ, активно взаимодействующий на окись железа, которая есть в любой красножгущейся глине. Под воздействием угарного газа окись железа

¹ М. Г. Рабинович, 1949, стр. 68; 1955, стр. 49; 1949, № 4/1955, стр. 49; Н. Д. Мещ. 1949, стр. 108—115.

² На раскопе 5 в Зарядье в 1954—1957 гг. чернолощенная керамика была обнаружена в горнолите, переносимом слоем, в котором была найдена серебряная монета глина XV в.

³ М. Г. Рабинович, 1947, стр. 55—77.

⁴ А. В. Архипович, 1955.

⁵ М. Г. Рабинович, 1947, стр. 55—57; 1949, стр. 57—105.

⁶ М. В. Воеводский, 1930, стр. 57.

в глине превращается в закись железа черного или серого цвета. Наличие ее способствует отложению при восстановительном процессе на поверхности сосудов чистого углерода в виде графита. Процесс вогонки играл решающую роль в окрашивании сосудов, и максимальная интенсивность черной окраски сосудов получалась в результате тщательного продуманного режима обжига, в результате умелой подборки сортов топлива. Наиболее темные из черполющенных сосудов обычно бывают или ангоброванными, или белоглиняными; в ангобе первых и teste вторых не содержалось окиси железа.

Окраска черполющенных сосудов, а также прочность зависела не столько от температуры в горне, сколько от длительности самого процесса обжига. При высоких температурах и длительном обжиге получалась красноватый в изломе черепок сосуда и темная окраска сосуда, при низких температурах — сероватый черепок и светлоокрашенный сосуд. Прочность черполющенной посуды раннего времени большая по сравнению с более поздней.

Черполющенная керамика хорошо известна в городах Среднего Поволжья XIII—XIV вв. Ряд черполющенных сосудов московского производства по форме близок к приволжской черполющенной керамике и имеет несомненно восточное происхождение (кумганы, фляги и др.).

Пока трудно сказать, в каком из древнерусских городов черполющенная керамика получила первоначальное распространение. Можно только утверждать, что в XVI в. она бытует во многих городах Московского государства, и сосуды и изделия, выполненные в этой технике, имеют большое сходство с черполющенными сосудами московского производства. В XVI—XVII вв. московское производство черполющенной керамики оказало существенное влияние на керамические производства в других городах. Правда, в ряде городов вместе с тем бытовали черполющенные сосуды форм, неизвестных в Москве.

Ассортимент изделий и сосудов, выполненных в черполющенной технике, необычайно разнообразен. По числу типов и разновидностей черполющенная керамика стоит на первом месте. Московская черполющенная керамика представлена: кубшинами, кумганами, кубшинами, флягами, мисками со сферическими стенками, кастрюльками с коническим туловом и трубчатой ручкой, сковородками, тазами с туловом в виде усеченного конуса небольшой высоты, тазами со сферическим туловом и отогнутым наружу горизонтальным венчиком, цветочными горшками, горшками обычного типа, горшками с трубчатыми слайвами, умявальниками в виде баранов, умявальниками в виде горшков с трубчатыми слайвами, бочонками и лбанями, кружками, «солоньями», светлячками в виде черпаков, сосунами погребального назначения, ковшиками с петлевидной ручкой, курительными трубами, крышками от сосудов, деталями от музыкальных инструментов, кубышкообразными сосудами, колокольчиками, присланиками.

В той же технике изготавливались различные строительные и архитектурные детали: несколько раз-

новидностей черепицы, облицовочные и половые плитки, водометы.

Встретились десятки обломков черполющенных сосудов, форма которых пока не устанавливается (табл. 14, 7, 8).

Черполющенная керамика была преимущественно керамикой столовой, имитирующей металлическую посуду зажиточных слоев москвичей, о чем свидетельствует ассортимент московских черполющенных сосудов. Употребление черполющенных сосудов для варки пищи было невозможным, потому что посуда после пребывания в огне печи теряла свой черный цвет и превращалась в красноглиняную и красноглиняную ангоброванную лопеную.

Распространению черполющенной керамики способствовало и то, что в этой посуде медленнее, чем в обычной, скисали различные продукты, и в особенности молочные. Очевидно, пропитка стенок сосудов продуктами вогонки снижала их пористость. В тех местах, где сейчас изготавливается красноглиняная и черполющенная посуда, последняя предпочитается для хранения молочных продуктов.

Черполющенные кубышны были широко распространены в Москве. Они различаются по форме и технике обработки поверхности и сильно варьируют в размерах от миниатюрных высотой 4—5 см, которые можно считать игрушками, до больших, высотой 60—70 см и вместимостью в несколько десятков литров. Назначение кубышны разнообразно, основное — для хранения и разлива жидкостей. В них подавали на стол вода, молоко, вино, квас. При исследовании старых московских колодезь XVI—XVII вв. в них находят черполющенные кубышны с отбитыми ручками, некоторые из них имеют берестяную оплетку — очевидно, ими доставляли воду. Емкость кубышны была величиной определенной: документы XVI—XVII вв. говорят о «больших кубышниках», «двойных кубышниках», «кубышках малых»⁷. Некоторые жидкости, такие, как вино и чернила, покупались кубышниками. Кубышны, так же как и черполющенные кубышны, в XVI—XVII вв. часто использовались в качестве сосудов, в которых зарывали денежные клады. Хорошее собрание датированных черполющенных кубышны хранится в отделе нумизматики ГИМ⁸.

Наиболее ранним типом черполющенных кубышны были кубышны-кружки с близким к цилиндру туловом и коротким широким горлом. По контуру дна среа, как и у ранних краснополющенных кубышны-кружки. По форме ранние черполющенные кубышны-кружки подобны краснополющенным и ангоброванным кубышнам-кружкам. Ручки у них длинные, овальные в сечении. Целый кубышны-кружка, найденный при наблюдениях в Зарядье, небольшого размера, так же как и большинство ранних черполющенных сосудов. Емкость его около 200 г (табл. 8, 22). Поверхность сосуда заложена сплошь, как и дно с наружной стороны. Судя по интенсивно-черному цвету, по сплошному лощению поверхности, по красноватому тесту сосуда, он мо-

жет быть датирован концом XV в., т. е. временем, когда бытуют подобные краснополющенные и ангоброванные кубышны-кружки. Обломки подобных кубышны-кружек были найдены в 1953 г. в Зарядье в слоях середины — конца XV в.

Другую большую группу образуют черполющенные кубышны со сферическим раздутым туловом и коротким плохо выраженным горлом со слайвом (табл. 8, 23, 24; табл. 9, 1). Ручки короткие, овалы в сечении. Эти кубышны имеют сплошь залощенную наружную поверхность: верх — в вертикальном направлении, низ — в горизонтальном. Дно снаружи также залощено. Кубышны изготовлены на ручном круге, и на днах некоторых из них встречается клеймо — крест в круге. Лощение на дно сосуда наносилось прямо на недавно сформованное клеймо, из-за чего последнее обычно плохо различимо. Кубышны этого типа все интенсивно-черного цвета и имеют хорошо прокаленные стенки. Сосуды этой группы, как правило, небольшого размера, высота наиболее крупных достигает 13—15 см, емкость — до 1,5—2 литров. Есть кубышнички и меньших размеров, емкостью около 200—250 г. Самые маленькие кубышны имеют высоту 6—7 см и емкость 50 г. На поверхности сосудов нередко встречается один — три витка линейного орнамента. Лощение наносилось поверх орнамента. Кубышны изготавливались из красной глины и ангобровались при дополнительной прокатке. Черполющенные кубышны второго типа являются результатом эволюции черполющенных кубышны раннего типа и сходны по форме с поздними разновидностями ангоброванными кубышнами — туловом шаровидного типа. Кубышны, входящие во вторую группу, известны хорошо по находкам в Зарядье и особенно на Яузской Гончарной Слободы, где они изготовлялись. Один ранний черполющенный кубышны этого типа был найден при строительстве Московского метрополитена. Судя по находкам кубышны этого типа на Яузе в ямах у горнов вместе с краснополющенной керамикой поздних типов, их следует датировать первой половиной — серединой XVI в. Бракované после обжига сосуды залезают чаще не вместе с поздними краснополющенными и краснополющенными кубышнами, а в специально для них отгороженной печи. Очевидно, что производство черполющенной керамики существовало как-то обособленно от производства остальных видов керамики на Яузе. Изготовление черполющенной керамики занимались специальные гончары — «сиушники».

В третью группу входят кубышны с шаровидным туловом и сравнительно коротким хорошо выделенным горлом. Переход от тулова к горлу плавный. На горле кубышны хорошо моделированный слайв. Поверхность кубышны тщательно залощена, она асидно-черного цвета. При дополнительном лощении тесто и под лощением, слой ангоба. Большая серия таких кубышны происходит

на территории Яузской Гончарной Слободы. Кубышны этого типа обычно имеют на тулове линейный орнамент, собранный в несколько зон, по 3—4 витка в зоне (табл. 9, 2—4). Сверху орнамент этого типа представляет собой дальнейшее развитие ранних черполющенных кубышны и по находкам их в культурном слое города датируются XVI в. Интересен найденный в Москве на Спартаковской улице клад удельных и великокняжеских монет XV—XVI вв., зарытый в кубышны такого типа.

Черполющенные кубышны четвертого типа самые распространённые. Они имеют тулов, близкое к шаровидному, хорошо выделенное горло с отложным краем и большим слайвом. Ручки их овальные в сечении. По сравнению с более ранними кубышнами они светлее. Лощение наносилось преимущественно на верхнюю часть тулова, дна не лощились. В верхней части тулова большая зона линейного орнамента, витки которого расположены так часто, что сосуд имеет вид рифленого (табл. 9, 5—9; 24, 3). Край горла прост и не усложнен дополнительными валиками. Целые образцы этих кубышны происходят по преимуществу из старых московских колодезь XVII в., где они найдены вместе с красными изелами начала XVII в., а также с полхромными и зелеными изелами середины и второй половины этого столетия. Несколько черполющенных кубышны найдено в двух колодезях на Моховой⁹. Много их было и в колодезях обнаруженных в Зарядье. Особенно интересным оказался один из колодезь при раскопках 1955 г. из которого извлечено более десятка черполющенных кубышны этого типа. Несколько обломков черполющенных кубышны с рифлением есть в составе коллекции, собранной на территории лагера Лжедмитрия в с. Спас-Тушино (1609 г.). В одном из кубышны этого типа, найденном в Москве в стене церкви Козьмы на улице Болотарского, содержится клад с монетами Михаила Федоровича¹⁰. Кубышны этого типа датируются самым концом XVI в. — концом XVII в.

При просмотре серии целых сосудов этого типа удалось установить, что они по размерам делятся на четыре группы. Наиболее крупные кубышны имеют высоту 36—38 см, более мелкие — около 20 см. Кубышны средних размеров имеют высоту 20—22 см и небольшие кубышны — около 16 см. К этой группе принадлежит большой черполющенный кубышны высотой 37,5 см, найденный в 1956 г. в древнем колодезе во дворе дома № 5 по Казарменному переулку в Москве. На его горле острым

⁷ А. В. Арциховский, 1936.

⁸ В. И. Качанова, 1954, стр. 110.

⁹ И. Е. Забелин, 1909, т. II.

¹⁰ Н. Д. Мещ, 1949, 1952.

предметом, по-видимому, ножом, пропарана надпись: «Кувшин добра человека Григория Офонасева»¹¹. Надпись палеографически датируется серединой XVIII в. Чернооленные кувшины четвертого типа не обнаружены в исследованных районах Юзской слободы. Точных сведений о месте производства их нет.

В пятую группу входят сосуды с небольшим шаровидным туловом и большим высоким горлом без слюва (табл. 9, 10; 10, 2). Они появляются в конце XVII в. и бытуют в течение всего XVIII в., претерпевая в течение этого времени некоторые изменения в форме. Эти кувшины имеют орнаментацию, выработанную в XVII в., — сплошное рифление по верхней части тулова. Если наиболее ранние экземпляры кувшинов пятого типа еще имеют сплошное лощение в верхней части тулова, то для более поздних характерно частичное лощение или лощение в виде петель, зигзагов, косой сетки, зон — признаки изделий XVIII в. Ранние кувшины этого типа (конец XVII в.) изготовлены на ручном круте, более поздние — на ножном круте и поэтому имеют небольшие подпорочки для удобства срезания их с крута нитью. Эти сосуды встречаются редко, и поэтому определенной закономерности в размерах их не устанавливается.

Кроме них, изредка попадаются кувшины с небольшими слювами или с горловиной не в виде цилиндра, а кончающейся раструбом (табл. 10, 1, 4). Точное время бытования отдельных разновидностей их не устанавливается. Судя по стратиграфическим данным, кувшины этого типа в ранних их вариантах бытовали одновременно с чернооленными кувшинами шестого типа. Тулово кувшинов пятого типа не всегда покрывалось ангобом, и потому они имеют еще более светлую окраску по сравнению с ранними кувшинами.

Во второй половине XVIII в. в Москве и главным образом в Подмосковье распространяются изготовленные в Гжели кувшины, представляющие собой разновидность кувшинов пятого типа, среди которых есть очень нарядные, тщательно сделанные и сильно выщелоченные, окрашенные в интенсивно-черный цвет. Для них характерны многочисленные надельные валики и разнообразная профилировка обрешоток. Некоторые кувшины имеют вычурные формы. Эти сосуды бытуют и в середине XIX в.

Шестая серия чернооленных кувшинов появляется в Москве в самом начале XVIII в. и получает особое распространение в послепетровское время. Это кувшины с острым ребром в средней части тулова (табл. 9, 11; 10, 6, 7). Они имеют вид части усеченных конусов, соединенных большими основаниями. Горло прямое и всегда больше диаметра дна. Эти сосуды часто находятся при раскопках в городских слоях начала XVIII в. Несколько кувшинов этого типа, по-видимому, являющиеся производственным браком, найдены в г. Владимире. У них отсутствуют ручки. У кувшинов, сохранившихся полностью, ручки есть. Все

кувшины этого типа изготовлены на ножном круте. На горле их три-четыре небольших рельефных валика под обрезом, слюва нет. Нижняя часть тулова не орнаментировалась и не лощилась; верхняя часть украшалась одной-двумя полосками линейного орнамента и лощением поперек или в виде серповидных зон. На горле часто выщелачивалась одна-две волнистые линии. Реже оно выщелачивалось целиком. Кувшины этого типа не имеют ангоба под лощением и окрашены в серый цвет. Два целых кувшина этого типа найдены в Зарядье. Среди кувшинов есть сосуды высотой до 40 см, по малому диаметру 20—25 см при максимальной форме тулова емкость этих сосудов сравнительно небольшая и редко превышает (у сосудов средних размеров) 2 литра. Широко были распространены и кувшины меньших размеров, емкостью в 1 литр. Встречены сосуды еще меньших размеров, с ребром высотой 7—8 см, которые по-видимому, были игрушками. В отличие от больших они имеют слюву. Обнаружены несколько кувшинов этого типа с монетными кладами самого начала XVIII в. Один кувшин с кладом монет Павла I.

Кувшины седьмого типа тоже поздние и по форме уязвимы были с кувшинами шестого типа. Только условно они могут быть названы чернооленными, так как лощения на них почти нет и скорее их можно включать в категорию мореных сосудов. Тесто их светло-серое. Кувшины имеют вид двух цилиндров, между которыми вставлен диск. Автору известны только два целых таких кувшина, найденных в Москве. Их высота около 20 см и емкость 4—5 литра. По отделке поверхности они сходны с кувшинами шестого типа. Лощения на них в верхней части тулова в виде серповидных зон, не-рипильное. Изредка выщелачивалась волнистая полоска по середине горла кувшина. Слюва сосуда этого типа не имеет, ручки их овальные в сечении. Кувшины изготовлены на ножном круте. По аналогиям с поздневыми кувшинами той же формы они датируются серединой XVIII в.

Выше перечислены основные типы чернооленных кувшинов, бытовавших в Москве с XV по XVIII в. Кувшины с первого по пятый тип представляют формы одного эволюционного ряда. Кувшины шестого и седьмого типов по форме не имеют аналогий в более раннем материале.

Во второй половине XVIII в. в Москве появляются много новых типов чернооленных кувшинов, частью изготовленных на ручном, частью на ножном крутах. Они выработаны в Гжели, имеют аспидно-черный цвет и сильно заощенны. По качеству обработки поверхности они приближаются к ранним московским чернооленным кувшинам, однако формы сосудов новые. Характерным признаком этих кувшинов является сильно раздутые в верхней части горло и вычурность формы тулова (табл. 10, 1, 3). Сосуды обычно украшены линейным штампованным орнаментом.

Чернооленные кумганы — одна из наиболее изящных форм московских сосудов. Встречаются они реже, чем кувшины (табл. 10, 10, 13—15). Эти кумганы по форме подражают металлическим кум-

ганам, распространенным в Москве в XV—XVIII вв. Они имеют вид кувшинов с округлым туловом и длинным носиком. В верхней части носик глиняной прорезной перемычкой прикреплен к краю горла. В перемычке одно или два круглых отверстия диаметром около 0,5 см. По верхнему краю перемычки выступ в виде зуба или клюва, придававший носуку кумгана сходство с головой птицы (табл. 10, 5, 8, 9, 11, 12), и потому эти сосуды в документах XVII в. иногда называются «воронами», иногда «кумганами»¹². Горловины ранних московских чернооленных кумганов сравнительно высокие и широкие, плавно переходящие в тулово. В нижней части тулова имеется поддон, несильно высокие и широкие, обязательно угловатые и имитирующие поддоны, обязательные у бороздчатых линейного орнамента, идущими по верку или по середине. По характеру орнаментации чернооленные кумганы близки ранним типам чернооленным кувшинам и выделялись на ручном круте очень тщательно. Они интенсивного черного цвета, всегда ангобированы; светлоокрашенных сосудов среди них нет. Поверхность типично заощена, в том числе и дно с наружной стороны. Чернооленные кумганы сходны по форме с кувшинами с бороздчатой орнаментацией. Чернооленные кумганы распространены в культурном слое Москвы конца XV—XVI в., встречаются часто. В Зарядье в 1953 г. целый кумганчик был найден в дренажном колоде XVI в. На Юзской гончарной слободе при раскопках ГИМ в шурфе был открыт завал бракованных сосудов этого типа; было собрано много обломков чернооленных кумганов среднего размера. Наиболее ранние чернооленные кумганы найдены в слое самого конца XV в. в 1955 г. в Зарядье. По размерам они сильно варьируют. Известны небольшие, высотой 11—12 см и емкостью около 0,5 литра, и вмещающие по 2—3 литра жидкости. При наблюдениях на Юзе в 1940 г. был найден обломок небольшого чернооленного кумганчика высотой около 8 см. Это, по-видимому, игрушка. Если ранние кумганы начала XVII в. и в особенности середины этого столетия мы почти не знаем. Относящиеся к этому времени обломки кумганов плохо отличаются от обломков чернооленных кувшинов. Не исключено, что массовое производство чернооленных кумганов в Москве в XVII в., вообще не было.

В конце XVII в. и в начале XVIII в. в Москве появляются чернооленные кумганы с шаровидным туловом, узким горлом, в верхней части раздутым в виде цилиндрического или воронкообразного приустья. По форме они перекликаются с поздневыми кумганами того же времени. С середины XVIII в. в Москве бытуют близкие к ним, но отличающиеся вычурностью форм чернооленные гжельские кумганы и квасники, тулово и горло-

вина которых украшены штампованным орнаментом, наподобие орнаментированных валиками; горловины всегда раздутые в верхней части. Они черного цвета и делались как на ручном, так и на ножном крутах. Качество изготовления хорошее.

Чернооленные кубышки — одна из распространенных в Москве и часто встречающихся в целом виде типов сосудов. Много кладов древнерусских монет зарыто в таких сосудах. Они имеют явное сходство с шаровидное тулово, переходящее в узкое горлышко, заканчивающееся раструбом. Горло кубышки — самая хрупкая часть и потому у большинства, закончивающиеся раструбом. Горло кубышки — одна из интереснейших форм древнерусских сосудов. При отношении групп древнерусских сосудов, которые имеют кратные размеры и определенную емкость сосуда каждого размера. Наиболее крупные чернооленные кубышки имеют высоту 22—23 см при емкости около 3 литров. Такие кубышки встречаются редко. Шире были распространены чернооленные кубышки высотой 16—18 см и вместимостью около 1,5 литра. Кроме них, встречаются кубышки вдвое меньшей вместимости.

Наиболее ранние чернооленные кубышки имеют шаровидное или слегка вытянутое кверху тулово (табл. 11, 1, 3—5, 7, 8). По нему один-два витка линейного орнамента. Поверхность и дно заощены, хотя и среди более поздних (но реже) попадаются поделки по толщине. Ранние кубышки все изготовлены на ручном круте и ангобированы под лощение. Чернооленные кубышки этого типа были распространены в Москве в конце XV—XVI в. Найдено несколько кубышек этого типа с монетными кладами XV—XVI вв. Много чернооленных бракованных кубышек XVI в. обнаружено на Юзской слободе в ямах с гончарным браком. Есть обломки ранних кубышек и в культурном слое города, где они начинают встречаться с конца XV в.

Чернооленные кубышки XVIII в. более разнообразны. Наряду с кубышками с шаровидным туловом иногда шаровидно-улощенным туловом (табл. 11, 2, 10, 13—15, 18) появляются сосуды с туловом сильно вытянутым (табл. 11, 16, 17). Встречены и кубышки с шаровидным туловом и коротким горлом, сравнительно широким, края которого слегка отогнуты наружу (табл. 11, 6, 9), горло слегка отогнутое наружу. Кубышки изготавливались на ручном круте. Верхняя часть тулова в отличие от ранних кубышек покрыта рифлением, характерным для чернооленных кувшинов XVIII в. Поверхность типично заощена. На дно лощения не заходит, тщательно заощена. На дне лощения, чем Судусы, как правило, более тонкостенные, чем Судусы, кубышки, цвет их серо-черный. В самом раннем кубышка, и цвет их серо-черный. В самом конце XVII и начале XVIII в. бытуют чернооленные кубышки этого же типа, но с небольшим туловом, на ножном круте. Бытуют и они изготовлены на ножном круте. Бытуют и они изготовлены на ножном круте. Бытуют и они изготовлены на ножном круте. Бытуют и они изготовлены на ножном круте. Бытуют и они изготовлены на ножном круте.

¹¹ Ю. М. Золотов, 1959, стр. 284—286.

¹² И. Е. Забелин, 1909, т. II.

мости — 0,75 литра — и высотой около 12 см. Известна серия кубышек высотой около 10 см и емкостью около 1 литра. Самые маленькие чернолощеные кубышки высотой около 8 см. Наряду с перечисленными встречаются кубышки, нестандартные по емкости, с отклонениями от указанных размеров. Чернолощенные кубышки, употреблявшиеся в качестве тары для монетных кладов, известны широко и за пределами Москвы.

Фляги чернолощенные. Наиболее распространенными были фляги с туловом в виде полого диска с узким и коротким горлышком, кончающимся раструбом (табл. 12, 1). В нижней части фляги четыре небольшие ножки в виде выступов, на которые сосуд устанавливался на горизонтальную поверхность. Для ношения сосуд имел по бокам две ручки в виде конических налетов, в каждой из которых было по сквозному круглому отверстию. Поверхность фляг тщательно залощена и окрашена в различные оттенки черного цвета (от аспидно-черного до серого). Фляги изготовлялись на круге в виде двух мискообразных половин, которые затем соединялись. Большая часть чернолощенных фляг имеет на двух сторонах спиральный орнамент, вносящийся на сосуд, когда он еще был на круге. Орнамент состоит из плотно уложенных витков, в результате чего поверхность фляги кажется рифленой. По этому орнаменту можно выделить в Москве чернолощенные фляги ранние и более поздние. Чернолощенные фляги XVI в. имеют орнамент в виде небольшой спирали в центре тулова и нескольких витков линейного орнамента, нанесенного на некотором расстоянии от центральной спирали. Чернолощенные фляги середины — конца XVII в. имеют на поверхности только одну центральную спираль, размещенную на всей боковой плоскости. К ранним флягам относится сосуд, найденный в Зарядье в 1941 г. Другая такая же фляга была найдена в Зарядье в 1950 г. при наблюдениях. Обе фляги сходны по размерам: диаметр диска 13,5—14 см и емкость около 0,5 литра. Чернолощенная фляга XVII в. найдена в Зарядье в 1953 г. Ее диаметр 18,5 см и емкость около 1 литра. Одна большая чернолощенная фляга того же времени была найдена в 1953 г. Ее диаметр около 30 см и емкость около 5,8 литра. Чернолощенные московские фляги этого типа напоминают восточные керамические фляги, выполненные в ранней технике и бытовавшие в давних пор. В 1955 г. в Зарядье были найдены два обломка красноглиняных хорезмских фляг XIV в. с дисковидным туловом и штампованным орнаментом¹³.

Кроме фляг этого типа, в Москве изготовлялись в меньших количествах чернолощенные фляги с дисковидным туловом и кольцевыми ребрами по краю. Они орнаментированы так же, как чернолощенные фляги первого типа. В нижней части имеется поддон в виде прямоугольной в плане рамки, в которой с боков проделаны два сквозных отверстия. Ручки и горло у них такие же, что и у чернолощенных фляг первого типа. В Москве такие фляги

найлены только в обломках в слое конца XVI — начала XVII в. Диаметр тулова их около 18 см, емкость около 1 литра. Подобных размеров и формы чернолощенная фляга с кладом монет начала XVII в. найдена в окрестностях Можайска. В это время изготовлялись в Москве и пошвыные фляги той же формы. Обломки их найдены в одном слое с чернолощенными флягами этого типа. Чернолощенные фляги в Москве не имели большого распространения, ибо одновременно с ними бытовали стеклянные, металлические и пошвыные фляги.

Чернолощенные миски для еды со сферическими стенками встречаются обычно в виде обломков. Венчики мисок короткие, отогнутые наружу, верхний обреш их обычно горизонтальный (табл. 12, 3—5). Сосуды изготовлены на ручном круге и тщательно залощены снаружи и внутри. Орнамент бывает на боковых стенках снаружи — один или два линейных витка — и на дне миски с наружной стороны — несколько концентрических окружностей. Миски формовались из красножгущейся глины и агобировались. Размер их устойчив: высота около 10 см при диаметре 24—27 см. Емкость сосудов около 1,5—2 литра. Толщина стенок достигает 8—9 мм. Более ранние миски имеют дно закругленное, более поздние — плоское. Миски неоднократно найдены в слоях XVI в. вместе с агобированной керамикой. Наиболее ранние обломки чернолощенных мисок конца XV в. найдены в 1955 г. в Зарядье. Несколько обломков их встретились на территории Изужской гонимарной слободы, где они и изготовлялись. Две хорошей сохранности чернолощенные миски этого типа были найдены в толще горна первой половины XVI в.¹⁴ Среди агобированных московских сосудов XVI в. встречались обломки миски, совпадающей по форме с чернолощенными мисками. В XVII в. бытовали также же миски, но с рифлением с наружной стороны (табл. 12, 8).

Есть мисочки и с прямыми стенками (табл. 14, 9), они ранние. По нижней части тулова у дна среза, это признак сосуда XV—XVI вв. Они тщательно залощены снаружи и внутри. Дно тоже закруглено.

Кастрольки с ручками — широко распространенная разновидность московской керамики XVI—XVIII вв. В литературе они называются также мисками для варки пищи с ручками¹⁵. Они имеют вид мисок конической формы с отогнутым наружу краем, сходным с краем мисок со сферическим туловом. Горловина широкая. Ширина отогнутого края миски 1—1,5 см. Непременной принадлежностью их является ручка в виде полки расширяющейся к концу трубки, прикрепляющейся к венчику. Сосуды этого типа делятся на ранние — XVI — первая половина XVIII в. — и поздние — конец XVII в. — начало XVIII в. Ранние кастрольки имеют стенки толщиной 6—8 мм и тщательно залощенную поверхность снаружи и внутри. Они черного цвета, изготовлены из красножгущейся глины и покрыты агобом. Снаружи на сере-

дине высоты — один-два витка линейного орнамента. Дно с наружной стороны даже на ранних сосудах этого типа не лощилось, на нем подсыпался песок (табл. 12, 7, 9, 10, 12, 13, 17). Сосуды изготовлены на ручном круге. Трубчатые глиняные туловы на ручках ранних чернолощенных кастролек имеют диаметр около 3 см и длину 7—8 см. Сужение трубки в месте прикрепления ее к сосуду небольшое. Сверху на ручках ранних чернолощенных кастролек часто наносился орнамент в виде елочек, «пазочек или продольных полос (табл. 12, 2, 11, 15, 16, 18, 19). Интересна ручка с круглым клеймом с решетчатым рисунком. Орнамент в виде елочек на ручках чернолощенных кастролек известен не только в Москве. Чернолощенная ручка от кастрольки найдена при раскопках в Новгороде в 1934 г.¹⁶ Подобные ручки есть и из раскопок во Владимире¹⁷. Размеры ранних чернолощенных кастролек различны, высота от 8 до 15 см при диаметре 20—30 см. Пропорции у сосудов разных размеров одинаковые. Ранние чернолощенные кастрольки в виде обломков найдены во множестве при раскопках в Зарядье и в Кусемае.

Поздние чернолощенные кастрольки конической формы с ручками конца XVII—XVIII в., как правило, отличаются сравнительно небольшими размерами: высота их 8—10 см при диаметре 10—25 см. Они имеют более стройные пропорции. Сосуды хорошо датированы множеством сопутствующих находок позднего времени. Более ранние из южных находок позднего времени, более ранние из красножгущейся глины без агоба. Тщательно залощена только внутренняя поверхность, снаружи лощение неряшливое или отсутствует. Встречаются кастрольки, на стенках которых с наружной стороны выложены петлевидные узоры или косящая сторона выложена в виде зазубринок чернолощенной кастрольки, украшенные линейным орнаментом (табл. 12, 6, 10, 14, 20; 13, 1, 3). Поздние чернолощенные кастрольки, сделаны на ножном круге. Кастрольки начала XVIII в. тонкостенные, ручки поздних кастролек в месте прикрепления, напоминают полый конус, прикрепленный вершиной к обрешу венчика сосуда. Орнамент на них отсутствует и только по веру ручки. Есть и просто моренные ручки от поздних кастролек. Кастрольки, как и ручные мисочки с сферическим туловом, — столовые сосуды. Об этом свидетельствует сравнительно небольшой обреш сосудов и характер обреза края, сходный с обреш мисок для еды со сферическими стенками.

Сходны по виду с чернолощенными кастрольками моренные мисочки с туловом такой же конической формы и горизонтально поставленной стержнеобразной ручкой. Размеры небольшие: высота 6—8 см и длина ручки 2—3 см. Мисочки цветло-серого цвета, без агоба и изготовлены на ножном круге. Край прямой. Ручки плоские, к концу слегка рас-

ширенные. Мисочки датируются XVIII в. — в виде обломков и целых экземпляров встречаются в верхних горизонтах московского слоя. Это один из позднейших вариантов чернолощенных кастролек с ручками.

Есть еще одна разновидность сосудов, близких к вышеописанным. Это небольшие светло-серые миски с коническим туловом, но без ручек. Край их прямой. Высота сосудов 4—6 см, диаметр дна 2—2,5 см. Они датируются XVIII в. В культурном слое этого времени в Москве их много, они часто встречаются в целом виде. Изготовлены они на ножном круге. Назначение сосудов без ручек пока не совсем ясно. В верхнем горизонте Зарядья была найдена яма, сплошь заполненная мореными сосудами подобной формы. Все они были разбиты. Сосудов этой формы, выполненных в чернолощенной технике, нет. Назначение их неизвестно, может быть, это плошки для аллюминизации.

Чернолощенные сковородки встречаются в горизонтах XVI — начала XVIII в. Они формовались только на ручном круге, так как большую площадь дна сковородки трудно было срезать с ножного круга. Чернолощенные сковородки имеют вид усеченного конуса малой высоты; найденные в Москве сковородки высотой 6—8 см и диаметром от 27 до 50 см. Край прямой и по обрешу слегка углощен. Профильная край у большинства московских сковородок одинаковая. Ранние и поздние сковородки по форме не различаются. Их можно разделить только по цвету и характеру лощения.

Более ранние агобированы под лощение, они интенсивного черного цвета; дно с внутренней стороны и стенки с обеих сторон тщательно залощены. Дно залащивалось всегда в одном направлении, стенки — в горизонтальном направлении. Лощения на дне с наружной стороны нет. Поздние сковородки имеют вид сетки. С наружной стороны они или не лощились совсем, или лощение неряшливое, с огрехами. Как ранние, так и поздние сковородки имели слит в виде небольшого слетка оттянутого и специально перекошенного носика. Наличие носика у сковородок говорит о том, что в них разогревались различные жидкие продукты, может быть, и молочные. Сковородки употреблялись также для выпечки хлеба. Она велась при температуре около 200° и не разрушалась в чернолощенной технике. Две целые сковородки середины XVII в. найдены в Москве в Зарядье в 1955 г. Их диаметр около 33 см при высоте около 6 см. Сковорода конца XVII в. диаметром 32 см, высотой 7—8 см была найдена в 1957 г. На ее стенке изнутри выложен орнамент в виде косой сетки, а снаружи — неряшливое горизонтальное лощение. Сковородки встречались при раскопках на Изде, при прокладке трассы Московского метрополитена и при наблюдениях за строительными работами. Чернолощенные сковородки находят и в других древнерусских городах — Суздале, Владимире, Ярославле, Можайске.

¹³ А. Ф. Дубынин, 1959, стр. 40, 7, 8.

¹⁴ Р. Д. Розенфельдт, 1959.

¹⁵ М. Г. Рабинович, 1949, стр. 74.

¹⁶ А. В. Архивский, 1949.

¹⁷ Н. Н. Воронин, 1949, стр. 234.

Кроме этих стандартного вида сковородок, в Москве нередко встречаются сковородки, изготовленные, очевидно, на заказ. Так, при раскопках на Яузе найдены сковородка с валиком по краю, украшенным заплатами, и сковородка с рельефным валиком с наружной стороны.

Чернолощенные лохани с коническими стенками встречаются крайне редко. Такой сосуд в разваленном виде найден на Яузе в комплексе гонимарской мастерской¹⁸. Эта лохань имела вид невысокого усеченного конуса. На боковых поверхностях с наружной стороны укреплены четыре глиняных обруча, равномерно распределенные по высоте сосуда. У лохани две вертикально поставленные пластинчатые ручки с орнаментом в виде слочки. Диаметр лохани около 40 см при высоте 18 см. Сосуд сплошь залощен как снаружи, так и изнутри; он черного цвета и, очевидно, ангобирован под лощение. Изготовлен на ручном круге. По технике исполнения, цвету и лощению сосуда датируется XVI в. Близи по форме к чернолощеной лохани и большие моренные лохани с прямыми слегка разложистыми стенками, у одних край простой, у других утолщен. Они светло-серого цвета. С наружной стороны стенок в верхней части одна или два рельефных обруча, на которые наложены глиняные кольца, имитирующие металлические. Один сосуд такого типа имеет высоту 24 см при диаметре 40 см. Несколько лоханей найдено при строительстве метро. Они встречаются и в Зарядье в горизонтах XVIII в. Сосуды сделаны на ножном круге.

Чернолощенные тазы — сосуды большого размера. Можно выделить две их основные разновидности. Тазы первого типа имеют сходство с современными. У них сферическое тулово и широкий отогнутый наружу венчик, к краю утолщенный. Несколько обломков тазов этого типа найдено при строительстве метро и при работах Московской археологической экспедиции в Зарядье. Сосуды были диаметром от 30 до 40 см. Высота одного из них около 15 см. Чернолощенные тазы со сферическими стенками иногда украшались снаружи по верху венчика наклепанным валиком или полосками линейного орнамента. Все известные тазы этого типа, судя по характеру лощения, поздние, не ранее конца XVII в. Точную дату их установить не удается, потому что большинство их датированы стратиграфически. Тазы окрашены в светло-серый цвет, внутренняя поверхность хорошо залощена, наружная поверхность залощена или на ней неряшливое лощение. Сосуды изготовлены без ангоба. Чернолощенные тазы другого типа имеют вид сравнительно низких разложистых мисок очень большого диаметра — до 50 см. Дно у них сравнительно с диаметром небольшое. Сосуды сделаны на ножном круге, лощение только изнутри.

Цветочные горшки хорошо известны. По форме они подобны современным, имеющим вид усеченного конуса с большим основанием сверху. Они обычно без орнамента. Лощение на них неряшливое и только с наружной стороны. Чернолощенные цветочные горшки все сравнительно позднего вре-

мени, светло-серого цвета. Изготавливались они из глины, без ангоба. В дне сосудов круглое отверстие для стока воды диаметром в 0,8—1 см. Иногда отверстия в виде щелей делались в нижней части боковых стенок. В Зарядье найдено более полутора десятка целых и разваленных мореных цветочных горшков того же типа, что и более ранние подлощенные цветочные горшки. Они двух размеров: один высотой 19 см и диаметром по верху 21 см, а другие высотой 21 см и диаметром 24 см. Один из них имеет колоколовидное тулово на небольшом кольцевом поддоне. Горшки по сопутствующим вещам датируются вередной XVIII в.¹⁹

Рукомоийники в виде животных — своеобразная разновидность московской керамики XV—XVI вв. Они найдены в Зарядье и на территории Яузской слободы. Тулово чернолощенных рукомоийников, или умывальников, имеет вид горизонтально положенного цилиндра с округлыми концами и перемычкой в средней части (табл. 13, 7). Наиболее многочисленны рукомоийники со слоновидной головой животного, прикрепленной к одному концу сосуда. Обычно это голова барана с загнутыми рогами, реже голова лошади с острыми ушами. Сверху у другого конца тулова умывальника была горловина, через которую он наполнялся водой. Снизу четыре ножки в виде конических выступов. Умывальник подвешивался на веревке за петлеобразную ручку, находившуюся на середине тулова. Отверстие в носике круглое, диаметром около 1 см, слегка расширенное к концу. Реже встречаются умывальники с корпусом такого же типа, но не с одним, а с двумя слонами, расположенными на двух концах сосуда и оформленными в виде голов баранов и лошадей. Горловина у них посередине, по бокам ее две петлеобразные ручки, за которые умывальник подвешивался. В нижней части корпуса — четыре ножки. Эти умывальники — одна из ранних разновидностей чернолощеной керамики. Сделаны они тщательно, лощение сплошное, цвет всегда аспидно-черный, они толстостенные, орнамента нет. Умывальники изготовлены на ручном круге, на котором сначала изготавливался горшкостроительный корпус, к нему приделывались горловина, сливы, ручки, ножки. Все чернолощенные умывальники в виде животных изготавливались из красной глины и ангобировались. Размеры их различны, но обычно длина около 22—23 см при диаметре тулова около 8 см. В Зарядье в 1949 г. найден чернолощенный умывальник длиной около 20 см при диаметре тулова около 8 см. Емкость его стандартная — около 2 литров. Все чернолощенные умывальники в виде животных ранние и по находению в слое и технике изготовления должны быть датированы XVI в. Обломки их есть и в горизонтах конца XV в. В слоях XVII в. в Москве умывальники этого типа не встречаются. Много обломков бракованных чернолощенных умывальников обнаружено на Яузской слободе рядом с горами, в которых они обжигались. За пределами Москвы такие умывальники встречаются редко.

¹⁸ Найдены в колодезе вместе с расписными изразцами середины XVIII в. Раскол V, 1857 г.

Кроме рукомоийников-животных, изготавливались рукомоийники в виде горшков с трубчатыми сливами, оформленными в виде головки животного. Эти умывальники в XVII в. сменяли рукомоийники в виде животных. Они бытовали в XVIII в. в Москве (табл. 13, 8, 11, 12), а за пределами ее и везе. Тулово их — горшок шарообразной формы полого. Горловиной в виде невысокого цилиндра или вставленного канала в 1—2 см в виде головы животного (лошадь) с острыми торчащими ушами. Для предотвращения разбрызгивания воды трубка слива к концу слегка расширена. Ранние образцы чернолощенных умывальников с горшкостроительным туловом имеют сплошное лощение по всему тулову, а по верху его и рифление. На умывальниках поздних (XVIII в.) лощение разреженное, узорное, в виде петель, косой сетки, полос и нанесено лишь на верхнюю часть тулова. Для подвешивания эти умывальники в верхней части тулова имели две петлеобразные ручки-налепы. Все чернолощенные умывальники этого типа сравнительно светло окрашены. Высота их около 15 см при максимальном диаметре 16—17 см, емкость около 2 литров. Ранние экземпляры чернолощенных умывальников в виде горшков изготовлены на ручном круге, поздние умывальники XVIII в. сделаны на ножном круге и имеют поддон. Чернолощенные умывальники XVII в. этого типа покрыты ангобом до лощения, позднее — без ангоба. Известен умывальник с горшкостроительным туловом и двумя сливками, тоже в виде стилизованных головок лошадей. Сосуд изготовлен на ножном круге и имеет небольшую подду. У него на тулове ниже зоны рифления была полоса отпечатков кольчатого шитания. Этот сосуд найден в слое первой половины XVIII в.

Чернолощенные светильники — небольшие сосуды с острыми или округлыми дном и маленькой, дном с острым или округлым дном и устойчивой подножкой. Форма их, несмотря на большое число разновидностей, характерна и устойчива, что говорит не только о широком распространении, но и об определенном назначении, равенстве их, но и об определенном назначении. Среди нескольких десятков найденных сосудов этого типа выделяется наиболее ранний вариант. Это сосудики в виде перевернутого шлема с прикрепленной на середине высоты тулова характерной подножкой. Лощение сплошное с двух сторон. Край ранних сосудов прямой, горловина не выделена (табл. 13, 17, 18, 22, 23). Четыре таких сосуда найдены в Зарядье. Один из них обнаружен на старом кладбище Знамenskого монастыря в заполнении могилы, перекрытой плитой первой половины XVI в. Второй и третий сосудики найдены в Зарядье в слое с изразцами начала XVII в. Дата сосудов — середина XVI в. Характерно отсутствие на сосудах этого типа орнамента.

Более позднюю группу чернолощенных светильников составляют сосудики в виде кончиков, но с дном в виде уплощенного конуса, с днищами сфе-

рических очертаний, а у наиболее поздних экземпляров — даже с почти плоским дном. Для сосудов этого типа характерно ребро в нижней части тулова при переходе ко дну (табл. 13, 14, 19—21, 24, 25, 27, 28, 4). Ручки у этих сосудов более вытянутые и, как правило, круглые в сечении. В конце их круглое отверстие диаметром в 3—4 мм. На большинстве сосудов в верхней части дна имеется орнамент. Лощение неаккуратное, залощена обычно только верхняя, видимая часть. У поздних экземпляров на тулове часто выщипывался серповидный узор, характерный для чернолощенных сосудов XVIII в. и имеющийся на кубышках того времени (табл. 13, 26). Часто у поздних чернолощенных светильников выделены небольшими сосудиками XVI в. светильники более тонкостенные и окрашены в более светлые тона. Один позднего вида светильник с утраченной ручкой найден в Зарядье в 1949 г. Другой был найден в 1950 г. тоже в Зарядье при наблюдениях. В 1940 г. найден сосудик с железным гвоздем, сохранившимся в отверстии ручки. Много светильников обнаружено в Зарядье с 1953 по 1957 г., два из них — в колодезе XVII в. Один сосудик и несколько обломков поздних светильников найдены в заполнении подклета придела св. Мины церкви св. Анны при реставрационных работах в слое начала XVIII в. Позднего типа чернолощенные светильники хорошей сохранности найдены на кладбище Симонова монастыря.

Чернолощенные светильники раннего времени были высотой от 3 до 4 см при диаметре 3—5 см. Сосудики XVII в. имели высоту 4,5—5 см при диаметре 5,5—6 см. Ранние светильники открытые, более поздние закрытые. М. В. Воеводский, выделявший сосудики этого типа, лишь предположительно отнес их к светильникам²⁰. По нашему мнению, сосудики эти действительно были светильниками и прикреплялись к какой-то деревянной основе гвоздем, пронзенным в отверстие ручки. Небольшой объем светильников и стандартные размеры, по-видимому, говорят о специальном их назначении. Не исключено, что они были лампадами, укрепляемыми перед ними остатком масла и наиболее полного его использования. Сосуды с отбитыми ручками считались испорченными и выбрасывались, потому и найдено много таких светильников. У одного чернолощенного светильника была утрачена ручка (табл. 13, 17), но под краем были сделаны два небольших отверстия, при помощи которых сосудик прикреплялся к держателю.

Чернолощенные горшки находятся в Москве в слоях XVI—XVIII вв. Этот вид чернолощенных сосудов не является основным в группе, и обломки ее в Москве встречаются реже обломков чернолощенных кубышек, куманов, мисок для еды, кубышек и кастрюль с ручками.

²⁰ М. В. Воеводский, 1936, стр. 170.

¹⁸ М. Г. Рабинович, 1949, рис. 9, 2.

Ранние черлощенные горшки, как правило, были небольшие, высотой в 6—10 см. Тулово их укороченных пропорций, ширина больше высоты, короткий, довольно толстый нерасчлененный и слегка отогнутый наружу венчик (табл. 13, 2, 4, 5). Орнамент обычно нет, лощение сплошное с наружной стороны, нередко залощено и дно. Сосуды изготовлены на ручном круге, на некоторых донцах есть каемко — крест в круге. Серия обломков и несколько целых экземпляров получены при раскопках на Изюмской слободе в 1947 г. Несколько таких горшков найдено нами там же в 1954 г. в яме с керамическим браком. Много обломков ранних горшочков собрано в Зарядье в слоях XVI в. Черлощенные горшки употреблялись в обиходе, в них подавалась на стол еда или приправа (соль, масло). Черлощенные горшки много найдены в Москве в XVI в. нет. В XVII в. в Москве будет несколько типов черлощенных горшков, из которых наиболее распространены сосуды с коническим туловом, максимально широкие в верхней трети высоты. Венчик средней высоты, шейка хорошо выделена. Горшки этого типа известны лишь по фрагментам (табл. 13, 6, а—г, е). Диаметр горшка их 25—30 см при высоте в 16—17 см. Сосуды этого типа, по-видимому, могли быть использованы для переработки и хранения молочных продуктов. В верхней части тулова почти всегда частей линейный орнамент, напоминающий рифление. Цвет сосудов серо-черный, лощение тщательное, особенно в верхней части тулова. Сосуды тонкостенные. Как и более ранние черлощенные горшки, они изготовлены на ручном круге из красноватой глины и ангобированы под лощение. Кроме них, в то же время, т. е. в XVII в., а преимущественно во второй его половине, были черлощенные горшки совсем низких пропорций с разложистыми стенками и тонким фигурно выгнутым венчиком. Они больше походили на высокие миски, чем на горшки (табл. 13, 6, з, 8). Диаметр их обычно 25—27 см. Максимальный диаметр — по обрезу венчика. По технике изготовления они сходны с вышеописанными, лощение на них редко и поверхность залощена неровно; иногда встречается фигурное лощение в виде полос, косой сетки, пестала. Часть сосудов с таким лощением можно датировать не только XVII в., но и первой половиной XVIII в. Черлощенные горшки третьего типа найдены в разных районах Москвы при раскопках и наблюдениях. Черлощенные московские горшки XVII в. четвертого типа средних размеров, с туловом, близким к шаровидному, и с венчиком, наклонным внутрь. Шейки почти не выделены. Максимальный диаметр (15—20 см) на середине высоты сосуда. Есть горшки с небольшими поддонами. По форме сосуда напоминают металлические братины XVII в. По характеру разреженного лощения, иногда в косую клетку, а также по шаровидному орнаменту, вылощенному на некоторых сосудах, они могут быть датированы не только второй половиной XVII в., но и началом XVIII в. Сосуды эти тонкостенные и светлой окраски. По-видимому, в них на стол подавались напитки и жидкие пре-

дукты. Кроме этих четырех типов черлощенных горшков, в Москве в XVII в. и первой половине XVIII в. бытовали горшки с туловом конической формы и большим плавно отогнутым наружу венчиком. Диаметр и высота их 20—24 см. Это устойчивая форма сосудов, существовавшая, вероятно, в течение длительного времени (разные периоды XVII в.). Одни из них тщательно залощенные, с густым линейным орнаментом в верхней части, другие — более поздние, с неряшливым лощением конца XVII — начала XVIII в. Кроме перечисленных типов черлощенных горшков, есть и другие: с прямым венчиком и петлевыми ручками в верхней части тулова; с наленными первыми валиками по горловине; украшенные штампованным орнаментом; горшки на поддонах различных видов. Большая часть их изготовлена на ножном круге.

Разнообразие черлощенных горшков является горшки с трубчатыми слиями. Они представляли сравнительно хорошо в слое конца XVII — начала XVIII в. У них конусовидное тулово с максимальным диаметром в верхней трети и сравнительно небольшой отогнутый венчик. Большие размеры горшки этого типа имеют высокую шейку. Это сосуды вытнутых пропорций с высотой больше максимального диаметра. Горшки имели слив в виде раструбы, отходящего от верхней части тулова. Наиболее ранние экземпляры изготовлены на ручном круге, хорошо залощены и имеют рифление в верхней части тулова, т. е. все признаки московских черлощенных сосудов середины XVII в.

От этих горшков сильно отличаются поздние горшки с трубчатыми слиями. У них конической формы тулово и средней высоты отогнутый наружу венчик, диаметр 15—20 см, высота от 10 до 15 см. Сосуды разложистые, невысоких пропорций. В верхней части тулова трубчатый слив диаметром около 1 см. Все горшки изготовлены на ножном круге из красноватой глины без ангоба. Лощения почти нет, некоторые сосуды мореные. Много обломков горшков этого типа найдено в подклете придела св. Мины церкви св. Анны в Китай-городе, где они датируются серединой XVIII в.

Бочонки — редкая разновидность черлощенной керамики. Нам известен только один, найденный в Зарядье. Судя по нему, черлощенные бочонки были небольших размеров: высотой около 20—22 см при максимальном диаметре 12—14 см. В центральной части бочонок расширен, отверстие — у края в торцевой стороне. Лощение хорошее. Это ранний образец черлощенных сосудов, цвет поверхности черной, орнамента нет.

Черлощенные и мореные курительные трубки характерны для верхних горизонтов московского культурного слоя (табл. 14, 16—18). Они имели цилиндрической формы чашечку с коротким раструбом. Трубки изготавливались в двусоставных формах, на стенках которых был вырезан орнамент. Одна из трубок имеет чашечку в виде человеческой головы. Максимальная длина таких трубок около 3,5 см. Трубки эти светло-серого цвета и поверх орнамента иногда подлощены (лощилось поле меж-

ду орнаментальными полосками). Встречены курительные трубки и без лощения, а только мореные. По характеру лощения, цвету поверхности и сходству этих трубок с красноглиняными они могут быть датированы XVIII в.

Черлощенные колокольчики встречаются в нескольких экземплярах (табл. 14, 17). Целый колокольчик имеет высоту 14 см и максимальный диаметр 14 см. Он тщательно залощен снаружи. Язычок колокольчика утрачен. По-видимому, это игрушка.

Разнообразие черлощенной керамики является игрушки-«соловьи» в виде кубышек с отходящей от верхней части тулова трубкой-светляком. «Соловьи» изготавливались, как и кубышки, на круге, зато к ним присоединялся «светлячок». Среди них выделяются ранние и поздние экземпляры. «Соловьи» XVI в. хорошо вылощены, и на тулове их одна-две полоски линейного орнамента. Они черного цвета, изготовлены на ручном круге (табл. 13, 9). «Соловьи» XVII в. более тонкостенные, часто с рифлением по верхней части тулова, светлее окрашены. Лощение хорошее, залощено по верхней части тулова. Они также сделаны на ручном круге (табл. 13, 10). Черлощенные «соловьи» начала XVIII в. залощены плохо, лощение узорами, часто встречается серовидный узор, вылощенный поверх залощения (табл. 13, 13, 15, 16). Они изготавливались на ножном круге и имеют небольшой поддон. Черлощенный «соловей», найденный с кладом монет времени Петра I, хранится в ГИМ. Сосуд изготовлен на ножном круге.

Черлощенные кружки относятся к позднему времени. Они имеют вид высокого усеченного конуса с большим основанием наверху, с высоким поддоном и небольшой круглой в сечении ручкой. Высота сосудов 8—12 см при диаметре по горловине 5—8 см. Кружки изготовлены на ножном круге и окрашены в серый цвет. По форме они аналогичны белоглиняным и белолощенным кружкам XVIII в. и датируются тем же временем. Лощение на кружках только с наружной стороны, неряшливое, петлеводное. Часть кружек мореная. Черлощенный сосудик для масла, оставшегося от соборования умирающего, найден в Зарядье². Он имеет вид усеченного конуса небольшой высотой с большим основанием наверху и с кольцевым поддоном. Лощение хорошее с обеих сторон. Высота сосуда 6 см, максимальный диаметр по краю 8 см (табл. 14, 7). По форме он подобен большой серии поливных сосудов того же назначения, датированных XV—XVI вв. Возможно, он относится к тому же времени.

Крышки от черлощенных сосудов найдены преимущественно в обломках. Большая часть их от горшков позднего времени. Они высокого размера — диаметр 20—22 см, в виде невысокого конуса с валиком по краю и с петлеводной ручкой в центре. Некоторые крышки украшены линейным орнаментом. Лощение хорошее и только с наружной стороны. Крышки формованы на круге (табл. 14, 3, 6).

Черлощенные крышки другого типа все небольшие, в виде конуса средней высоты. Диаметр их 10—12 см. Ручкой для них служила пилочка, приделанная к вершине. Некоторые крышки этого типа (табл. 14, 4, 5) по краю имеют «воротничок», который охватывался внутрь сосуда, и на нем два «зауба», препятствующие спаданию крышки с сосуда при его наклоне. Изделия с наружной стороны украшены рифлением. Это крышки от черлощенных кубышек XVII в.

К XVI в. относится черлощенный черпачок с петлеводной ручкой, по-видимому, светлячки (табл. 14, 2).

В черлощенной технике делали фаянты. Обломки их часто встречаются при раскопках в слоях XVII в. (табл. 14, 12—14).

Техника лощения и морения широко применялась и при изготовлении из глины различных строительных деталей, таких, как черепица, половые и облицовочные плитки, желоба и водометы. Изделия эти из-за цвета поверхности в документах XVII в. называются «аспидными». Они изготавливались большими партиями. Если поливная черепица из-за сравнительно дорогих материалов применялась для покрытия только монументальных сооружений, то черепица черлощенная как более дешевая шла черепица черлощенная для покрытия домов. Широко распространение черлощенной черепицы для покрытия объясняется и ее долговечностью, и устойчивостью к огню. Административные органы того времени проявляли заботу о распространении этого типа огнестойкого покрытия, так же как и об увеличении оштукатуренных построек (организации каменных дел и мероприятия по стандартизации размеров строительных материалов, клеймению кирпича, предпочтительные табуриды). В Москве была широко распространена досковидная черепица. Насчитывается несколько типов ее, различающихся преимущественно формой нижнего конца.

Досковидная черепица «бобровый хвост» имеет вид доски с нижним концом наподобие одиночного зуба, образованного округлыми вырезками. Ширина 14—16 см, длина 30—32 см, толщина 1,5—2 см (табл. 14, 21, 22, 28, 29); ширина зуба черепицы 2—3 см при длине 8—9 см. В верхней части доски черепицы по середине ее — отверстие диаметром 7—8 мм для гвоздя, которым черепица удерживалась на своде. Каменной кладке или деревянной обрешетке крыши. Черепица изготавливалась в ящичной форме, по назначению из формы с одного, узкого края ее делались вырезы железным ножом. После просушки черепица сминалась с одной стороны и дощлась. Обжиг черепицы проводился так же, как обжиг черлощенных сосудов, только процесс этот был более длительным. Лощение черепицы главным образом производилось для уплотнения поверхности с целью повышения ее водонепроницаемости. Пропитка черепицы продуктами возгонки при обжиге также этому способствовала. Все это предохранило изделие от вымывания и увеличивало его долговечность. Черлощенная черепица в большинстве датируется XVI—XVII вв. Черепица XVII в. более тонкая. Изделия этого

² На участке 10, 1956 г.

типа были обнаружены в Зарядье. Их формат $34 \times 13 \times 2$ см. Найденные экземпляры принадлежат, по всей вероятности, от покрытия Старого собора Знаменского монастыря XVI в. Большая серия чернотенной черепицы типа «бобровый хвост» найдена в Зарядье во вторичном использовании в качестве вымостки. Черепица того же типа обнаружена там же, рядом с остатками церкви Яков Мирносиц (построена в 1567 г.). Полную длину найденных здесь образцов установить не удалось, ширина их 13,5 см, толщина 2,5 см. Несколько целых черепиц этого типа, происходящих от покрытия Коломенского дворца и других построек XVI—XVII вв., хранятся в музее-усадьбе Коломенское. Длина их от 30 до 32 см при ширине 14—15 см и толщине 2 см. Черепицей «бобровый хвост» первоначально была покрыта церковь св. Антония в Москве. Остатки этого покрытия обнаружены на памятнике при реставрационных работах²². Ширина ее около 16 см при толщине 2 см и ширине зуба 3 см. Такая чернотенная черепица найдена и при строительстве первой очереди Московского метрополитена в районе Библиотеки им. В. И. Ленина²³.

Второй разновидностью досковидной черепицы была черепица, нижний конец которой имеет годчатые вырезы. Черепица эта и называется обычно «городчатой». Нижний конец ее тоже вырезан ножом после формовки доски черепицы в ящичной форме. В верхней части доски — одно или два круглых отверстия для гвоздей. Нам не встретилось в культурном слое города ни одного целого экземпляра такой черепицы, хотя обломков ее много (табл. 14, 27). Ширина их около 20 см, длина городчатой части около 10 см, ширина центрального зуба 2,5—3 см, толщина черепицы 1,5—2 см. По образцу этой черепицы в несколько более позднее время, а иногда и одновременно с ней изготавливалась той же формы поливная черепица. Городчатая черепица дожила с одной стороны. Время бытования ее XVI—XVII вв. Обломки чернотенной городчатой черепицы встречались в Зарядье и при наблюдениях. Несколько обломков такой черепицы хранятся в музее-усадьбе Коломенское. Она есть в покрытиях церкви XVII в. в с. Комягино Московской области. Для покрытия главы пуга по длинной оси. Для покрытия Звенигородского собора употреблена чернотенная черепица со скругленными углами городков.

Третий тип черепицы имеет вид доски с нижним концом в виде клина (табл. 14, 25). Толщина ее около 1,5 см, длина 30 см и ширина 13—15 см. В верхней части черепицы отверстие для гвоздя. Несколько обломков ее найдено в Зарядье. Есть образцы черепицы в музее-усадьбе Коломенское. Черепица датируется XVI—XVII вв.

Четвертая разновидность московской досковидной черепицы обычно называется «утюгом»: ее

нижний конец напоминает нос утюга. Доска черепицы формовалась в ящичной форме, нос вырезался ножом. Как и остальные образцы московской черепицы, она заложена с одной стороны, ложение продольное (табл. 15, 23). Обломки черепицы этого типа найдены в Зарядье в 1955—1957 гг. Она представлена в музее-усадьбе Коломенское. Длина известных образцов черепицы около 30 см, ширина 12—16 см и толщина 1,5—2 см. Датируется она XVI—XVII вв.

Пятого типа досковидная черепица — в виде ромба со срезанными острыми углами. Верхний конец узкий, нижний же узкий и короткий (табл. 15, 1). Длина черепицы 30 см при максимальной ширине 12,5 см. Ширина верхнего конца черепицы 12,5 см, ширина нижнего конца 4—4,5 см. Длина нижнего зуба около 8 см. Толщина черепицы 2—3 см. Черепица изготавливалась, по-видимому, в форме в виде ромба, а острые концы обрезались ножом после формовки. Она предназначалась для покрытия шатровых крыш. В верхней суженой части доски имеется отверстие для гвоздя. Ложение с одной стороны. Несколько образцов черепицы есть в музее-усадьбе Коломенское. Черепица датируется XVI—XVII вв.

Досковидная черепица, сходная по форме с черепицей третьего типа, но с суженой верхней частью, шла по покрытию шатровых крыш. Размеры ее в основном совпадают с размерами чернотенной черепицы первого типа. В некоторых случаях она крепилась при помощи гвоздей, в других укладывалась на известковом растворе²⁴.

Черепица укладывалась на крыше в виде черепицы, образуя чешуйчатое, или «бронное», покрытие. В зависимости от формы нижних концов досковидной черепицы каждая крыша имела своеобразный узор. Вышеописанный ряд черепицы смещался по сравнению с нижележащим на половину его ширины. Иногда для покрытия вместе с чернотенной употреблялась красноокрашенная черепица, помещаемая в ряд через одну. Чернотенная московская черепица была одинарной: для крыши требовалась черепица только одного типа. Концы крыш и ребра шатров перекрывались чернотенной коньковой черепицей в виде полуцилиндра, суженного к одному концу. Образцы ее найдены при раскопках на Яузской слободе²⁵. Длина этой черепицы 37 см, диаметры концов 13 и 11 см. Выгнутая поверхность ее чернотенная. Отверстия для гвоздя в этой черепице иногда не делались. Она лежала в горизонтальном положении на коньке крыши. Коньковая желобчатая чернотенная черепица укладывалась с напуском так, что широкий конец одной из черепиц налегал на узкий конец соседней черепицы.

В Зарядье в 1957 г. были найдены целая и несколько обломков чернотенной черепицы в виде круга диаметром 23 см и толщиной 1,5 см. Ложение с одной стороны. Черепица изготовлена в форме. У края диска круглое отверстие для гвоздя (табл.

14, 26). Дата ее, по стратиграфическим данным, конец XVI — начало XVII в.

Кроме перечисленных образцов досковидной черепицы, в Москве были в употреблении и другие виды черепицы.

Грифированная черепица имеет вид сравнительно тонкого, выложенного с одной стороны глиняного листа прямоугольной формы со срезанными углами. Толщина 1 см. Лист этот сажка изготу от отсутствия целых экземпляров поные размеры и способ крепления ее установить не удалось. На внутренней поверхности подсыпка песка. По-видимому, черепица употреблялась для покрытия крыш с плоской поверхностью и, может быть, по деревянной обрешетке. Обломки такой черепицы найдены в Зарядье при строительстве Московского метрополитена. Судя по фрагментам, ширина черепицы была около 29 см, длина более 22 см. По характеру ложения и цвету изделий черепица этого типа должна быть датирована второй половиной XVII в.

Двойная несоборчатая черепица, используемая для покрытия крыш, употреблялась в комплекте из двух разновидностей этой черепицы. Одна разновидность имеет вид широкого выгнутого желоба, внутренняя поверхность которого заложена, — это нижняя черепица. Другая разновидность имеет вид желоба, но с широкими краями, отходящими от краев. Это черепица покрывная. При укладке черепицы нижние листы ее располагались так, что рядом расположенные покрывные черепицы прикрывали их своими краями. Выше их в таком же порядке шел второй ряд. Толщина этого типа черепицы 1 см. С нижней стороны у нее подсыпка песка. Пока не встречалось ни одного целого образца черепицы этого типа, и потому длину ее установить не удалось. Ширина нижней черепицы около 32 см, ширина верхней покрывной черепицы около 32 см. К обрешетке крыши черепица крепилась при помощи глиняных выступов, которые были на нижней стороне верхнего края черепицы. Черепица эта шла на перекрытие плоских крыш. Дата ее, судя по качеству обжига и характеру ложения, не выходит за пределы XVII в. Встреченные обломки относятся ко второй половине столетия. Черепица изготавливалась от руки. Большая серия обломков такой черепицы собрана в Зарядье, несколько обломков найдено на Яузской слободе.

Производство чернотенной черепицы в Москве было сосредоточено в основном на территории Яузской гончарной слободы. В документе 1631 г. говорится о приказе расписать горы недоимки в срочном порядке изготовить в них чернотенное покрытие повари кормового двorca, строившейся в это время²⁶. Не исключено, что речь здесь идет о производстве чернотенной черепицы. По технологии изготовления московскую чернотенную черепицу можно разбить на две группы: черепица досковидная толстостенная и тонкостенная.

Бели тесто толстостенной черепицы грубое и сходно с тестом кирпичя, то черепица тонкостенная имеет тест горшечного типа, более тонкое, почти без примесей. Думается, что производством толстостенной черепицы занимались гончары-черепичники, обладавшие специальными формами. Черепицу тонкостенную делали обычные гончары-горшечники.

Кроме чернотенной черепицы разных типов, в той же технике в XV—XVII вв. изготавливались и другие строительные детали. Часто при раскопках и на памятниках архитектуры встречаются массивные чернотенные водометы. В сечении имеют вид прямоугольного заложеного желоба, наружная поверхность его мореная. Ширина желоба около 17 см, длина 35—50 см и высота 5 см. Толщина дна и боковых стенок 2—3 см. На наружной стороне их часто встречаются следы извести. Нижний край такого водомета обычно сужен до 12—14 см. Известны случаи, когда из водомета делалось покрытие ограниченных участков крыши. Другой разновидностью чернотенных водометов являются водометы, в сечении имеющие вид буквы «П» с широкой верхней перекладкой. Они также иногда употреблялись для покрытия участков крыши. Обломки такого водомета найдены при раскопках в Зарядье. Целый экземпляр черепицы хранится в музее-усадьбе Коломенское. Ложение на нем по внутренней поверхности канала. В Зарядье найден мореный водомет в виде желоба прямоугольного сечения. Один конец его расширен, другой сужен, длина 32 см, высота около 5 см, ширина узкого конца 10 см, ширина широкого конца около 15 см. На внутреннем канале следы извести. Из них можно было составить линию водосбора, вкладываемые водометы один в другой узким концом в широкий. Дата этих водометов XVI—XVII вв.

В Москве изготавливались и чернотенные прямоугольные облицовочные плитки. Автору известны только одна плитка из раскопок в Зарядье. Нижняя и верхняя части ее утрачены. Ширина плитки 12 см, длина сохранившейся части более 11 см, толщина 1,5 см. Плитка изготовлена в ящичной деревянной форме, на дне которой было вырезано изображение, отнесенное на плитке в виде рельефа. Судя по композиции рисунка, плитка была вытянута в вертикальном направлении, и полная длина ее была приблизительно вдвое больше ширины. Изображен всадник на лошади. Голова и верхняя часть туловища всадника и голова изображены в несохранившейся части плитки. Под коня — на несохранившейся части изображения второго всадника, тоже на коне, с луком в руках. От коня видна только часть головы. Изображение лучника сколото, и сохранилась только складка. Рельеф изображения средней высоты и несколько отличается по характеру и манере выполнения от изображений более статичны. Поверхность плитки и особенно поле между изображениями заложены. Цвет плитки серый. По данным стратиграфии и по характеру исполнения плитки она датируется

²² Работы проводились ЦИИМ. Бригада Л. А. Давыд. Материал хранится в ЦИИМ.

²³ К. И. Горюнова, 1947.

²⁴ М. Г. Рабинович, 1949, стр. 98, рис. 15, 1.

²⁵ Там же, стр. 97, рис. 15, 2.

²⁶ Е. Шмидт, 1914, стр. 57.

XVII в. Обломок сходного вида плитки найден в Кодомино (табл. 14, 20)²⁷.

Разновидности строительных материалов, выполиненных в черепицовой технике, являются различные плитки для полов. Наиболее ранние половые плитки XVI в. квадратные, со стороной 16—16,5—17 см при толщине 5—6 см. Иногда одна из сторон на 0,5 см длиннее другой. Лицевая поверхность плиток плоская и залощена, оборотная сторона плоская или слегка выпуклая. Наряду с полными черепицными плитками квадратной формы известны плитки-половинки — квадрат, разрезанный по диагонали. Наличие таких плиток давало возможность укладывать пол со швами под углом в 45° к стенам помещения. Черепицные плитки при укладке в пол часто комбинировались с белоглиняными и белокаменными. Из них выкладывали пол «в шахмат». Черепицные квадратные плитки найдены в различных районах Москвы. При строительстве Московского метрополитена две черепицные плитки найдены на территории Библиотеки им. В. И. Ленина²⁸. Их размер 17,2×17,2×4,3 см. Плитки из раскопок на Яузском имели формат 16,5×16,5×5,0 см. При раскопках в Зарядье черепицные половые плитки встречаются часто в слоях с середины XVI в. Правда, ни в одном из деревянных жилищ, открытых при раскопках, плиточные полы не встречены. Особенно часто попадаются плитки в вымостах вторичном использовании. Для полов они употреблялись только в монументальных сооружениях. Интересно отметить находку таких плиток в подклете церкви Жён Мироносиц XVI в., где из них и маломерного кирпича был выстлан пол белокаменными черепицными плитками и плитками-половинками найденными в колоде вместе с красными изразцами и керамикой первой половины XVII в. Формат их 17×17×5 см. Плитки эти лощеные с обеих сторон. Плы из черепицных плиток укладывались на песчаную подсыпку. Ни на одной из плиток не встретилось следов раствора.

Плы из черепицных плиток, в особенности выложенные «в шахмат», бытовали и в более позднее время. Подобного типа пол встречается в подклете придела Екатерины церкви св. Анны в Зарядье, где он датируется началом XIX в. Подряде, где он датируется началом XVIII в. В этом полом были погребены и найдены XVIII в. Формат плиток в нем 25×25×3 см. Здесь наряду с подложными мореными плитками употреблялись белоглиняные плитки того же формата. Остатки пола 1815 г., выложенного только из моренных плиток формата 25×25×4 см, были найдены в церкви Покрова на Флягах в 1955 г. Производство белоглиняных плиток в XVI—XVII вв. было, по-видимому, на Яузской гонимой стороне, где они найдены. Массивность их, изготовление в ящичных формах позволяют высказать предположение, что они изготавливались кирпичниками. В XVI—XVII вв. половые плитки,

так же как и большая часть досковидной черепицы, ангобировались под лощение.

Кроме плиток квадратной формы, в Москве в XVII в. изготавливались прямоугольные черепицные плитки. На узких сторонах их имелись выступы в половину толщины плитки, которыми они соединялись в непрерывную ленту. Две целые плитки такого типа найдены в Зарядье. Их размер 25×17×3 см, цвет светло-серый, лощение с обеих сторон. Плитки употреблялись для настлки полов и в качестве черепицы. На одной стороне их не встречается следы известкового раствора. По находке на датированных постройках они относятся к XVII в.

Самыми поздними были моренные половые плитки, представленные несколькими обломками, происходящими из раскопок в Зарядье. Они имеют вид прямоугольника. На оборотной стороне их по краю рант шириной в 3 см. Лощение с наружной стороны. Полные размеры плиток неизвестны. Дата этих обломков — XVII в.²⁹

Конце XVII и начале XVIII в. — время массового распространения мореной керамики. В этой технике делали различные мисочки, плошки (табл. 14, 10, 15, 19). Приведенный перечень типов черепицных сосудов и изделий только примерно дает представление об их многообразии в Москве с конца XV и по начало XVIII в. В дальнейшем он несомненно пополнился новыми, не известными нам изделиями. Подавляющее большинство черепицных московских сосудов и изделий было изготовлено гончарами Яузской гонимой стороны. Эта гонимая сторона была популярна у яузских гончаров в связи с широким распространением в Москве с XV в. белоглиняной керамики, изготовленной в Гжели. Московские гончары, не располагавшие месторождениями белой глины, вынуждены были перейти от производства красноглиняной и краснолещеной керамики к производству ангобированной, имитирующей белоглиняную, и к производству черепицной, трудоемкой, но вместе с тем и красивой керамики, которая могла конкурировать с привозной белоглиняной.

С начала XVII в. большинство московских гончаров оставляет производство посуды и переходит на производство красных, а потом поливных изразцов.

Техника черепицной керамики в Москве несомненно оказала большое влияние на керамические производства других городов Московского государства. Формы черепицных сосудов в этих городах сходны с московскими. Это также способствовало распространению за пределами Москвы сосудов московского типа. В еще большей степени это относится к черепицным строительным деталям. Исчезновение черепицной керамики в Москве происходит с начала XVIII в., в связи с массовым распространением в городе белоглиняной и поливной керамики и стеклянной посуды.

²⁷ Находка хранится в археологическом отделе МОКМ.

²⁸ Е. И. Горюнова, 1947.

²⁹ Они найдены в покрытии XVII в. на церкви Анны в Зарядье. Сообщение автора проекта реставрации Л. А. Давид.

Глава V

БЕЛОГЛИНЯНАЯ КЕРАМИКА

Вопрос о времени появления на Руси керамики из беложгущихся гли не выяснен с достаточной определенностью. Среди керамики домонгольских времен, происходящей из ряда древнерусских городов, всегда имеется определенный процент керамики, изготовленной из светложгущихся гли. Такой керамики больше всего в слоях конца XII — первой половины XIII в. В более раннее время светложгущей керамики на территории Киевской Руси почти нет. Эта керамика обычно имеет не чисто белую окраску, а почти всегда с различными оттенками желтоватого, сероватого и красноватого цвета. Однако на фоне темной массовой керамики этого времени она выделяется достаточно отчетливо. Для нее характерно также и отсутствие грубых примесей в тесте. Особенно хорошо светложгущая керамика выделяется в материалах на крупных древнерусских городах. Она, за редкими исключениями, не встречается в деревенской керамике, более однородной по цвету и изготовленной из глины обычно невысокого качества. Так, среди керамики Киева есть серия сосудов белесого цвета. В Киевском историческом музее хранится большой серия корчаков киевского типа, светлячков киевского типа, большая часть которых светложгущие. Для изготовления сосудов столового назначения гончары употребляли глину с меньшим содержанием окиси железа, чем та, которая шла на изготовление кухонной керамики. Среди тех же коллекций можно выделить лучшего качества горшки и миски (столового назначения), изготовленные из светложгущихся гли. Происходящего из Старой Рязани, можно выделить большую серию сосудов, изготовленных если и не из каолиновой, то из глины, близкой к ней по качеству. И здесь городские гончары в конце XII — первой половине XIII в. постепенно переходили на производство сосудов из беложгущихся гли. Особенно хорошо это прослеживается на таких памятниках, где неподалеку от поселений были залежи каолиновых гли, например в Рязани. Там же, где запасы таких гли были ограниченными или совсем

отсутствовали, гончары употребляли возможно более светложгущиеся глины.

Процесс выделения светложгущихся керамических изделий проходил быстрее в крупных городах с постоянным и устойчивым спросом на более нарядную и дорогую керамику (запасы беложгущихся гли всегда ограничены и обычно залегают не на поверхности). Отсутствие беложгущихся гли в курганных группах, расположенных рядом с городами, говорит о значительной разобщенности рынка в это время, о слабом проникновении городской керамики в окрестные деревни. Процесс появления белоглиняной керамики проходил неравномерно в различных древнерусских городах, что в основном определялось наличием или отсутствием рядом с ними месторождений беложгущихся гли. Так, в одном из крупнейших древнерусских городов — Новгороде, не имевшем поблизости месторождений беложгущихся гли, несмотря на значительное развитие керамического производства, белоглиняная керамика и в более позднее время, когда она имела широкое распространение. Старорязанские гончары, располагавшие месторождениями беложгущихся гли хорошего качества, сумели создать белоглиняные сосуды, а гончары Киева, обладавшие беложгущимися глинами худших сортов, не сумели создать ни одного по-настоящему белоглиняного сосуда. Правда, для производства поливной посуды они имели в ограниченном количестве белую глину лучшего качества, чем та, которая шла на изготовление корчаков и светлячков, но и она уступала каолину. Из-за ее сероватого оттенка поливная изделия киевских гончаров имели мутно-серую окраску.

В Москве в домонгольское время белоглиняная посуда не встречается совсем — на территории города белой глины нет. Ближайшие крупные месторождения белой глины находятся в районе с. Гавель, в 43 км к востоку от города. Село Гавель впервые упоминается в документах XV в.¹ Именно с этими

¹ «Дуговые и догворные грамоты», стр. 211.

Со второй половины XVI в. и до середины XVIII в. в Москве бытуют корчаги яного типа, которые в основном одновременно белоглиняным горшкам с прямым округлым и завернутым внутрь венчиком. Эти корчаги имеют вид больших горшков величиной с диаметром горла, приблизительно равным диаметру дна. Диаметр корчаги максимальный на середине высоты. Высота их обычно меньше максимального диаметра сосуда (табл. 15, 15). Венчик большого диаметра сосуда (табл. 15, 15). Венчик большого диаметра сосуда (табл. 15, 15). Венчик большого диаметра сосуда (табл. 15, 15).

Множество обломков их найдено в Зарядье в 1949—1957 гг. Размер одной из найденных в Зарядье корчаг: высота 30 см, максимальный диаметр 40 см, диаметр горла и дна 24 см. Эти корчаги делались из глины с примесью песка. Для корчаги характерно жёлтого цвета. Как горшки, так и корчаги на наружной поверхности имеют темные пятна и наетки от закаливания. Все корчаги изготовлены на ручном круге. Орнамента на них нет. Все эти сосуды жгельского производства.

Очень распространенной разновидностью белоглиняной керамики являются белоглиняные сковородки, изготовленные на ручном круге из сильно запеченного теста; обычно снаружи и изнутри имеют следы нагара. По форме сковородки очень похожи на чернолощеные и так же, как и последние, обязательно имеют слия (табл. 15, 17, 18), следнее, обязательно имеют слия (табл. 15, 17, 18), следнее, обязательно имеют слия (табл. 15, 17, 18), следнее, обязательно имеют слия (табл. 15, 17, 18).

К позднему времени относятся белоглиняные прямоугольные противни со слиям в одном из углов. Высота их 5—6 см. Они найдены в обломках в Зарядье в слоях начала XVIII в. Сосуды как в Зарядье на ручном круге и подправлены от руки. На дне их подсыпка песка. Тесто грубое, с большим содержанием песка.

Белоглиняные кувшины, так же как горшки и корчаги, — одна из наиболее распространенных разновидностей не только белоглиняной керамики, но и Московской керамики вообще. Наиболее ранние, как правило, отличаются сравнительно небольшими размерами и имеют вытянутые пропорции. По внешнему виду они напоминают красноощепные кувшины второго типа. У них яйцевидное туловое и сравнительно узкое и высокое горло с краем, и сравнительно хорошо выделенный слия. Кувшины эти сравнительно толстостенные и изготовлены на ручном круге. Ручки у кувшинов овальные в сечении, часто с нарезками или наколами в продольном направлении, которые делались для лучшей пропускания воздуха перед обжигом. Кувшины этого типа иногда декорировались волнистым орнаментом досками линейного или волнистого орнамента по верхней части тулова. Высота кувшинов около 24—28 см при максимальном диаметре тулова

12—15 см. Толщина стенок была иногда до 8 мм. На изготовление их шла белая глина хорошего качества без примесей песка. Большая часть таких кувшинов изготовлена гончаром Яузской гончарной слободы, где в ямах с керамическим браком встречается обломки их. Кувшины такого типа бытовали в Москве в XV в. и начале XVI в. Обломки их встретились и при раскопках в Зарядье.

Начиная с XVI в. в Москве получают распространение белоглиняные кувшины более узкопропорционных, с плавным переходом от тучерных пропорций, с широким горловице. Кувшины лова к короткой и широкой горловице. Кувшины лова к короткой и широкой горловице. Кувшины лова к короткой и широкой горловице. Кувшины лова к короткой и широкой горловице.

Со второй половины XVI в. в Москве появляются белоглиняные кувшины с туловом, близким к шабровидному, с максимальным диаметром на половине высоты. Горло у них широкое и короткое (табл. 15, 13). Один такой кувшин найден в Москве в 1955 г. Его высота 24 см, максимальный диаметр 18 см. Ручка этого кувшина овальная в сечении. Большого размера белоглиняные кувшины этого типа — частая находка в колодцах начала XVII в. Они примерно тех же пропорций, что и маломерные кувшины. Характерной особенностью ранних разновидностей кувшинов этого типа является орнамент из отпечатков зубчатого колесика, нанесенный в виде одинарной поточки колесика, нанесенный в виде одинарной поточки колесика, нанесенный в виде одинарной поточки колесика, нанесенный в виде одинарной поточки колесика.

Кувшины второй половины XVII — первой половины XVIII в. по форме существенно не отличаются от кувшинов первой половины XVII в. Для них также типичен орнамент, нанесенный зубчатой колесиком по середине высоты тулова сосуда и по середине горла его, но в это время орнамент наносится не прямо на стенки кувшина, а на невысокие валики, проходящие по средине его тулова и горла. Много кувшинов этого типа найдено при раскопках

в Зарядье (табл. 15, 20). Они встретились и при наблюдениях в разных районах города. В церкви Рождества на Путинках (1657—1659 гг.) в Москве такие кувшины были голенищами. Все кувшины этого типа изготовлены на ручном круге, что еще раз подтверждает их жгельское происхождение (в Москве в это время сосуды изготовлялись на ножном круге). Ручки кувшинов двух последних типов овальные в сечении, и на них часто встречаются разрезы и наколы. Эти кувшины обычно «закаливались» — на их поверхности бурные пятна и наетки.

Сравнение состава керамики XVI—XVII вв. Москвы и других городов Московского государства показывает, что ни в одном из них нет количественного преобладания белоглиняной керамики над керамикой, изготовленной в другой технике, как это было в Москве. В Суздале, где проведены большие раскопки, белоглиняной керамики совсем мало. Почти нет ее во Владимире, Ярославле, Новгороде. Зато в этих городах хорошо известна поздня красноглиняная керамика.

Поздняя белоглиняная керамика XVIII в. имеет несколько разновидностей: белоглиняная поддона, белолощенная и белоглиняная с красной росписью. В Москве получает она распространение с середины XVIII в. В слое ее немного, хотя в процентном отношении она все же преобладает. Среди поздне белоглиняной керамики при раскопках в Зарядье найдено много кружек и чарок, есть светильники, подсвечники.

Белоглиняные кружки-сосуды с туловом в виде усеченного конуса, с разложистой верхней частью, с простым обрезом. У сосудов этого типа (табл. 15, 12) бывают небольшие поддоны. Кружки изготовлены из глины без примесей или с примесью песка, имеющей желтоватый или сероватый тон. Они толстостенны и сделаны на ножном круге. Высота кружек 12—14 см, максимальный диаметр по обрзу горловины 11—12 см. Встречаются чарочки того же типа, что и кружки, выполненные в той же технике и из тех же сортов глин, но они высотой 6—10 см. Некоторые из них снаружи имеют неширокие лощенки.

При раскопках постоянно находят и белоглиняные светильники. Это широкие открытые миски на небольшом стоке. От верхнего края миски отходит трубочка для фитиля, край которой иногда сверху вырезан на одну четверть (табл. 16, 2, 3). Найдены и поддонные белоглиняные светильники этого типа. Среди белоглиняных светильников встречаются и поддонные экземпляры. Сосуды сделаны на ножном круге. Носик и прилегающая к нему часть края светильника обычно заочлены. Размеры белоглиняных светильников различны. Есть сосудики высотой 6—12 см при диаметре 13—21 см. В это время встречаются также белоглиняные сосуды с конусовидным туловом, отложным краем

и трубчатой, расширяющейся к концу ручкой. По форме они, с одной стороны, напоминают чернолощенные настрельки конца XVII в., но выше их, с другой — полевые миски с ручками того же времени (табл. 16, 5). В белолощенной технике (табл. 15, 9; 16, 7), чарочки, раздвальные и пр. Они изготовлялись небольшими партиями и имели ограниченное распространение. Поверхность их кроме лощенки украшена отпечатками разнообразных штампов. Сосудики эти изготовлены из белой глины хорошего качества, формованы на ножном круге. Дата их — конец XVIII в. Встречаются выполненные в той же технике горшки, кружки. Все они сделаны из хорошей белой глины (табл. 16, 4).

Белоглиняные подсвечники часты в слое XVIII в. Все они однотипны. У них средней высоты керамический стержень («стойлище»), в верхней части которого гнездо для свечи («трубка»), отделенное дисковидным воротничком, который мешал воску или салу свечи затекать на стержень. Стержень переходом конической формы соединен с «поддоном». Высота белоглиняных подсвечников (табл. 16, 6—16) 10—13 см, диаметр блюдечка 9—13 см, диаметр стержня 15—20 мм, диаметр гнезда 15—20 мм (а обложку около 18 мм). В гнезде одного из подсвечников, найденных при раскопках на Нусе, сохранился остаток восковой свечи, у другого в гнезде сбоку дыра для извлечения остатков свечи. Белоглиняные подсвечники делались на ножном круге из глины хорошего качества, без примесей. Сначала на круге изготовлялся цилиндр, из которого при осаживании превращался в блюдечко (поддон). В средней части цилиндр обжимался до стержня. При этом происходило его перекучивание. Внутри оставался небольшой канал с витомобразно расположенными каннелюрами. Он был нужен для равномерного просушивания изделия перед обжигом. В последнюю очередь формировался воротничок и гнездо для свечи. По способу обработки поверхности подсвечники можно разделить на белоглиняные и необработанные поверхности, на поддонные и на подсвечники, часть которых, а иногда и стояк расписаны красной краской (табл. 16, 30—32). Если подсвечники первых двух типов можно отнести к XVIII в., то расписанные датированы к XIX в. Много обломков подсвечников найдено при наблюдениях и раскопках на Нусе.

Самой поздней разновидностью Московской белоглиняной керамики XVIII—XIX вв. являются сосуды и изделия, найденные вместе с монетами, расписанные красной краской. Встречены кувшины, верхняя часть горла которых расписана красной краской, белоглиняные горшки с полоской красного цвета под венчиком (табл. 16, 17, 26), белоглиняные расписанные красной краской игрушки (табл. 16, 18—25, 27—29, 33).

А. В. Ариховский, 1936, стр. 133—138.

Глава VI ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА

Поливная керамика — одна из слабоизученных групп московской керамики. Она относительно редко встречается в ранних горизонтах культурного слоя Москвы. Обычно ее массовое появление относится к позднему времени — XVII в.¹ Трудность изучения поливной керамики заключалась в незначительности материала и отсутствии хорошо датированных групп ее, в результате чего многие из встреченных находок относились обычно к позднему времени. Только за последние годы удалось выявить много типов ранних московских поливных сосудов.

Знакомство русских гончаров с техникой поливы относится к XI в. Центр изготовления поливной керамики в домонгольское время на Руси находился, по-видимому, в Киеве, где она в слоях домонгольского времени хорошо известна. Поливная керамика XII—XIII вв. найдена и в других древнерусских городах — Чернигове, Рязани, Новгороде, Смоленске, Белгороде и др. Однако ее немного, так как стоимость поливных сосудов была высокой. Наиболее распространенными среди поливных сосудов домонгольского времени были кувшины, горшки и миски. Они имеют характерные признаки и отличаются от поздней поливной керамики по тесту, форме и технике оформления изделий. Поливные кувшины того времени имели светло-серое тесто слоистой консистенции. Они хорошо прокалены и формованы на ручном круге. Форма их довольно типична: шаровидное тулово, высокое и относительно широкое горло, ручки овальные в сечении. Поверхность часто украшалась орнаментом под поливу в виде плетеньки. Обломки сосудов с таким орнаментом найдены в Киеве, Чернигове, Белгороде, Старой Рязани, Новгороде и других местах. Полива для покрытия керамики на Руси в домонгольское время была прозрачной. Она изготовлена на основе окислов свинца. Кроме кувшинов и горшков, поливной керамики были и другие типы сосудов — тарелки, миски, блюда. Производство поливной керамики

в южных древнерусских городах прекращается с татарским нашествием и повсеместным разгромом ремесленных и торговых центров Древней Руси. Наряду с поливной керамикой в X—XIII вв. в гораздо меньших количествах есть и изделия, в покрытие «глухой» поливой, изготовленной на основе окислов олова. Эти изделия преимущественно киевского и, может быть, черниговского производства.

В Москве в слоях XII—XIII вв. нет керамики, которую с уверенностью можно было бы отнести к поливной. Производство поливной керамики в Новгородских землях, не подвергшихся татарскому разгрому, продолжалось и позднее. Так, при раскопках на Славне в Новгороде в 1932 г. исследована усадьба игрушечника-керамиста XIII—XIV вв., изготовлявшего поливных птичек². Найденные в избе игрушечника птички полые внутри и покрыты полупрозрачной свинцовой поливой желтого цвета. Из найденных пяти игрушек-птичек некоторые являются производственным браком.

Появление местной поливной керамики в Москве может быть отнесено к концу XV в., именно в слоях этого времени появляются поливные сосуды московского производства. До этого времени зажиточные горожане получали ее за счет импорта с Востока.

Все ранняя московская поливная керамика имела светлоглиняное тесто (серое). После формовки и до покрытия поливой сосуды обсыпались мелким песком для укрепления поверхности. В тесте черепка примеси песка нет. Полива полупрозрачная, свинцовая, желтого, зеленого, реже коричневого цвета. Качество ее было невысоким, и поэтому, а также благодаря видимому сквозу поливу цвету черепка сосуды имели бурый оттенок. На некоторых сосудах встречается полива с металлическим отблеском.

В XVI в. появляется посуда московского производства из красножгущейся глины, покрытая под поливу белым ангобом. На его фоне полупрозрач-

ная полива казалась более чистой. В течение XVI и XVII вв. в Москве поливные изделия изготавливались в этих двух техниках. Поливные сосуды в XVI—XVII вв. все формованы на ручном круге. Техника приготовления поливы нами не рассматривается, ибо она хорошо известна по этнографическим данным. В XV—XVII вв. она, по-видимому, не отличалась от техники изготовления поливы гончарами XIX в.³

Ныне только для части поливных изделий мы можем указать место, где они изготавливались, — это Яузская слобода. Вероятно, и остальные поливные изделия изготавливались здесь же, однако остатков производства многих типов поливных сосудов мы не обнаружили. Поливная керамика в Москве была столовой. Многие поливные изделия имели специальное назначение: флаги, чернильницы, погребальные сосуды. С 30-х годов XVII в. в Москве появляются поливные изразцы.

Ранней группой московской поливной керамики были небольшие размера сосуды, находимые при раскопках московских кладбищ XV—XVI вв. или в горизонтах культурного слоя города, содержащих остатки разрушенных погребений. Это поливные чашечки, которые ставились в гроб в головы погребенного. В них сливалось масло, оставшееся после соборования умирающего. Такой обычай известен в Москве в конце XVI в., в других областях он дожил до XX в. (в этих случаях ставили фарфоровые и стеклянные стаканчики). Наиболее ранние поливные сосуды из погребений датируются концом XV в.

Сосуды подобного типа были в белокаменных саркофагах, обнаруженных в 1836 г. в Москве под полом притвора церкви Спаса на Бору⁴. Чашечки здесь стояли в ногах погребенных. Считается, что в одной из гробниц был погребен сын Дмитрия Донского Иван (1393 г.), в другой — жена Симеона Гордого Мария (1399 г.). Действительно, саркофаги эти должны быть датированы XIV в. Чашечки поставлены в могилы во времена их раскопки в 1684 г. Они белоглиняные, небольших размеров и типичны для погребальных сосудов именно этого времени. Большая серия их найдена на кладбище при церкви Жён Мироносиц. В погребениях XVII в. таких сосудов нет. М. Г. Рабинович отмечает подобные сосуды в погребениях, перекрытых ненарушенным строением 1684 г. при его раскопках на Яузе⁵.

Сосуды этого типа по тесту, форме и размеру разделяются на пять групп.

1. Поливные сосуды из белой глины в виде небольших чашечек конической формы со слегка разложистым краем. Внизу небольшой кольцевой поддон. Поверхность снаружи и изнутри покрыта желтой или зеленой поливой, иногда ластированной. Почти все они происходят из погребений конца XV—XVI в., у церкви Жён Мироносиц в Зарядье.

Несколько сосудов такого типа есть из раскопок на Яузе в 1946 г.⁶ Один сосудик найден при реставрационных работах у церкви Николая на Берсеневке⁷. Высота сосудов обычно 2,7—4 см, максимальный диаметр по обрзу 4—5 см. Сосудики тонкостенные и изготовлены на ручном круге (табл. 17, 11, 19, 20).

2. Сосудики из белой глины, по форме сходные с первой группой, но несколько крупнее и в нижней части тулова имеют один или два валика, усложняющие профилировку (табл. 17, 1, 2, 7, 8, 10, 12, 17, 18). Несколько таких сосудиков найдено в Зарядье⁸. Датировать они так же, как сосудики первой группы.

3. Сосудики, сходные по форме с сосудиками второй группы, но изготовленные из красножгущейся глины. Под поливой слой белого ангоба. Размеры сосудов крупные: высота около 6 см, максимальный диаметр 10 см. Точно датировать трудно, так как единственный известный нам сосудик обнаружен среди беспаспортных коллекций Музея антропологии МГУ⁹. Он, по-видимому, происходит из Москвы и по технике изготовления может быть датирован XVI в.

4. Красноглиняные сосудики, также антропированные под поливу, но по сравнению с сосудиками третьей группы имеющие еще большие размеры: высота 7—8 см, максимальный диаметр 10—13,5 см. Они также имеют вид разложистых чашечек с коническим туловом и кольцевым поддоном. Снаружи сосудики этого типа имеют характерную волнистую поверхность. Покрыты обычно зеленой поливой, реже желто-коричневой. Они найдены в большом числе в Зарядье в погребениях конца XV — начала XVI в.¹⁰ (табл. 17, 3—5, 9, 13—16). Много их встречено в виде обломков и вне погребения, что говорит об их принадлежности к более ранним погребениям, разрушенным при устройстве более поздних могил.

5. В этой группе только один сосудик, напоминающий по форме современную поливу (табл. 17, 6). У него кольцевой поддон. Он изготовлен из красной глины и антропирован под зеленую поливу. Сосуд найден в Зарядье у церкви Жён Мироносиц, вне погребения¹¹. Дата его, очевидно, XVI в.

Все рассмотренные сосудики принадлежат к наиболее ранним разновидностям московской поливной керамики. По форме погребальные поливные сосуды похожи на деревянные точеные кубки-чарки, встреченные при раскопках в городе в слоях того же времени. В Новгороде в слоях XIV—XV вв.¹² обнаружена большая серия деревянных сосудов, совпадающих по форме с московскими поливными.

¹ Раскопки М. Г. Рабиновича. Хранятся в МИРМ.

² Найдены при реставрационных работах в 1962 г.

³ Настоящее хранение материала неизвестно.

⁴ Большая часть их найдена на раскопе 10 на погосте при церкви Жён Мироносиц.

⁵ Учебная коллекция Музея антропологии МГУ.

⁶ Большинство происходит из погребений на погосте при церкви Жён Мироносиц. Раскол 10.

⁷ Раскол 10. А. Ф. Дубынина, 1960, стр. 64—78.

⁸ Б. А. Колчин, 1964, стр. 18.

¹ Ю. А. Самарин, 1929, стр. 22—24.

² К. С. Солднер, 1910, табл. 107.

³ М. Г. Рабинович, 1949, стр. 66.

¹ М. В. Воеводский, 1936, стр. 168—171; М. Г. Рабинович, 1949, стр. 66.

² А. В. Арциховский, 1948, стр. 131—132.

Поллинные флаги встречаются в основном в виде обломков в слое XVI—XVII вв. Можно выделить три разновидности их.

В первую группу входят сосуды с дисковидным туловом, напоминающие чернотонные флаги XVII в. При раскопках в Зарядье найдены два обломка таких белоглиняных флагов с зеленой поливой. Диаметр их 16—20 см. Поверхность флагов под поливой иногда украшалась линейным орнаментом. Флаги ставились на четыре ножки в виде напольных дугами и короткие горлышки с раструбом. Флаги по месту находки их в слое и по аналогам в форме с чернотонными относятся к XVI—XVII вв.

К тому же времени относятся флаги с дисковидным туловом, поставленным на овальный в плане поддон. Обломки их встречаются в Зарядье. Они белоглиняные и покрыты зеленой поливой. Целая белоглиняная ваза этого типа найдена в Новгороде в 1955 г. в слое XVII в.¹² Другая ваза (горлышко утрачено), близкая по форме к московским, была приобретена А. А. Бобринским в 1903 г. в Харьковской губернии¹³. Она также может быть датирована XVII в. Интересно сходство в форме поллиных московских флагов этого типа со стеклянной флягой конца XVII в. (датирована по кладу), хранящейся в отделе нумизматики ГИМ¹⁴. У флагов дисковидное тулово и овальный поддон, ручек нет. Одну из разновидностей представляют флаги с двумя ребрами по окружности тулова. Два обломка их найдены в Зарядье. По форме сосуды похожи на чернотонные. Они на овальном поддоне и изготовлены из белой глины, а снаружи покрыты зеленой поливой. На дисках их спиральный орнамент. Судя по положению в слое и аналогам в форме с чернотонными флягами, найденные обломки флагов этого типа должны быть датированы концом XVI — началом XVII в.

Наиболее распространенными среди московских флагов были флаги с туловом в виде цилиндра небольшой высоты, поставленного на бок. Они формировались из белой глины, а чаще из красной ангобированной. Снаружи на них полупрозрачная полива зеленого, желтого и редко коричневого цвета. В нижней части — четыре ножки в виде выступов, по сторонам флаги — две ручки-напольные со сквозными каналами диаметром в 0,5 см. У флагов узкие и короткие горлышки диаметром около 1 см с раструбом. Лицевые круглые стенки без орнамента (табл. 18, 3) или украшены разнообразными рельефными изображениями и орнаментами, сходными с представленными на красных и зеленых изделиях XVII в. Корпус изготовлялся на ручном круге, на котором изображением сверху укреплялась резная форма. Сначала изготовлялась одна стенка флаги и боковая часть корпуса. К цилиндрической корочке приделывалась другая круглая стенка, предварительно отгнущая в той же форме. Среди

изображений на поллиных флягах этого типа чаще всего встречаются орлы, реже другие птицы, семиголовый зверь, розетки (табл. 18, 1, 2, 4—9). Боковая поверхность поллиных флагов и горлышко украшалось под поливу отпечатками зубчатого колесика в виде дорожек шириной в 5—7 мм. Размеры флагов определены: самые крупные диаметром 15 см при толщине 7,5 см, самые маленькие диаметром 10 см при толщине 5 см. Обломки таких флагов встречаются при толщине 5 см. Обломки неорнаментированная ваза найдена при наблюдениях в 1954 г.¹⁵ Ее диаметр 15 см, толщина 5,5 см. Она красноглиняная и покрыта по ангобу зеленой поливой. Горлышко флаги обито, и остатки его подточены. В 1955 г. там же был найден кусок белоглиняной зеленой поливной фляги, на боковых сторонах которой изображена шестилепестковая розетка. Одна из поллиных флагов происходит с территории лагеря Язедимитрия в Тушино (1608—1609 гг.)¹⁷. Поллиные флаги изготовлялись, по-видимому, и в других городах. Обломок поллиной фляги сходного типа кумганов XVIII в. Горло обычно, как и на более ранних кумганах, украшено напольными валиками с насечками или отпечатками зубчатого колесика. На тулове кумганов этого типа (табл. 17, 22, 23, 29) орнамент в виде косой сетки и отпечатков штампов, шестилепестковая розетка. Некоторые поллиные кумганы имели напольные орнаментированные валики не только по горлу, но и по тулову. У кумганов овальные в сечении ручки. Часть сосудов изготовлена на ножном круге. Полива покрывает не только наружную поверхность, но частично и внутреннюю как затек через воронкообразную горловину. Это говорит о том, что при обжиге сосуды ставились в горн на дно. Кумганы этого типа обычно покрыты зеленой и реже коричневой поливой. Почти полный кумган начала XVIII в. найден в Зарядье в 1953 г. Обломки подобного кумгана найдены в 1955 г. в заполнении подвала церкви Жен Мироносиц в слое конца XVII в.

Поллиные белоглиняные бочонки встречаются в Москве редко и только в обломках. Они бытовали в конце XVII — начале XVIII в. Бочонки были покрыты снаружи зеленой поливой и имели вид цилиндра с расширенной средней частью. Судя по фрагментам, бочонки были диаметром 8—9 см, максимальная длина 18—24 см. Для установки на плоскость стола они имели четыре ножки-выступы, расположенные ближе к центральной части сосуда. Торповые части бочонка орнаментировались. На одном обломке торповой части видна расположенная в центре рельефная многолучевая звездочка. Очевидно, дно сосуда отгнущивалось в форме. Краевая часть боковой поверхности бочонка украшена продольными канелюрами (табл. 17, 30, 31, 35). Сосуды типа бочонков употреблялись для подачи напитков на стол. По всей вероятности, кроме поллиных сосудов указанных размеров были и большие.

Кумганы — одна из наиболее изящных разновидностей поливной керамики. Наиболее ранние в виде обломков встречаются в Зарядье в слоях начала XVI в.¹⁸ У них грушевидное тулово, сравнительно узкое и высокое горло, кончающееся наверху раструбом, овальная в сечении ручка и длинный носик, соединившийся с горлом глиняной перемычкой, в которой было одно или несколько сквозных отверстий. По форме поллиные кумганы отличаются от одновременных им ангобированных расписных и чернотонных кумганов XVI в. Судя по облом-

кам, высота их была 18—20 см при максимальном диаметре 12—15 см. Они изготовлены из белой и красноглиняной ангобированной глины, покрытой снаружи светло-зеленой поливой с сероватым оттенком из-за плохого ее качества. Под поливу на некоторых сосудах есть подсыпка песка. Особенностью ранних кумганов является их орнамент. Поверхность тулова под поливой украшена процерченными линиями, насечками, рельефными розетками, «слочками» и напольными орнаментированными валиками. Большая часть этих узоров отгнута в форме, приложенной к поверхности сосуда. Есть процерченный орнамент, имитирующий штампованный. Даты их XVI—XVIII вв. В конце XVII в. и первой половине XVIII в. в Москве получают распространение кумганы с туловом шаровидно-уплощенной формы на небольшом поддоне и с узким горлом диаметром 3 см. Верхняя часть горловины расширена на цилиндрическую воронку, соединенную коническим основанием с горловиной. Такая форма горла характерна для кумганов XVIII в. Горло обычно, как и на более ранних кумганах, украшено напольными валиками с насечками или отпечатками зубчатого колесика. На тулове кумганов этого типа (табл. 17, 22, 23, 29) орнамент в виде косой сетки и отпечатков штампов, шестилепестковая розетка. Некоторые поллиные кумганы имели напольные орнаментированные валики не только по горлу, но и по тулову. У кумганов овальные в сечении ручки. Часть сосудов изготовлена на ножном круге. Полива покрывает не только наружную поверхность, но частично и внутреннюю как затек через воронкообразную горловину. Это говорит о том, что при обжиге сосуды ставились в горн на дно. Кумганы этого типа обычно покрыты зеленой и реже коричневой поливой. Почти полный кумган начала XVIII в. найден в Зарядье в 1953 г. Обломки подобного кумгана найдены в 1955 г. в заполнении подвала церкви Жен Мироносиц в слое конца XVII в.

Поллиные илане кастрыльки с ручками постоянно встречаются в горизонтах XVII—XVIII вв. Форма их устойчива и в течение длительного времени не претерпела особых изменений. Кастрыльки имеют тулово в виде низкого отогнутой до горизонтального положения венчика, край которого по верху и низу имеет две грани. Высота сосудов 6—6,5 см, диаметр 15 см, диаметр дна 7,5—10 см. Кастрыльки имели ручку, прикрепленную к венчику, трубчатую или пластичную (более распространенная). Боковая поверхность сосудов на середине высоты тулова обычно украшена несколькими витками линейного орнамента. По верху венчика также одна-две полоски линейного орнамента, между ними отпечатки штампа в виде розетки. Пластичные ручки кастрылек в плане имеют вид круга с небольшим утолщением в месте прикрепления к тулову. Иногда в части ручки, противоположной месту прикрепления, имеется небольшой заостренный выступ. На верхней плоскости таких ручек бывает процер-

ченный орнамент, на других — орнамент, отгнущий в форме, по стилю изображений сходный с орнаментами на зеленых изделиях середины XVII в. Трубчатые ручки кастрылек имеют вид полого конуса, прикрепленного вершиной к венчику кастрыльки и сдвинутого в вертикальном направлении так, что в сечении имеет вид овала. Поллиные кастрыльки с ручками, как и чернотонные кастрыльки XVI—XVIII вв., использовались для подогревания пищи. По сравнению с аналогичными более ранними чернотонными поллиными кастрыльками с ручками более просты и устойчивы, дно их большей площади.

Поллиные белоглиняные кувшины — одна из широко распространенных разновидностей керамики, постоянно упоминающейся в документах XVII в., но плохо представленной в материале из раскопок. Обломков кувшинов много, но ни одного целого сосуда из них составить не удалось. Судя по обломкам, наиболее ранние кувшины были покрыты зеленой поливой снаружи и изнутри. Тулово их яйцевидное, горловина широкая, со сливом. Часто поллиные кувшины XVII в. имели небольшую ручку. Тулово в верхней части покрыто линейным орнаментом. У них овальная в сечении ручка. Почти полный кувшин найден в подклети церкви Жен Мироносиц в слое конца XVII в.; высота его 18 см, максимальный диаметр 8 см. Есть обломки и более крупных кувшинов. Судя по документам, кувшины были стандартной емкости. «Кувшины», «полукувшин» — меры емкости жидкости XVII в.

Кроме кувшинов XVII в., известны только совсем поздние поллиные кувшины середины — конца XVIII в. Они красноглиняные, с туловом дисковидной формы. Полива коричневая непрозрачная, внутри сосуда. Кувшины изготовлены на ножном круге. Несколько их найдено при наблюдениях в городе¹⁹.

Поллиные белоглиняные горшки редко встречаются при раскопках, хотя в документах XVI—XVII вв. о них говорится часто, а в расходных книгах того времени они упоминаются постоянно. Обломки их, найденные в Кремле и Зарядье, свидетельствуют, что более распространенными были горшочки высотой 6—8 см, с максимальным диаметром 8—10 см в верхней трети сосуда. Тулово было с крутыми плечиками и конусовидной нижней частью. Венчики короткие, простые, слегка отогнутые. В верхней части сосудов линейный орнамент, нанесенный под поливу, реже — полоса отпечатков косого поставленного мелкозубчатого требчатого штампа; в конце XVII в. появляются орнаменты из шестилепестковых розеток. Сосуды изготовлены на ручном круге. В документах XVI—XVII вв. поллиные горшки называются «целинными». Документы говорят о заказах на «целинные горшочки», которые делались для царя Алексея Михайловича мастерами Дуской гонимой свободы²⁰. Другие документы рассказыва-

¹² Участок 1.
¹³ ГИМ. Отдел керамики. Коллекция Политковской.

¹⁴ Раскопки Н. Ф. Калинин.

¹⁵ Участок 5, разные годы; участок 9.

¹⁷ Н—53, кв. 645.

¹⁸ Н. Д. Мещ, 1949, стр. 113.

¹⁹ А. А. Бобринский, 1905, стр. 38.

²⁰ Хранятся в МИРМ. Материал из наблюдений.

²¹ Е. Шмидт, 1914, стр. 64.

«Строельные» книги и записи сохранили сведения о множестве зданий XVII в., сооружавшихся с кирпичами из поливной черепицы. Вся московская поливная черепица досковидная, одинарные: для покрытия одной крыши шла черепица только одного типа. По форме она сходна с чернооленной. Широко распространенной в Москве была поливная черепица в виде прямоугольной глиняной доски с нижним скругленным концом. Черепица формировалась в ящичной форме, нижний край ее обрезался пожом. Найден образцы такой черепицы, различающиеся размерами доски. При реставрации церкви св. Анны в Зарядье обнаружена белоглиняная с зеленой поливой черепица со скругленным нижним концом. Длина ее 26,5 см, ширина 12 см и толщина 1,5 см. В верхней части доски два отверстия для гвоздей. Покрытие датируется XVII в.³² Обломок зеленой поливной черепицы (нижняя часть) найден в Зарядье. Ширина его около 13,5 см, толщина 1,5 см. Фрагмент датируется второй половиной XVII в.³³

Другой разновидностью московской поливной черепицы была черепица городчатая, с нижним краем в виде трехступенчатого горбика. Она тоже формировалась в ящичной форме, городчатый конец вырезался ножом. Среди нее есть разновидности для перекрытия не только плоских крыш, но и шатров. Образцов такой черепицы много. В Москве в Зарядье она неоднократно встречалась неподалеку от церкви Николая Морского и в северо-западной части Зарядья. Однако поливной городчатой черепицы много меньше, чем городчатой чернооленной. Остатки городчатой поливной черепицы найдены на церкви св. Антония в Москве³⁴. Там была как городчатая черепица для покрытия глав, так и черепица для плоской крыши. Городчатая черепица для покрытия главы имела суженный верхний край. Ее размеры: ширина по верху 7,4 см, максимальная ширина 13 см, длина 24,5 см, толщина 1,5 см. Она из красной глины, ангобирована и с зеленой поливой; датируется началом XVII в. Другого типа городчатая черепица тоже слегка сужена сверху, ее ширина по верху 10 см, максимальная 11,5 см, длина по верху 13 см, толщина 0,7 см. Черепица эта датируется концом XVII в. К концу XVII в. относится поливная городчатая черепица с прямоугольной доской и городками в нижней части, найденная на церкви св. Анны в Зарядье³⁵. Размер ее 10,8×23,5 см, толщина 0,8 см.

Раскопками на Яузе обнаружен фрагмент белоглиняной черепицы с зеленой поливой у церкви Никиты³⁶. Ширина черепицы около 11 см, толщина 0,7 см. При раскопках в Александровском саду³⁷ найден обломок городчатой белоглиняной черепицы шириной около 11,5 см и толщиной 0,7 см. В Зарядье встретился обломок красноглиняной ан-

гобированной городчатой черепицы шириной 12,5 см и толщиной 1,5 см. Его дата — вторая половина XVI — начало XVII в. В покрытиях Покровского Пасеяна монастыря в Угличе есть городчатая черепица с суженным верхним концом³⁸. Максимальная ширина ее 12,5 см, длина 22 см и толщина 1,5 см. Черепица из красной ангобированной глины, полива зеленая. При исследовании покрытий Успенского на Городке собора в Звенигороде собрана серия черепицы, среди которой были и ранние образцы. Там найдена поливная городчатая черепица толщиной в 1,4—2 см, красноглиняная ангобированная, покрытая поливой гризю-зеленого цвета. Одна разновидность ее предназначалась для покрытия плоских крыш. Ее размер 22,5×10,6 см. Центральный зуб ее был массивным, со скругленными углами. Другой образец, выполненный в той же технике, имеет городчатый край, но доска черепицы сужена в верхней части: при максимальной ширине черепицы 13,5 см верхний обрез ее был 8 см; длина черепицы 22,8 см. Последние виды черепицы относятся к концу XVI в.³⁹

Третий тип черепицы наименее распространен. Это черепица в виде высокого равнобедренного треугольника со срезанным верхним углом. Она есть среди коллекций Владимирского музея и происходит из Суздаля. Черепица из белой глины с зеленой поливой. Длина ее 19 см, ширина по верху 3,2 см, по низу 9,5 см, толщина 0,7 мм. В верхней части доски дыра для гвоздя. Черепица эта шла на покрытие шатровых крыш. По толщине черепица датируется концом XVII — началом XVIII в.

Черепица четвертого типа также досковидная, представлена обломком, найденным в Зарядье в слое XVII в. Нижний край ее заострен. Ширина черепицы 11,5 см, длина полностью не сохранилась, толщина 2,5 см. Глина белая, полива зеленая. Полный экземпляр черепицы этого типа найден в покрытии церкви св. Анны в Зарядье. Она сужена сверху, длина 28 см, максимальная ширина 12 см и ширина верхнего конца 11 см, высота свисающего угла 7 см, толщина 0,8 см. Дата — вторая половина XVII в.⁴⁰ Глина черепицы белая, полива желто-коричневая.

Образец черепицы из музея Троице-Сергиевской лавры имеет вид ромба со срезанными острыми углами и слегка отогнутыми боковыми сторонами. В центре отверстие для гвоздя. Длина черепицы 14 см, максимальная ширина 9 см, толщина около 1 см. Назначение ее неясно. Черепица изготовлена из белой глины с зеленой поливой темных тонов типа полив конца XVII в.

Более ранняя черепица конца XVI — начала XVII в. отличается значительной толщиной. Черепица середины — конца XVII в. более тонкая. Ее толщина обычно не более 1 см. Производство поливной черепицы имеет больше сходства

с производством кирпича или изразцов, чем с производством бытовой керамики. Изготовлением черепицы на Яузской слободке занимались специальные мастера, располагавшие не только горнами, рассчитанными на высокую температуру, но и запасом форм для черепицы, оборудованном для производства поливы.

В той же поливной технике в XVII—XVIII вв. изготовлялись и другие строительные детали — плитки для полов (табл. 18, 11), керамические трубы и др. Одна такая труба найдена в Зарядье в слое XVII в. Она красноглиняная и под зеленой водсто поливных труб утолщается. В Зарядье найдено несколько звеньев трубы небольших размеров, встречены и трубы, прямоугольные в сечении. Трубы изготовлены из кремевой глины, внутри покрыты светло-зеленой поливой и использовались как дымоходы в XVII в.

Особую категорию поливных изделий в Москве образуют помадные банки. Это тара для помидов, беляд, румян и других туалетных мазей конца XVII—XVIII в. Помадные банки встречаются часто при раскопках, особенно много их собрано при наблюдениях за строительными работами⁴¹. В музеях Москвы сейчас их несколько сот штук. Ранние помадные банки все сходной формы: туловом их цилиндрическое, наверху небольшой отогнутый венчик-край, отделяющийся от тулова небольшим желобком. В верхней части банки, внутри нее, небольшое углубление с округлым дном, которое и служило для мазей. Днища банок плоские (это реже) или с небольшим углублением. По краю дна небольшой кольцевой поддон с кольцевой канавкой с наружной стороны, такой же, как под венчиком. Помадные банки, как правило, изготовлялись из белой или кремевой глины, редко из красножгущихся глин. Громадные банки формировались на ножном круге с применением шаблона, дававшего возможность изготовить изделия, одинаковые по размерам и форме. Стенки банок массивные. Поверхность помадных банок с двух сторон покрывалась непрозрачной поливой, изготовленной на основе окислов олова. Снаружи полива была цветная, внутри — белая. Полива на банках различного цвета: голубая, синяя, коричневая, темно-коричневая, черная, темно-вишневая. Высота банок колеблется от 5,5 до 8 см. Московские помадные банки по размерам делятся на три группы. Самые большие имели высоту 8 см, диаметр 6,5 см. Вторая группа высотой 6,5—6,8 см, с диаметром 5,8—6 см. Третья группа банок высотой 5,8—6 см и диаметром 4,5—5 см. Кроме банок стандартных размеров, входящих в перечисленные группы, есть небольшое число их с неустойчивыми, нестандартными размерами, по преимуществу небольшими. Цвет поливы на помадных банках зачастую связан с размерами их. Так, увеличивается, что поливой синего цвета покрыто большинство помадных банок большого размера, полива голубая матовая по-

крывает только самые крупные банки, других цветов полива наносилась преимущественно на банки маломмерные. Не исключено, что банки голубого цвета предназначались для беляд, а коричневые, фиолетовые и вишневые для других мазей: румян, помад, сурьмы.

При земляных работах во дворе дома № 31 по Большой Серпуховской улице обнаружена мастерская по производству таких банок. Здесь найдены сотни, а может быть, и тысячи фрагментов этих банок⁴². Многие из них были бракованными.

Интересны найденные нами в 1956 г. белоглиняные помадные банки на окраине с. Терехово Гжельского района Московской области. Все они являлись производственным браком, некоторые из них без поливы. Находки говорят о том, что в этом селе в XVIII в. была мастерская, где изготовлялись помадные банки. Неподалеку от места находок банок обнаружены остатки ямного горна, прямоугольного в плане, размером 2×2 м, сложенного из камня на глине. Датировка помадных банок не вызывает особых сомнений — это XVIII в.⁴³

В XVIII в. делались поливные изделия с мраморовидной поливой. Сосуды, входящие в эту группу, изготовлялись как из белой, так из красножгущейся ангобированной глины и расписывались под мрамор минеральными красками зеленого, красного, белого и коричневого цвета. Поверх этого слоя разноцветного ангоба наносилась прозрачная белая полива. В этой технике выполнялись главным образом кувшины, миски и блюда, формованные на ножном круге. Так изготовлен и найденный в Зарядье белоглиняный подсвечник, поверхность которого покрыта мраморовидными разводами, а полива еще не нанесена. По форме он аналогичен белоглиняным и белозеленым московским подсвечникам XVIII в. (табл. 17, 36). Сосуды с мраморовидной поливой датируются второй половиной XVII в. и началом XIX в. Такая обработка поверхности сосудов была широко распространена в XVIII в. и за пределами Москвы.

К этому же времени относится и техника двуцветной поливы. На внутренней стороне открытых сосудов применялась полива одного цвета, обычно коричневого; расположенная патнами по прозрачному фону; на наружной поверхности — полива двуцветная: зелено-коричневые пятна на белом фоне. В эту группу входят много типов мисок и кувшинов, есть подсвечники. По форме они сходны с мраморовидными. Для производства этой группы сосудов употреблялись глины, покрытые слоем ангоба коричневого цвета, а поверх него коричнево-красной поливой хорошего качества. Выделяется несколько типов сосудов: кувшины, миски, подсвечники. Подсвечники такие же, как белоглиняные, но имеют ручку у основания и более короткий воротничок (табл. 17, 37—40).

³² Л. А. Давид. Отчет об обследовании церкви Анны в Зарядье. Архив ЦИИИМ.

³³ Указов, 5, 1955 г.

³⁴ Отчет о реставрационных работах. Архив ЦИИИМ.

³⁵ Работы бригады ЦИИИМ под руководством Л. А. Давида.

³⁶ Хранится в МИИМ.

³⁷ Раскопки М. Г. Рабиновича, 1956 г.

³⁸ Обмер автора.

³⁹ Е. А. Огнев, 1955, стр. 20—38.

⁴⁰ Л. А. Давид. Отчет об обследовании церкви Анны в Зарядье. Архив ЦИИИМ.

⁴¹ Е. П. Горюнова, 1947, стр. 45; М. Г. Рабинович, 1947, стр. 73.

⁴² П. Н. Миллер, 1928, стр. 4.

⁴³ М. Г. Рабинович, 1947, стр. 74.

Глава VII

МЕЛКИЕ КЕРАМИЧЕСКИЕ ГРУППЫ

(поздняя краснолозная техническая керамика)

В Москве были распространены еще несколько небольших групп керамики и ряд сосудов и изделий специального назначения. Сюда следует отнести позднюю краснолозную керамику, которая бытовала в Москве в XVIII в. По формам сосудов она напоминает поздние разновидности чернолозной керамики того же времени. Сосуды изготовлены на ножном круге из ярко окрашенной красножгущейся глины, вся поверхность их тщательно залощена.

Поздние краснолозные кувшины имеют небольшое округлое тулово с поддоном и сравнительно широкое и высокое, расширенное к обрзу горло без слива; ручки их овальные в сечении, на тулове несколько витков линейного орнамента. Целый кувшин найден в подклети южного придела церкви св. Анны в Зарядье в слое XVIII в. (датированном монетами)¹. Высота сосуда 26 см, максимальный диаметр тулова 16 см и диаметр обреза горловины 11 см (табл. 19, 10, 11). Емкость его 2—2,5 литра. Другой небольшой краснолозный кувшин имеет высоту 14 см, максимальный диаметр тулова 8 см. Оба сосуда тонкостенные и хорошего обжига.

В той же технике изготовлялись и краснолозные миски, по форме похожие на чернолозные миски со сферическим туловом, в отличие от них они тонкостенные и имеют небольшой поддон. Как и кувшины, они изготовлены на ножном круге. Кроме дна с наружной стороны, обе поверхности их тщательно залощены. В нижней части тулова снаружи на них несколько витков линейного орнамента (табл. 19, 8). У одной из них есть ручка (табл. 19, 9). Высота одной из мисок 6 см, максимальный диаметр по венчику 16 см, диаметр дна около 6 см.

В группу поздних краснолозных изделий нужно включить и курительные трубки. Их много в верхнем горизонте культурного слоя Москвы. Во-

ле 80 штук найдено при строительстве дома на Котельнической набережной, на окраине Юзской гончарной слободы. Среди них есть трубки, не бывшие в употреблении, что дало возможность предположить, что здесь была мастерская².

Московские краснолозные трубки изготовлялись в двуставных формах. Выдавливание чашечки производилось давилкой цилиндрической формы. На производство трубок шла красножгущаяся глина хорошего качества, жирная, с минимальным содержанием песка. Трубки коричневого цвета, обожжены хорошо.

Все московские красноглиняные трубки можно разбить на две группы: трубки, изготовленные в формах с гладкими поверхностями, и трубки, изготовленные в формах с орнаментированными поверхностями. Трубки, изготовленные в гладких формах, крупные, самые большие из них достигают 9 см. Это наиболее распространенная разновидность московских трубок и как будто наиболее ранняя. Они имеют массивную чашечку с граненой верхней частью, нижняя часть чашечки небольшими полосками разделена на доли и имеет форму цветка. Место прикрепления глиняного чубука трубки к мундштуку имеет вид отростка с рантом по краю. Поверхность трубок подлощена. На чашку трубки при помощи набора штампов наносился орнамент (табл. 19, 12—27, 36, 43). На грани чашки орнамент нанесен зубчатым колесиком. Основной орнамент размещался на плоскости между гранями — это отпечатки различных штампов. Среди них часто встречаются восьми- и десятилучевая розетка или четырехлучевая полурозетка. Иногда употреблялись и треугольные штампы с орнаментальным заполнением по площади треугольника. На некоторых трубках есть отпечатки овала с слочным орнаментом по нему. Небольшой размер изделия определил и небольшие размеры штампов при их орнаментации. Не-

которые отпечатки имеют максимальный размер в 3—4 мм. По-видимому, штампы были металлическими. Рисунок штампов четкий, чистый. Если ранние курительные трубки имеют ограниченную чашечку, то у более поздних чашки разного вида (табл. 19, 28—31) — конические, округлые. У тех трубок, которые сохраняют вид, близкий к ранним, верхняя часть не орнаментировалась, и на ней нет грани. Они имели в верхней части медную обкладку, одна такая трубка с остатками медной обкладки найдена в Зарядье в слоях середины XVIII в. (табл. 19, 32). Эти керамические трубки нередко имеют клейма на переходе от чашки к отвалу в виде овального или полукруглого углубления, заполненного орнаментальными линиями, точками. Среди клейм есть подражания (нетрадиционные) восточным надписям (табл. 19, 20, 21, 30, 34).

Другая, меньшая по размерам группа красноглиняных курительных трубок изготовлялась тоже в разъемных двуставных формах (табл. 19, 33, 35, 38, 40, 44), на стенках которых вырезался орнамент, затем отпечатывавшийся на поверхности трубки. Наиболее распространенным орнаментом были роения на трубках нет, нет и клейм. Трубки эти обычно небольших размеров, длиной 4—5 см. Интересна трубка в виде головки женщины с прической и головным убором середины XVIII в. (табл. 19, 42). Московские курительные краснолозные трубки были найдены вместе с монетами Елизаветы, Екатерины II и Павла I.

Следует отметить находку в Москве нескольких поливных керамических трубок. По форме и орнаментации они отличаются от красноглиняных и краснолозных. Глина, из которой они изготовлены, белая, полива зеленая и желто-коричневая. Они встретились при наблюдениях за строительством метро (табл. 19, 4—7).

Керамические тигли — одна из разновидностей керамики, известная достаточно хорошо по находкам в Москве (табл. 22, 20—26). Они служили для плавки металла, а иногда и для разлива его в формы. Наиболее ранние московские тигли имеют вид конуса с округлым дном и, как правило, отличаются небольшими размерами. Много обломков тиглей найдено в Москве в слоях XIII—XIV вв., высота их 4—5 см и изготовлены они из темной глины с большим содержанием механических примесей. Как внутри, так и снаружи тигли всегда шлакированы. Шлак на тиглях обычно сурьчужного цвета. Тигли более позднего времени, XV—XVI вв.³, обычно крупнее, хотя встречаются и небольшие экземпляры. Хорошая коллекция тиглей XV—XVI вв. найдена в Зарядье в 1951 г. в комплексе дитойной мастерской (7 целых и несколько десятков фрагментов)⁴. Все эти тигли одномерные, емкостью около 155 куб. см, вмещающие до 850 г расплавленного металла. Подобный тигель найден в Зарядье в 1953 г. В отличие от остальных он имеет небольшую ручку в виде гель мог служить и дымкой для разлива металла. От этих ранних тиглей отличаются поздние тигли XVII в. По размерам они близки к тиглям ранним, но обычно не были шлакированы и изготовлялись из беложгущейся, по-видимому, очень тугоплавкой глины. Тигли эти сравнительно тонкостенные (табл. 22). В горизонтах XVIII в. найдены три целых и несколько десятков обломков крупных тиглей⁵, изготовленных из белой глины. Высота тиглей до 10 см, объем до 0,5 литра. Они сильно шлакированы, без ручек.

¹ А. Ф. Дубынин, Д. А. Соболева, 1963, стр. 55—57.

² М. Г. Рабинович, 1947, стр. 86.

³ Рисунок 10.

⁴ М. Г. Рабинович, 1947, стр. 73.

⁵ Найдены в слое с монетами 1747 г.

Глава VIII

КРАСНЫЕ РАМОЧНЫЕ ИЗРАЗЦЫ НАЧАЛА XVII в.

В результате археологических раскопок и наблюдений при строительных работах, а также при реставрации памятников архитектуры в Москве и ряде подмосковных городов получены коллекции изразцов, с достаточной полнотой характеризующие московское изразцовое производство в XVII—XVIII вв. Они особенно важны для изучения ранних этапов московского изразцового производства.

Предлагаемая классификация московских изразцов не является исчерпывающей, но дает представление об их многообразии на Руси в XVII в.¹

Время появления в Москве изразцового производства до сих пор не выявлено с достаточной определенностью. Н. П. Султанов, первый исследователь наиболее ранних московских изразцов, названных им «красными», на основании анализа бытовых вещей изображенных на изразцах датировал их XVI в. и предполагал, что изразцовое производство в Москве могло возникнуть с начала XVI в.² С ним соглашался А. В. Филиппов, считая, что некоторые изразцы в Москве могли производиться в XVI в.³ Эти датировки не подтвердились после археологических раскопок в Москве. Все найденные здесь изразцы — в том числе и красные, наиболее ранние — происходят из слоев XVII в. Из старых, хорошо датированных коллекций особенно важна собранная на месте лагеря Якедимитрия II 1608—1609 гг. в с. Спас-Трушино.⁴ В ней представлены наиболее ранние их разновидности. XVI век в Москве — время, достаточно подробно освещенное письменными источниками. Ни один из них не говорит об изразцовом производстве в Москве или о массовом сооружении изразцовых печей, что отмечено в ряде документов XVII в. Немногочисленные изразцовые печи, имевшиеся в XVI в. в царских дворцах и патриарших покоях, по утверждению документов, были собраны из привозных (польских, украинских) изразцов приезжими мастерами. Подробное исследование документов XVI—XVII вв. позволило Н. А. Бакалановой говорить об отсутствии

в Москве изразцового производства до XVII в.⁵ Той же точки зрения придерживается и автор. Общита Н. П. Султанова при оценке бытовых вещей, изображенных на изразцах, заключалась в том, что он анализировал сюжеты, не учитывая, что при изображении сказочных картин Александрия резчик изразцовой формы сам делал эскиры в прошлое, правда в более близкое для него — в XV—XVI вв.⁶

Все ранние московские изразцы можно разделить на несколько серий, внутри которых изразцы различались размерами, формой лицевой пластины, наличием на ней дополнительных покрытий в виде поливы или многоцветной глазури, формой румпы, глиной, из которой изготовлены изразцы, наличием или отсутствием рамки, окаймляющей изображение на их лицевой поверхности. Эти серии можно объединить в две большие группы изразцов, первоначально четко различавшиеся: группа изразцов с коробчатой румпой и плоской рамкой на лицевой пластине и изразцы с отсутствующей румпой современного типа и лицевой пластиной в виде прямоугольника. Первая группа изразцов появилась в Москве с начала XVII в. и имела исключительное распространение до середины столетия. Подобные изразцы известны в Польше, Белоруссии, Прибалтике во второй половине XVI в. Московские рамочные изразцы начала XVII в. явились следствием переработки этой общевосточной формы изразцов. Сюжеты же, изображенные на них, исполнены русскими мастерами в соответствии с художественными вкусами московцев того времени.

Наиболее ранними в группе рамочных являются красноглиняные рельефные бесполовые изразцы («красные»). Их несколько разновидностей. Наиболее ранними были красные изразцы, употреблявшиеся только для облицовки печей. В зависимости от места изразца в печной облицовке они различаются формой лицевой поверхности и конструкцией румпы. Изразцы, входящие в облицовку

ку одной печи, образуют набор. Основной набор печи являются стеновые изразцы. Они имеют вид квадратной пластины толщиной около 1 см, на лицевой стороне которой в резной форме оттискивалось рельефное изображение, заключенное в плоскую рамку шириной в 2 см. С оборотной стороны у них была румпа, удерживавшая их в печной облицовке. Она имеет вид ящика со стенками, слегка скошенными внутрь, дном которого была лицевая пластина изразца; высота румпы 8—9 см, толщина 1 см. Изразцы изготовлялись из красножгущихся глины типа суглинков, шедших также и на формовку кирпича, но для изразцов глина обрабатывалась более тщательно. Из нее удалялись главным образом камни, так как при тонких стенках изразца они при обжиге могли дать разрывы. Стеновые изразцы формовались в деревянной изразцовой форме. При изготовлении изразца форма резным изображением глина, из которого изготовлялась лицевая пластина. Далее к лицевой пластине прикреплялся короб.

Вторым элементом облицовки печи из красных изразцов были изразцы стеновые угловые, которые шли на выкладку углов. В отличие от обычных стеновых они имеют румпу, срезанную с одной боковой стороны под углом в 45°. Два подобных угловых изразца со срезаемыми румпами при сложении образовывали прямой угол печной облицовки. Для удобства набивки румпы изразца глиной, противобьющей срезанной под углом в 45°, изразцы изготовлялись таким же образом, как и обычные стеновые. После формовки ненужные части румпы срезались.

Третьей разновидностью красных изразцов — стеновые угловые половинки. Они шли для устройства угла печной облицовки. Лицевая пластина их равна половине лицевой пластины стенового изразца (двое уже его). Этого вида изразцы были нужны для перевязки швов облицовки. Угловые стеновые изразцы-половинки изготовлялись сначала как полные стеновые изразцы, а затем разделились вдоль на две части. Румпы половинки лились вдоль под углом в 45° от середины лицевой пластины изразца. На части румпы, противобьющей срезанной, как и у полных угловых изразцов, делался полукруглый вырез.

Размер лицевой пластины полного стенового изразца 19,5—20×19,5—20 см. Угловые стеновые изразцы-половинки имеют размер лицевой пластины 9,5—10×19,5—20 см. В литературе такие изразцы называются изразцами «большой руки». Реже при раскопках встречаются изразцы «малой руки», со стороны лицевой пластины в 12—16 см. Среди них нет ни одного углового стенового изразца «большой руки», не встретились изразцы «малой руки». Назначение их в печной облицовке пока неизвестно. По сюжетам, на них изобра-

женным, они не отличаются от красных изразцов «большой руки».

Четвертым элементом облицовки печи из красных изразцов были изразцы посовые. Лицевая пластинка их в виде вытянутого в горизонтальном направлении прямоугольника. На ней рельефное изображение, ограниченное сверху и снизу плоской рамкой, такой же, как и рамка на красных стеновых изразцах (шириной 2 см). Такие изразцы употреблялись для выкладки горизонтальных посов в печной облицовке. На них обычно изображались бесконечный растительный орнамент. Орнамент, судя по находкам изразцовых посов в развалах печей, на одной облицовке один и тот же. На оборотной стороне изразца — коробчатая румпа высотой в 6—7 см. Для выкладки угловые изразцы. Они двух типов: один — с лицевой стороны под углом в 45° румпой, другие посовые угловые изразцы (они встречаются чаще) с лицевой пластиной шириной в 1/2 или 1/3 лицевой пластины полного посового изразца. Эти изразцы изготовлялись так же, как стеновые, только форма румпы делалась из полных посовых (длинные срезаются ножом). Размеры полных посовых изразцов равны 26—28×9,5—11 см. Наряду с ними, но реже встречаются посовые изразцы высотой в 7—8 см и с румпой в 4—5 см.

В облицовке печи из красных изразцов были также изразцовые перемычки, или тяги. Это полукруглый глиняный валик, по сферической поверхности которого (она была лицевой) шел растительный или геометрический орнамент. На оборотной стороне валика был глиняный гребень, которым перемычка крепилась в облицовке. Тогда же формировался и гребень их. По положению красных изразцовых перемычек в облицовке их следует разделять на вертикальные и горизонтальные. Вертикальные вставлялись между соседними стеновыми изразцами. Закрывая оборотную сторону перемычки налетали сверху на оборотной стороне для прикрытия вертикальных швов между стеновыми изразцами. Длина перемычек равнялась высоте стенового изразца. Ширина вертикальных и горизонтальных перемычек 3—3,5 см. Горизонтальные перемычки вставлялись в горизонтальные швы печной облицовки между рядами стеновых изразцов или между рядом стеновых и посовых изразцов. Длина горизонтальных перемычек 24—26 см. Орнамент на вертикальных и горизонтальных перемычках в одной печи мог быть различным. При раскопках в Москве встречались короткие вертикальные перемычки, длина которых равнялась высоте лицевой пластины красных стеновых изразцов «малой руки». Выкладка углов печной облицовки на уровне пояса горизонтальных перемычек проводилась теми же горизонтальными перемычками. Гребни их с краев скошены.

¹ Р. Л. Розенфельдт, 1961, стр. 228—241.

² Н. П. Султанов, 1934.

³ А. В. Филиппов, 1938.

⁴ ГИМ, отдел III, коллекция Политковского.

⁵ Н. А. Бакаланова, 1928.

⁶ Р. Л. Розенфельдт, 1961, стр. 228—241.

ного представления о нем мы не имеем. По сохранившейся части его можно полагать, что сверху изразца были изображены три или четыре летящие птицы с распушенными крыльями и подобранными лапами. По-видимому, это хищные птицы типа сокола. Дерево расположено в центре, под ним два лебеда с длинными изогнутыми шеями и полурасправленными крыльями.

5. Пятый изразец, завершающий эту композицию, — с изображением конного охотника (табл. 20, 11). Конь под седлом, на нем охотник в кафтане. Одной рукой он держит поводья, выше другой — летящая птица, по-видимому, сокол. Над охотником летящая утка. Все изображение дано в обрамлении побегов растительного орнамента.

По мнению автора, эта сюжетная линия передает сцены охоты. Кто охотник, сказать трудно, но не исключено, что это, как и в первом сюжете, — Александр Македонский.

В третью сюжетную линию автором объединены красные стеновые изразцы с изображениями различных фантастических животных.

1. При раскопках встречаются изразцы с изображением единорога (табл. 20, 13), или, как его тогда называли, «снорога». Зверь этот на красных изразцах похож на коня. У него конская голова, туловище и ноги. От головы отходит длинный рог, на одних изразцах он изображается в виде высокого конуса, на других похож на большой джок. На спине единорога небольшой горб, хвост короткий. Обычно у единорога конские копыта, но на некоторых изразцах он изображался и с копытными лапами. На красных изразцах единорог всегда передан бегущим. Вокруг изображения — отдельные побеги растительного орнамента или рамка из него. Красные изразцы с единорогом не всегда располагались в центре печной облицовки; встречены угловые стеновые изразцы-половинки, на которых только передняя часть животного.

2. Изразцы с изображением грифа, или «грива» (табл. 20, 14). Этот фантастический зверь имеет туловище и лапы льва, но со шпорами. Хвост тоже львиный, с кисточкой на конце. Голова соболичья, с раскрытой пастью и высухшим языком. От передней части туловища отходят вверх два полурасправленных птичьих крыла. Хорошо моделирован глаз животного. Рельефом подчеркнута мускулатура спины и ног. Зверь изображен пригнотившимся к прыжку, с вытянутыми передними лапами, присевшим на задние подогнутые лапы. Свободное поле лицевой пластины изразца заполнено побегими растительного орнамента.

3. Изразец с изображением семиголового апокалиптического зверя (табл. 20, 12). У него кошачье туловище с короткими когтистыми лапами, завершенное семью змеиными головами на длинных вытянутых шеях. Пасти змей открыты, и видны их языки. Хвост зверя кончается тремя змеиными головами. Под его ногами поверженная человеческая фигура. На свободном пространстве лицевой пластины иногда изображаются барс и летящий сокол. Изразцы этого сюжета встречаются в Москве редко.

4. Изразец с изображением кентавра («китовраса») (табл. 20, 9). В центральной части лицевой пластины изображен кентавр. У него лошадиное туловище, хвост, ноги. Шей коня переходит в торс человека, одетого в кафтан. Голова кентавра человеческая, с распушенными волосами. В руках кентавра лук. Кентавр изображен бегущим и стреляющим назад. Изображение обрамлено побегими растительного орнамента.

В эту же сюжетную группу, по-видимому, входили и другие фантастические животные: ехидна, сирин, змей. О существовании ранних красных стеновых изразцов с такими изображениями мы можем только догадываться. Они есть на поздних красных и зеленых рамочных изразцах.

Четвертую сюжетную линию образуют красные стеновые изразцы с двуглавыми орлами в геральдических позах, с расправленными крыльями. Их найдено много. В развалах одной печи, сложенной из красных изразцов, находится обломки стеновых изразцов с орлами, отгиснутых в разных формах, и надо думать, что в одной облицовке было несколько изразцов с орлами, которые, возможно, образовывали самостоятельный орнаментальный пояс (табл. 20, 15—17). Все орлы, изображенные на красных стеновых изразцах, имеют чистую грудь, расправленные крылья и хвост; головы с круглыми, хорошо моделированными глазами оканчиваются кривыми клювами. Над головами орлов трехчленные короны. Оперение передается тщательно. Все орлы на ранних красных изразцах изображены всегда в дополнительной круглой рамке, разделенной угловыми пластинами. Углы лицевой пластины заполнены обычно трилистниками. Изразцы с изображениями орлов в облицовке печи перемежались с изразцами с растительным орнаментом и стеновыми изразцами с крупной восьмилестниковой розеткой. На последних углах изразца между розеткой и рамкой так же, как на изразцах с орлами, заполнены трилистниками (табл. 20, 20).

Много встречено стеновых изразцов с растительным орнаментом. Он образуется на симметрично расположенных листьях и побегов, с большим мастерством вписанных в квадратную рамку лицевой пластины. Все эти изразцы, за исключением одного (известного в обломках), имеют симметричные изображения. Правая и левая половины изразца имеют зеркально расположенный орнамент (табл. 21, 1, 3, 4, 6, 7). Довольно часто встречаются изразцы с четырехчленной симметрией — по горизонтали и по вертикали (табл. 21, 2, 5, 8—11). Такая симметричность орнаментов вызвана тем, что из полных стеновых изразцов часто делали угловые изразцы-половинки. При симметричности изображений орнамент не страдал при разрезании лицевой пластины. Ныне известно до полутора десятков изразцов с различными растительными орнаментами. Не исключено, что из таких изразцов выкладывались не один, а два-три ряда облицовки.

Кроме перечисленных сюжетов, на красных стеновых изразцах встретились и геометрические орнаменты. Эти изразцы употреблялись наряду с изразцами с растительным орнаментом.

При просмотре серий красных стеновых изразцов можно выделить не только изразцы, отгиснутые в одной форме, но и изразцы, формы для которых реализовались одним мастером. Копируя сюжет, мастер резчик изразцовой формы в деталях всегда отступал от оригинала и вводил новые подробности в рисунок или орнамент. Так, один мастер «одевал» воинственный своеобразно заполняя свободное поле между изображениями.

Орнамент на красных полевых изразцах, как было отмечено, сравнительно однообразен и представляется обычно серии пальметт, соединенных Х-образными фигурами, образующими горизонтальный рисунок на красных полевых изразцах была широко распространена в наружном декоре русской монументальной архитектуры XV—XVI вв. Он встречается на белокаменных и терракотовых фризах церковных построек, что в свое время было отмечено А. В. Филипповым⁷. На полевых изразцах находим и орнамент в виде бутылки, поставленной одна горлышком вверх, а другая вниз и разделенных волнистой линией (табл. 22, 6). Орнамент из пальметт позже известен на зеленых полевых и даже на полихромных полевых изразцах вплоть до конца XVII в.

Красные изразцовые перемычки, входящие в печной набор, орнаментированы и по узорам разделены на две большие группы: перемычки с растительным орнаментом (табл. 22, 7, 9—11) и перемычки, имеющие вид жгута или валика с насечками (табл. 22, 8). Последние встречаются в насечках на перемычках с растительным орнаментом. Узор составлял из стилизованных листьев, розеток, цветов и побегов, соединенных трехчленными тяжами. Насчитывается до полутора десятков различных видов растительного орнамента

на изразцовых перемычках. При раскопках найдены короткие вертикальные и длинные горизонтальные перемычки с одинаковым рисунком, которые, возможно, относятся к одному печному набору.

Красные изразцовые гордки имеют орнаментованные лицевые пластины. Известно несколько сюжетов, изображенных на этих гордках. На одном, найденном в Зарядье, изображено дерево со свисающими лапами и под ним два барса в геральдических позах, подобных барсам на стеновых изразцах (табл. 22, 7). Над деревом — летящий лебедь. На другом красном гордке над растительными побегими в центре пластины виден летящий лебедь (табл. 22, 11). На третьем изображен воин в кафтане и с пищалю (табл. 22, 18), по сторонам от него побегии растительного орнамента. Довольно часто находят красные изразцовые гордки с изображением пальметт (табл. 22, 4) или с геометрическими узорами (табл. 22, 15, 16). В одном печном наборе употреблялись гордки разной высоты с различными рисунками.

Красные изразцы получили в Москве в первой трети XVII в. широчайшее распространение, и печи из них были не только у зажиточных горожан, но и в домах рядовых москвичей. Видимо, производство изразцов находилось на Яузской гончарной слободе, однако пока в Москве не найдено остатков ни одного горна, специально предназначенного для обжига красных изразцов, ни одной ямы, заботой бракованными изразцами. Ранние московские красные изразцы были найдены в Ярославле, Владимире, Переяславле-Рязанском, в ряде старых усадеб и монастырей⁸. Как и в более позднее время (что отмечено в документах), Москва и в начале XVII в. снабжала изразцами другие города. Красные ранние изразцы в Москве производились до 40—50-х годов XVII в.⁹

⁷ А. Д. Монгайт, 1961, стр. 173, рис. 61; А. В. Филиппов, 1938.

⁸ Р. Л. Розенфельдт, 1962.

РАМОЧНЫЕ ИЗРАЗЦЫ СЕРЕДИНЫ XVII в.

В 40-х годах XVII в. в Москве стали распространяться белоглиняные изразцы, лицевые поверхности которых покрыты зеленой поливой того же качества, что на сосудах и черепице этого же времени. Они формировались из белой глины средней пластичности. Не исключено, что эти изразцы изготавливались в тех же формах, что и красные. Такие изразцы в Москве встречаются при раскопках реже, чем красные. Орнаменты на них те же, что и на красных изразцах. Найдены полные стеновые изразцы, изразцы-перемычки и стеновые угловые изразцы. На некоторых из них следы законченности. Особенностью этих изразцов является наличие в румпе круглых отверстий диаметром в 1 см, служивших для скрепления изразцов в облицовке проволочкой. Широкого распространения эти изразцы не получили. Это объясняется тем, что при конструкции печной облицовки, распространенной в Москве в это время, всегда было много широких щелей, требующих промазки глиной. Печь, сложенная из поливных изразцов и промазанная глиной, имела шершавый вид даже после покрытия швов облицовки краской. Иное дело с печью, сложенной из красных изразцов, когда после промазки швов она целиком белая, а швы становились незаметными. Печные изразцы с поливой шли для декора монументальных построек в виде вставок. При реставрационных работах на церкви Рождества на Путинках в Москве были обнаружены такого вида изразцы, уподобленные как вставки (церковь построена в 1652 г.¹). Сюжетные изображения на них те же, что и на красных изразцах: орамы, растительный орнамент.

В середине XVII в. русские изразцовые мастера сконструировали печную облицовку с меньшим числом швов и деталей. Основными в облицовке были стеновые изразцы, но они отличались от ранних более узкой рамкой (шириной в 1 см). Такой же ширины стали делать рамку и на поясовых изразцах. Это изменение было связано с появлени-

ем печной изразцовой облицовки без перемычек. Плоские широкие рамки стеновых и поясовых изразцов, ранее прикрывавшиеся перемычками, теперь остаются открытыми, потому что они были сужены. Количество швов сокращалось вдвое. Без ущерба для облицовки из нее было выброшено не менее 150–200 перемычек, что не только удешевило работу, но и упростило конструкцию печи. Сюжеты и орнаменты на красных изразцах с узкими рамками те же, что и на ранних, но манера изображения иная.

Большая часть красных изразцов середины XVII в. с узкими рамками найдена в близлежащих к Москве городах, таких, как Владимир, Суздаль, Переяславль-Залесский, Ярославль, Углич, где, возможно, появились собственные изразцовые мастера и изразцовое производство². На изразцах в этих городах иногда встречаются новые орнаменты, известные на ранних красных изразцах. Но таких изразцов сравнительно немного. Производство красных изразцов второго типа возникает и в более отдаленных от Москвы городах, таких, как Казань, Орел, Городец на Каме и др. Изразцы, изготовленные в этих городах, отличаются от московских большей сухостью рисунка, они менее художественны. Формы для изразцов резали опытные мастера, которые, копируя рисунки красных изразцов первой группы, мало внимания уделяли художественной стороне изображения, пытались в основном передать его смысл. Детали рисунка часто упростились или упрощались. Уравновешенность и статичность рисунка, характерная для ранних красных изразцов, на изразцах с узкими рамками утрачена.

В это время распадаются и сюжетные линии, известные по ранним красным изразцам, и каждый изразец сам становится законченным сюжетом, не связанным по смыслу с соседним. Печник, сооружающий печь из таких изразцов, получил относительную свободу в размещении их в облицовке. Это послужило стимулом для создания новых сюжетов. Одновременно происхо-

дит и некоторое видоизменение отдельных сюжетов, известных по ранним красным изразцам. Так, если крепость «град Египет» ранее изображалась в профиль, то на красных изразцах с узкими рамками она дана иначе. На изразце из Борисова изображена та же крепость с воинами на стенах, но центральная башня дана проездной, а на стенах, изображаясь в профиль, видны орудия. На стеновых изразцах появляются новые сюжеты, такие, как «Александр Македонский» и «Соловей Разбойник на коне». На красных изразцах середины XVII в. начинают появляться надписи: «Грив зверь лютой», «Орел птица царская», «Соловей Разбойник», «Град Египет», «Иногор зверь лютой» и др.³ Их появление мы связываем с расколом сюжеты отдельных изразцов. Надписи не всегда грамотные, иногда с трудом можно разобрать их смысл; встречаются и зеркальные надписи. Если на ранних красных изразцах орлы обычно изображались в круглой рамке, то теперь ее нет. Масштабы фона на сюжетных изображениях: если на красных изразцах начала XVII в. фон заполнялся звездочками, «гусеницами», треугольниками, то теперь часто видны пустые участки.

В середине XVII в. под Москвой создаются изразцовые мастерские, выпускавшие небольшие серии красных изразцов с узкой рамкой и коробчатой румпой. Они отличались нестандартными размерами: если ранние стеновые изразцы имели размер лицевой пластины 20 × 20 см, то размер этих изразцов был 23 × 23 см, 15 × 15 см и др. Рядом с Троице-Сергиевской лаврой существовала изразцовая мастерская, где изготавливались красные изразцы, близкие к изразцам второй группы. По конструкции румпы они не отличаются от других красных изразцов, их характерным признаком является наличие на лицевой пластине стеновых изразцов внутри узкой рамки дополнительной рамки растительного орнамента шириной до 3 см. Такие изразцы найдены в большом числе Т. В. Николаевой в 1955 г. на берегу ручья Водзюги⁴. Встретились стеновые изразцы с изображениями льва, единорога, двуглавого орла. Несколько обломков изразцов этого типа найдены в Москве. Троицкая изразцовая мастерская продолжала работать и в 60-е годы XVII в., она изготавливала тогда стеновые изразцы с такими же лицевыми пластинами, но с румпой иного типа.

Приблизительно в середине XVII в. появляются в Москве первые красные рамочные изразцы, покрытые светло-зеленой поливой, нанесенной по белому ангобу. Они существовали сравнительно ко-

роткое время и употреблялись преимущественно в качестве декоративных вставок в ниши каменных зданий. Румпы изразцов по-прежнему коробчатая. Такие изразцы вставлены в стены бани Иосифо-Волоколамского монастыря, много их на постройках в Угличе. Часто встречаются они и при раскопках в Москве. Сюжетные изображения и орнаменты на них напоминают красные изразцы первого типа, что говорит о том, что они изготавливались московскими мастерами. И действительно, в тех случаях, когда удается проследить по документам, веде под изразцов есть стеновые со стороной в 20 см — маломерные и большие — со стороной до 24 см. Нестандартных размеров изразцы, как правило, сделаны шершаво, рисунок рельефа на них схематический. Они изготавливались также и вне Москвы.

Огромное значение для развития московского изразцового производства имела мастерская, устроенная в 1654 г. в Валдайском Святозерском монастыре патриархом Никоном⁵. Ее мастера, такие, как Игнат Максимов, Стенька Иванов сын Полюбес, Самонка Григорьев и др., были белгородцами «из-за польского рубежа». Они имели слабое представление о московском изразцовом производстве, существовавшим уже около полувека, но хорошо были знакомы с польским изразцовым производством, поэтому в Святозерском монастыре было начато производство печных поливных и полнорумпных изразцов форм, не производившихся ранее в Московском государстве. Эти мастера ввели и конструкцию печной облицовки без угловых вертикальных швов, известную ранее в Москве только по отдельным печам, установленным при привозных изразцов инородными мастерами. Изразцы для таких печей, изготовлявшиеся в валдайской мастерской, имели румпу не коробчатую, а современного типа — с двойным вылетом по наружной стороне у обреза, отсутствующим от края лицевой пластины. В румпе делались два отверстия для перевязки изразцов проволочкой с темом печи. Выкладка бесшовных углов облицовки достигалась за счет применения угловых стеновых и поясовых изразцов с двумя лицевыми плоскостями подного и поповного размера, поставленными одна к другой под углом в 90°. За счет разницы в размерах этих лицевых плоскостей угловых изразцов проводилась перевязка изразцов в облицовке. Изразцы этой мастерской были прямоугольной формы, без рамки на лицевой поверхности, характерной для ранних московских изразцов. Новая изразцовая мастерская развила широкую деятельность в Москве, изготовленные в ней, украшали не только монастырские постройки, но и выселились в другие города, такие, как Новгород, Москва. Изразцовая мастерская была обеспечена хорошими месторождениями белых глин. Через 4 года часть мастерских была переведена в г. Истру, где предполагалось провести большие работы по изразцовому декору построек вновь создаваемого здесь монастыря. В мастерскую, переведенную Никоном в Ново-Иерусалимский монастырь, вы-

¹ Л. Розенфельдт, 1963.

² Кольчугини отдела архитектуры Загорского историко-художественного музея.

³ Н. В. Воронов, И. Г. Сахарова, 1955.

⁴ «История русской архитектуры», стр. 112.

⁵ А. В. Филиппов, альбом.

писывается крупнейший мастер изразцового производства Петр Иванович Заборский, который ставит изразцовое производство в Истре на уровень лучших изразцовых мастерских. В этой мастерской были сделаны семь изразцовых алтарей для молельни, изразцы для барабанов храма, изразцы для декора стен построек. В декоре здесь преобладают крупные растительный орнамент, который совсем не встречается на ранних московских изразцах. Сюжетных изображений на истринских изразцах нет.

Продукция истринской и владдской изразцовых мастерских оказала большое влияние на собственно московское изразцовое производство. Великолепный изразцовый декор Истринского монастыря, новая техника производства печных изразцов, применяемая в изразцовой мастерской Заборского, не известные ранее эмали — все это оказало влияние на московское изразцовое производство, где с конца 50-х годов XVII в. начинается выпуск новых разновидностей рамочных изразцов, приспособленных к новой конструкции печной облицовки. В это время появляются в Москве красноглиняные поливные квадратные рамочные изразцы с рамной современной типа и угловые рамочные изразцы с двумя лицевыми пластинами. Показательной в этом плане является значительная серия красноглиняных ангобирванных поливных изразцов, происходящих из наружного декора церкви Троицы в Костроме 1660 г. и изготовленных, по-видимому, в Москве⁶. Здесь представлены только стеновые изразцы. Размер лицевых пластин их 20 × 20 см. В серии сохранилось 13 сюжетных изразцов. Изразцы с растительным орнаментом отсутствуют.

1. Изразец, на лицевой пластине которого в узкой рамке изображен Александр Македонский, скачущий на коне (табл. 21, 13), на голове его корона, в одной руке повода, в другой сабля; всадник в броне, поверх нее развевается плащ. На коне видны: узда, седло, потник, подпруги, ниже коня — стилизованные побеги растительного орнамента. По верхней части изразца рельефная надпись: ЦРЬ АЛЕКСАНДРЪ М.

2. Изразец с изображением орла (табл. 20, 18). Орел двуглавый, в геральдической позе с расправленными крыльями, на головах по короне, клювы раскрыты. Орел дан на чистом, без дополнительного орнамента фоне и без круглой рамки, обычно окантывающей изображение орлов на ранних красных и зеленых изразцах. По верху лицевой пластины изразца надпись: ОРЕЛЪ ПТИ ЦАКА, что должно было означать: «Орел — птица царская».

3. На изразце изображена осада крепости (табл. 20, 1). По поставленной наклонно лестнице на крепостную стену лезут два воина: передний с флагом, другой с копьем и пищалью. У лестницы еще три воина: один с флагом, другой с бердышом, а третий с пикой и пищалью. Выше них изображены две пушки и две склоненные над ними

фигуры пушкарей. Воины одеты в короткие кафтаны и островерхие шляпы. Под лестницей изображены облаченные воины, падающие с крепости; в руках одного из них копье. По верху лицевой пластины изразца надпись: ПРИСТУ-ПАЕТЬ. Сюжет в основном повторяет подобный на ранних красных московских изразцах, только здесь вместо скачущего всадника даны две пушки с пушкарями, а вместо воина, поднимающего лестницу, под ней изображены поверженные воины.

4. Изразец с изображением грифа. Он похож на грифа красных изразцов. По верху изразца надпись: ГРИВЪ ЗВЕРЬ ЛЮТЫИ (табл. 21, 16).

5. Изразец с изображением единорога. У него туловище коня и длинный прямой рог, отходящий от лба. На шее грива, залетевшая мелкими, вертикально стоящими косичками. Выше спины единорога и вокруг него — побеги растительного орнамента и рельефные звездочки. По верху лицевой пластины надпись: ИМЪ А РОКЪ ЗВЕРЬ ЛЮТЫИ (табл. 21, 17).

6. Изразец с изображением Соловья Разбойника, сидящего на коне, очень похожего на Александра Македонского. Руки уперты в бока. На голове шапка с рогами, видны длинные торчащие уши. По верху изразца надпись: СОЛОВЕЙ РАСБОЙНИКЪ (табл. 21, 20).

7. Изразец с изображением птицы сирена. На изразце птица с человеческой головой в побегах растительного орнамента. На голове птичья корона, из-под которой выбиваются длинные распущенные волосы. По верху лицевой пластины надпись: СИРИН ПТИЦА РАЙ (табл. 22, 1).

8. Изразец изображен корольчик Бова без головного убора, в коротком кафтане, подпоясанном кушаком, в правой руке сабля. Справа от него богатырь Поляк. У него туловище собаки, а вместо шеи туловище человека. Одет он в распахнутую на груди рубашку с короткими рукавами. Он тоже без головного убора. В руках у него палица. На изразце дана сцена сражения Бовы и Поляка. Утренняя оружей, они держат друг друга за пояса. В правом верхнем углу лицевой пластины прекрасная царевна Милена. Она в длинном платье, в короне и с косой. По верху лицевой пластины изразца трехстрочная надпись: БОВА С ПОЛЪК[А]НОМ БИЕТЬ[СЯ] (табл. 21, 19).

9. Изразец с изображением царевны и змея. На лицевой пластине изображен царский дворец и слева от него дворцовый двор, огражденный стеной с башнями. У ворот дворца стоит царевна в короне, справа от нее царь, в правом углу изображен змей. Слева от царевны — царка, вытирающая слезы. Это иллюстрация к сказке о том, как какой-то царь отдал свою дочь к змею. Пояснительная надпись на изразце гласит: НЕКИ ЦРЬ СВЕДЕЩЕРЬ СВОЮ ЗМЕЮ (табл. 21, 22).

10. Изразец с изображением битвы в воздухе между птицей и змеем. В нижней части изразца изображен город. По верху лицевой пластины надпись: БИТЬ ВЪ ВИДЕНИЕ СИЕ В ЦАРЬ-ГР[АДЕ]. Здесь символически изображена борьба

между христианством и мусульманством (табл. 22, 2).

11. На изразце изображен конный отряд во главе с царем. Это Александр Македонский. По верху лицевой пластины изразца надпись: ЦРЬ КСАНЬРЪ МАКИ[ОНСКИЙ] (табл. 21, 14).

12. Изразец с изображением двух борцов. По верху изразца надпись: БОРЬЦЫ БОРЮ[ТСЯ] (табл. 21, 15).

13. Изразец с изображением льва и надписью: ЛЕВЪ ЗВЕРЬ (табл. 21, 18).

Приблизительно в те же годы в Москве продолжают изготавливать красноглиняные ангобирванные поливные изразцы с корчатой рамкой и узкими рамками, главным образом полные стеновые изразцы, употреблявшиеся для наружного декора каменных зданий как вставки в ширинки. Однако при раскопках найдены и угловые изразцы-полновинки, выполненные в той же технике, что говорит о том, что ими облицовывались печи. Угловой стеновой изразец-полновинка со скошенной рамкой найден на территории Яузской слободы в Москве. На нем воин без головного убора, в коротком подпоясанном кафтане, стеганых штанах и сапогах с высокими каблуками, за спиной его бердыш со вхопом. В левом верхнем углу изразца надпись: ВО[И]Н. Здесь же найдены и другие изразцы с остатками надписей, выполненные в той же технике.

В 1666 г. истринская изразцовая мастерская была ликвидирована и 31 мастер ее были переведены в Москву⁷, среди них и мастера, работавшие еще в ивской святозерской изразцовой мастерской. Мы не знаем, мещанина города Колоши, Стеньку Иванова (сына Поубеса) из Мстиславля, Санюшку Григорьева, мещанина города Копоши, Осыку Иванова, иноземца Шкловского уезда, Федьку Чона из Вышны, Петрушку Ларионова, Алешку Леонова, Сеньку Трофимова. П. И. Заборский в Москву не попал, он умер в Истре. В Москве истринские мастера поступили в ведение Оружейной палаты. Они делали как печные изразцы, так и большие изразцовые фризы для декора московских построек. Отсюда в разные города Московского государства стали уходить обобы с изготовленными ими рельефными муравлеными и полихромными изразцами. Мы не знаем, где были поселены эти мастера и где размещались мастерские, в которых они работали. Ясно, что прибывшие в Москву продолжали изготавливать изразцы с рисунками во «фрижском стиле», в котором были выполнены все истринские изразцы. Они пользовались большим спросом и с 70-х годов XVII в. начинают вытеснять рамочные изразцы. Преимущественное распространение изразцов «истринского» типа объяснялось еще и тем, что они были полихромными, более нарядными, чем собственно московские, и ассортимент их был богаче. Мастерская Оружейной палаты поставила большие партии изразцов для украшения построек в Москве и Подмоскovie. Так, в 1668 г. «по указу Велико-

государя подяжены ценных дел мастер Стенан Иванов с товарищи к тому церковному строению церкви Григория Новороссийского сделать две тысячи образцов разных поясовых ценных в длину осми вершков и больше и меньши, а поперец 7 вершков... и дать им от 100 образцов по 10 рублей». На постройку Иосифо-Волоколамского монастыря, сооруженные после 1677 г., в большом числе пошли московские изразцы. По подсчетам Н. В. Воронова и И. Г. Сахарова, не менее 2500 изразцов⁸.

На основании одного из документов было установлено, что Стенан Иванов, работавший в Истре, и мастер Стенан Подубес, поставивший изразцы для церкви Григория Новокосарийского, — одно и то же лицо. Документ этот гласит: «1693 года 24 сентября московскому печнику мастеру Стенану Иванову Поубеса дано за дело трех печей и за исчисленные окоя для ряда московских и подмосковных построек. Так, в 1666 г. он делал изразцы для собора Воскресенского монастыря, в 1668 г. — для церкви Григория Новокосарийского, в 1675 г. — для надвратной церкви бывшего Андреевского монастыря⁹, в 1679—1683 гг. — для собора в Имайлове и в 1688—1692 гг. — для собора Иосифо-Волоколамского монастыря. При обследовании всех этих изразцовых фризов Н. В. Вороновым и И. Г. Сахаровым установлено, что изразцы для всех этих построек, кроме собора Иосифо-Волоколамского монастыря были отнесены в одной форме, созданной и истринской изразцовой мастерской. Для изразцов сохранился новая форма с близким рисунком. Это наблюдение помогает установить время бытования отдельных изразцовых форм, которые живут до 20—25 лет. Изразцовые формы истринских мастеров хранились в Оружейной палате и по мере надобности выдавались изразцовым мастерам. Так, для Имайловского собора изразцы поставил не Стенан Иванов, а С. Гуткеев. В одном из документов Стенька Иванов назван дворцовым печником, в других документах сообщалось, что он поставил изразцы для Виноградной плотины в Имайлове.

В документах того времени встречаются сведения об устройстве изразцовых печей и о поставке изразцов. Так, в одном документе говорится: «У гончара гончарной слободы Ивашки Гаврилова куплено за 1672 г. говорится: «Ноябрь в 27 день куплено в гончарной слободы в село Дмитровское в государственную хорому у Васки Могилева да у Петрушки Иванова бора 2 печи круглых ценных по семидесяти по три образца по шти денег образцов иточо 10 рублей 12 алтын сто шестидесять образцов по две деньги с полушкой

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ ИРБ, т. XXIII, стр. 831.

⁹ Н. В. Воронов, И. Г. Сахарова, 1955.

* Р. Л. Розенфельдт, 1963.

итого рубль двадцать три алтына и две деньги». В первом случае изразцы покупались у мастера Оружейной палаты (круглая печь), во втором, по-видимому, — у изразечника Гончарной слободы. Изразцы, в том числе и печные, ставлялись и в другие города, преимущественно подмосковные. Под тем же 1672 г. в документах сохранилась запись: «Ноибр в 30 день прислано в Саввин Сторожевой монастырь с Москвы от Тайных дел для печного дела к папертному строению ценинных образцов с печниками с Васьюю Анфимовым 500 штук, с Якушкой Олферьевым 200 штук и в тех образцах сделаны в Саввинском монастыре у собора церкви в паперте 2 печи. Дано им за образцы Васье за 500 по 8 денег Якушке по 6 денег за образец». Под 1682 г. в документах назван «ценинных дел мастер» Филипп Олферьев и его ученик Федька Назаров. Очевидно, первый был братом выше упоминаемого печника (он же и изразцовый мастер) Якушка Олферьев.

Изразочники Москвы в 70-х годах XVII в. постепенно переходят на производство изразцов тех типов, что изготовлялись изразечниками Оружейной палаты, т. е. изразцов безрамочных полихромных и зеленых. И начиная с этого времени, трудно определить, какие изразцы готовились одними, а какие — другими мастерами. Однако традиции собственно московского изразцового производства оказались сильными, и мастера-изразечники слободы в это время начинают производить последнюю разновидность рамочных изразцов — красноглиняные, рельефные, поливные с узкими рамками. По характеру изображений на ственных изразцах они сходны с зелеными поливными изразцами. Лицевая пластинка их украшена многоцветной непрозрачной глазурью. Подобного типа изразцы обычно датируются 70-ми годами XVII в. Хорошая серия их, происходящая из музея Бардыгина в Егорьевске и хранящаяся ныне в музее Коломенское, была опубликована А. В. Филипповым¹¹. Сходного типа полихромные изразцы смонтированы в стены северного придела церкви Николая на Берсеневке в Москве. Здесь на изразцах изображены только орудия. Изразцы близкого вида и, очевидно, московского производства смонтированы в ряд построек Углича, Муром и других городов. Румна и полихромных рамочных изразцов бывает как корюбчатая, так и

отступающая от края. Трудно сказать, употреблялись ли изразцы этого типа для сооружения печей или шли исключительно для наружного декора зданий. По наличию на некоторых изразцах следов законопечности на внутренней стороне можно предполагать, что из них складывались и печи. Правда, нам известны только ственные изразцы этого типа. При раскопках рамочные полихромные изразцы почти не встречаются. По-видимому, производство их прекратилось в Москве в 80—90-е годы XVII в. Не исключено, что полихромные рамочные изразцы производились также и вне Москвы. Так, подобные изразцы из Муром сильно отличаются от московских расцветкой, характером изображенных фигур. Возможно, что там существовала собственная изразцовая мастерская.

Мастера изразцового дела Оружейной палаты, а вслед за ними перенявшие их орнаментальные приемы мастера Яузской гончарной слободы не удовлетворялись рисунками растительного характера, выполненными во «фряжском стиле»; наряду с ними они изображали птиц, сирина и т. п., не известных ранее истринским мастерам. Появляются серии бесшовных изразцов (с 70-х годов XVII в.), когда орнамент не заканчивается на изразце, а простирается и на соседние изразцы и единая орнаментальная сетка покрывает всю поверхность изразцовой печи. Намечаются излюбленные мотивы, изображенные на изразцах: «гвоздика», «земляника», «цветок лилии». Отдельные детали печного набора выдерживаются в одном стиле.

При помощи одних и тех же форм изготовлялись разные изразцы: зеленые и полихромные. По-разному расписывались полихромные изразцы, изготовленные в одних и тех же формах. Материал по безрамочным изразцам, собранный при раскопках в Москве, огромен. Еще больше таких изразцов находится на сотнях памятников русской архитектуры второй половины XVII в.

С начала XVIII в. в Москве получают распространение расписные изразцы русского производства, а также голландские и шведские, по образцам которых они и изготовлялись. Распись на изразцах этого типа, изготовленных в Москве, чисто русская, хотя попадаются отдельные сюжетные, выполненные в «голландском» или «китайском» стиле. Вместе с ними бытовали полихромные и зеленые рельефные изразцы, ведущие свое происхождение от полихромных изразцов XVII в.

Глава X

ПРИВОЗНАЯ КЕРАМИКА В МОСКВЕ

Среди различных привозных товаров в Москве не последнее место занимает керамика. Различаются две группы ее: керамика, изготовленная вне Москвы, но на территории Руси и Московского государства, и керамика, происходящая из отдаленных стран. В числе последней есть изделия большого художественного достоинства. Эта керамика привозилась в качестве подарков политическими и торговыми посольствами, посещавшими столицу в XVI—XVII вв.

Среди русских керамических изделий XI—XIII вв. лишь немногие служили предметом продажи в города, отдаленные от места производства. Это преимущественно корчаги и поливная керамика южнорусского происхождения. В Москве несколько обломков корчаг было найдено при раскопках Кремля. Отсутствие привозной поливной керамики XII в. в Москве говорит о сравнительно небольшой величине города в домонгольское время и об отсутствии прочных связей с южнорусскими городами, и в частности с Киевом. Документально о больших связях Москвы с Владимиро-Суздальским княжеством, в состав которого она первоначально входила.

Начиная с XIV в. в Москве появляются первые образцы привозной восточной керамики. При раскопках в Москве она найдена в основном в Зарядье и Кремле в слоях XIV—XVI вв. Значительный интерес представляют найденные при раскопках в Зарядье в 1955 г. два обломка терракотовых флагов, украшенных сплошь мелким штампованным орнаментом¹. Узор составлен из отпечатков штампов в виде «усениц», «цветочек», «головок цветущего лука». Сосуды изготовлены из хорошо прокаленной коричневой глины, поверхность их мягкая и легко мажется. Целые сосуды этого типа и обломки их есть среди находок Хорезмской экспедиции ИВ АН СССР. Несколько обломков флагов со штампованным орнаментом встретилось на поселении Яр-Бекир. Почти целая фляга найдена в слое XIV в. При раскопках караван-сарая Талейхан-Ата

на Узбёе найдены и формы для изготовления флагов этого типа. Фляги имеют сильно раздутые дисковидной формы тулово и короткое горло с раструбом в верхней части. Диаметр таких флагов около 30 см при емкости сосудов 4—6 литров.

Гораздо чаще в Москве при раскопках встречаются обломки поливной восточной керамики. Часть ее датируется XIV в., часть относится к более позднему времени. Восточная, среднеазиатская керамика в Москве обнаружена при раскопках в Зарядье. В 1950 г. найдены два фрагмента края поливной среднеазиатской миски с тестом розоватого цвета и черной и синей росписью под прозрачную глазурь хорошего качества. Керамика эта датирована XIV в.² Тогда же найдены обломки поливного сосуда типа пивала с росписью зеленой, синей и коричневой красками под прозрачную поливу. Орнамент стилизованный, растительный, с обеих сторон сосуда. Тесто его белое, слегка розоватое. Сосуд датируется XIV в.³ В 1950 г. в Зарядье найдены еще два обломка среднеазиатских поливных чаш с росписью синей и черной красками, а в 1951 г. — обломок восточного сосуда, покрытого с двух сторон сине-зеленой поливой густых тонов, под поливой росписи коричневого цвета; тесто розового цвета. Дата сосуда XV в.⁴ Керамика такого типа хорошо известна на последних найден обломок среднеазиатского сосуда типа пивала, внутри которого изображен коричневой краской стилизованный цветок, по внешней стороне тоже остатки росписи. Полива на сосуде светло-зеленая, тесто светло-розовое (табл. 23, 7). Сосуд датируется XV в. В 1954 г. в Зарядье найдены три обломка поливных сосудов типа пивал: два из них с черной росписью под поливой бирюзового цвета, тесто этих сосудов розоватое; третий обломок покрыт поливой белого цвета и под ней роспись зеленым и синим цветом по слегка рельефной поверхности. Орнамент глазчатый (табл. 23, 13). Полное представление о

¹¹ А. В. Филиппов, 1938.

¹ Н. Н. Вактурская, 1953, стр. 11—12.

² Там же.

³ Там же.

⁴ А. Ф. Дубынин, 1959, стр. 33, рис. 40, 8, 9.

Москве редко: 8 экземпляров их найдено в заполнении подлота церкви Яна Мироносиц, на пожках этих трубок клейма нет; одна трубка первой половины XVII в. была найдена в Зарядье в 1955 г.

В слоях середины XVII в. в Москве голландские трубки не встречаются совсем. В 1644 г. Алексей Михайлович запретил курить табак, разводить его и торговать им. Документы рассказывают о карах, которые применялись к лицам, пытавшимся нарушить это запрещение (битье батогами, кнутом). Иностранцам, жившим в Москве, разрешено было курить (как тогда говорили — «пить») табак.

Большая серия голландских курительных трубок найдена в Ленинграде в 1952 г. при раскопках на стрелке Васильевского острова. Они датируются первой половиной XVIII в. На некоторых из них клейма — водонос, человек, курящий трубку, гербовые щиты¹⁵.

С середины XVIII в. массовый привоз голландских курительных трубок в Москву прекращается. Совсем поздних голландских курительных трубок в Москве нет.

¹⁵ А. Д. Грач, 1957, стр. 13, табл. V; VI.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящая работа вводит в научный обиход огромный керамический материал из культурного слоя Москвы XII—XVIII вв. Она дает известное представление о многообразии керамических изделий, бытовавших в обиходе у жителей столицы в различные периоды истории города. Автор стремился дать возможно более подробную классификацию московской керамики. Чтобы продукция московских керамистов была отражена в максимально полном виде, пришлось обратиться и к керамическим материалам Москвы XVIII в. Если ранние этапы московского керамического производства были связаны преимущественно с Яузской гончарной слободой, то начиная с XVI в. потребности столицы в керамических изделиях удовлетворяются не только яузскими керамистами, но и гончарами жезельского керамического района, которые выпускали и привозили в город огромные партии белолинейной керамики. Автор попытался выяснить причины, вследствие которых Яузская гончарная слобода постепенно переходит от производства всех видов керамики к производству керамики только столовой — ангобирыванной, черлощенной и поливной, а позже — к производству строительной и облицовочной керамики, среди которой наиболее интересны изразцы и кровельная черепица.

Много внимания автором уделено выявлению роли московского керамического производства в древнерусском керамическом ремесле, того влияния, которое оказывала продукция московских керамистов на становление керамического производства в других городах Московского государства. Классификация московской керамики, предложенная автором, — конечно, результат определенного уровня знаний о ней, и в дальнейшем, по

получении новых материалов, она будет, несомненно, дополнена и детализирована. Может быть, отдельные части ее тогда будут подвергнуты переработке и изменены. Для этого нужен новый большой материал и новые, хорошо датированные керамические комплексы. Написание настоящей работы оказалось возможным не только в результате больших археологических раскопок в городе, но и после публикации больших керамических серий различными исследователями культурного слоя Москвы, и прежде всего М. Г. Рабиновичем, А. Ф. Дубыниным и М. В. Воеводским.

В настоящей работе автор попытался определить значение керамики, в том числе сравнительно поздней, как интереснейшего источника для изучения истории, быта и культуры москвичей. Автор стремился показать совершенствование керамического производства столицы и связать его с общим развитием знаний и культуры; выявить многочисленные причины, которые по-разному влияли на московское керамическое производство: сложение ассортимента изделий, появление новых форм керамических изделий и сосудов.

Автор в различных разделах работы старался подчеркнуть, что за каждым видом керамической продукции, классифицированной в настоящей работе, стоит большая серия ее, что керамические изделия в Москве готовились в массовых количествах.

Сложность настоящей работы заключалась прежде всего в самом характере источника — в керамике, которая необычайно трудоемка в обработке и многообразна в формах изделий. Этим до некоторой степени объясняется и сравнительно большой объем исследования.

ЛИТЕРАТУРА

Акчурин А. А., Ефимова А. М., Смирнов А. П., Хивинская О. С., 1950. Раскопки Великих Болгар.—КСИИМК, вып. XXXIII.

Ариховский А. В., 1935. Находки юзшинов XVI в. в колодах на Мокшой.—По трассе первой очереди Московского метрополитена.—М.

Ариховский А. В., 1949. Раскопки на Славне в 1934 г.—МИА, № 11.

Бакланова Н. А., 1949. Остановка московских привозов в XVII в.—Труды ГИМ, вып. 5.

Бобринский А. А., 1905. Отчет о раскопках 1903 г. в Чигиринском уезде.—ИАН, вып. 14, СПб.

Вактурская Н. Н., 1953. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.). Автореферат канд. дисс. М.

Воеводский М. В., 1930. К истории гончарной техники народов СССР.—Этнография, № 3—4.

Воеводский М. В., 1939. Глиняная посуда Москвы XVI—XVIII вв.—По трассе первой очереди Московского метрополитена.—М.

Воронов Н. Н., 1949. Раскопки в Ярославле.—МИА, № 11.

Воронов Н. Н., 1949а. Оборонительные сооружения Владимира XII в.—МИА, № 11.

Воронов Н. В., Сакркова И. Г., 1955. О датировке и распространении некоторых видов московских изразцов.—МИА, № 44.

Голубева Л. А., 1953. Раскопки в Рузе.—Труды ГИМ, вып. XXII.

Горюнова Е. И., 1947. Итоги работ археологического надзора на строительстве второй очереди Московского метрополитена.—МИА, № 7.

Грач А. Д., 1957. Археологические раскопки в Ленинграде.—Л.

Дубынин А. Ф., 1945. Археологические исследования города Суздаля (1936—1940 гг.).—КСИИМК, вып. IX.

Дубынин А. Ф., 1956. Археологические исследования 1955 г. в Зарядье (Москва).—КСИИМК, вып. 77.

Дубынин А. Ф., 1960. Археологические раскопки в Зарядье (Москва) в 1956 г.—КСИИМК, вып. 79.

Дубынин А. Ф., Соболева Л. А., 1963. Археологические работы в Зарядье (Москва). 1957—1961.—КСИА, вып. 96.

Духовные и догворные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв., 1950. М.

Забелин И. Е., 1853. Историческое обозрение финифтного и ценного дела в России. М.

Забелин И. Е., 1884, 1902. Материалы для истории, археологии и статистики Москвы, т. I, II (т. I, М., 1884; т. II, М., 1902).

Забелин И. Е., 1909. Домашний быт русских царей. М. Золотов Ю. М., 1959. Чернолощеный юзшин с надписью.—СА, № 1.

История русской архитектуры, 1954. М.

Качанова В. И., 1954. Топография кладов Москвы и ее окрестностей.—Труды МИРМ, вып. 5. М.

Колчин Б. А., 1964. К итогам работ Новгородской археологической экспедиции (1951—1962 гг.).—КСИА, вып. 99.

Мальм В. А., 1949. Горны московских гончаров XV—XVI вв.—МИА, № 12.

Медведев А. Ф., 1963. Ближневосточная и золотоордынская поливная керамика из раскопок в Новгороде.—МИА, № 17.

Мец Н. Д., 1949. Датировка черной лощеной керамики по сравнению впадов нумизматического сектора ГИМ.—КСИИМК, вып. 24.

Мец Н. Д., 1952. Клады монет, зарегистрированные нумиз-

матическим сектором ГИМ за 1945—1952 гг.—КСИИМК, вып. 32.

Мидлер Н. П., 1925. Московский мусор.—Московский вестник, вып. I. М.

Монгайт А. Л., 1948. Золотоордынская чаша из Новгорода Великого.—КСИИМК, вып. XIX.

Монгайт А. Л., 1955. Старая Рязань.—МИА, № 49.

Монгайт А. Л., 1961. Рязанская земля. М.

Огнев Б. А., 1955. Успенский собор в Звенигороде на Горшке.—МИА, № 44.

Потвовой А. Л., 1938. Древний погреб в районе Крымской площади.—По трассе первой очереди Московского метрополитена.—М.

Рабинович М. Г., 1947. Гончарная слобода в Москве в XVI—XVII вв.—МИА, № 7.

Рабинович М. Г., 1949. Московская керамика.—МИА, № 12.

Рабинович М. Г., 1954. Материалы для истории Великого посада Москвы.—Труды МИРМ, вып. 5. М.

Рабинович М. Г., 1955. Из быта городского населения Руси в XI—XVI вв.—СЗ, № 4.

Рабинович М. Г., 1964. О древней Москве. М.

Равдина Т. В., 1963. Еще раз о датировке древнего слоя Москвы.—СА, № 1.

Равдина Т. В., 1965. О датировке вятических курганов.—СА, № 4.

Розенфельд Р. Л., 1957. К вопросу о начале Москвы.—СА, № 4.

Розенфельд Р. Л., 1959. Новые находки керамических горшков из Юзской гончарной слободы в Москве.—СА, № 1.

Розенфельд Р. Л., 1959а. Псевдокоп из Весок.—СА, № 2.

Розенфельд Р. Л., 1961. Красные московские изразцы.—Памятники культуры, вып. 3. М.

Розенфельд Р. Л., 1962. Изразцовый фриз церкви Троицы в Ногострое.—СА, № 3.

Розенфельд Р. Л., 1963. К вопросу о гончарных клеймах.—СА, № 2.

Розенфельд Р. Л., 1964. О производстве и датировке Овручских пряслиц.—СА, № 4.

Рыбаков В. А., 1949. Раскопки в Звенигороде в 1943—1945 гг.—МИА, № 12.

Саввантов П., 1853. Строгановские впады в Сольвычегодский Благовещенский собор. М.

Самарин Ю. А., 1929. Подольские гончары. М.

Селов В. В., 1858. Гончарная печь из раскопок в г. Владимире.—КСИА, вып. 72.

Солнцев К. С., 1909. Древности государства Российского.—Атлас, т. I.

Спутник зодчего по Москве, 1895. М.

Стеланов П. Д., 1947. Гончарство у морды.—Записки научно-исследовательского института при Совете Министров Молдавской АССР. Серия истории и археологии, вып. 9.

Столпов, 1890. М.

Султанов Н. П., 1924. Древнерусские красные изразцы.—Арх. изв. и заметки, № 12. М.

Фельдманский В. И., 1932. Москва в истории техники. М.

Фехнер М. В., 1949. Глиняные игрушки московских гончаров.—МИА, № 12.

Филиппов А. В., 1938. Древнерусские изразцы, вып. I. М. Шмидт Е., 1914. Гончарное искусство в древней Руси.—Вопр., № 2. М.

Якобсон А. Л., 1951. Средневековые амфоры Северного Причерноморья.—СА, XV.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ — Аты Археологической экспедиции
 АКЭ — Аты, относящиеся до краеведческого быта
 ГИМ — Государственный исторический музей
 ИАН — Известия археологической комиссии
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии
 КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
 МГУ — Московский государственный университет
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 МИРМ — Музей истории и реставрации Москвы

МИТ — Материалы по истории Туркменской ССР
 МОКМ — Московский областной краеведческий музей
 ПСРМ — Полное собрание русских летописей
 РИВ — Российская историческая библиотека
 СА — Советская археология
 ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
 ЦНРАМ — Центральная научно-реставрационная архитектурно-археологическая мастерская Москвы

ТАБЛИЦЫ

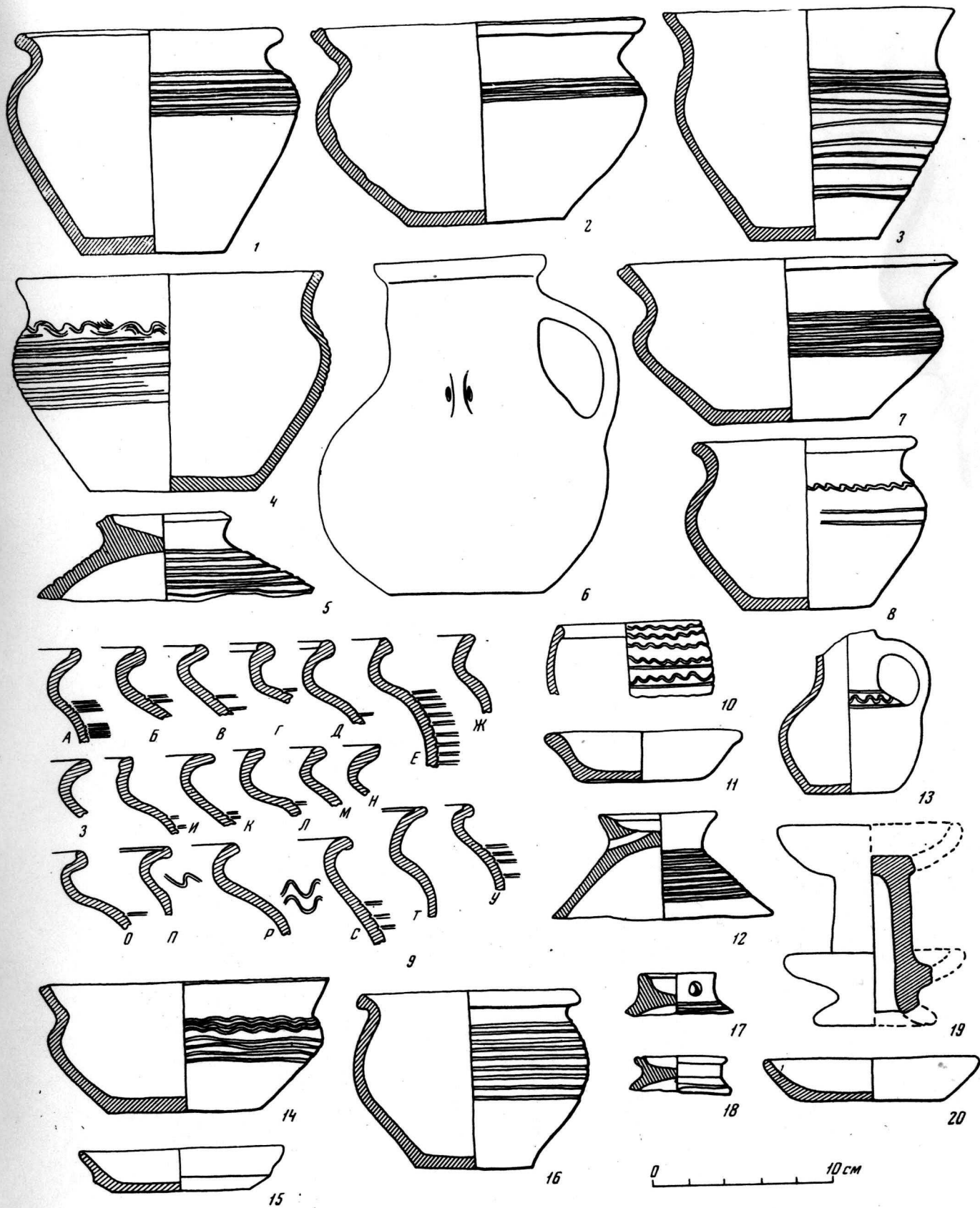


ТАБЛИЦА 1. Керамика из Москвы и подмосковных курганов

1—4, 7, 8, 14, 16 — из подмосковных курганов (1, 8 — Беседские; 2, 7 — Волковские; 3 — Аносинские; 4 — Захряпинские; 14 — Копенские; 16 — Черневские); 5, 6, 9—13, 15, 17—20 — из Москвы (5, 12, 17, 18 — крышки от горшков; 6, 10, 13 — кувшины; 9 — профили венчиков горшков; 11, 15, 20 — плошки; 19 — светильник)

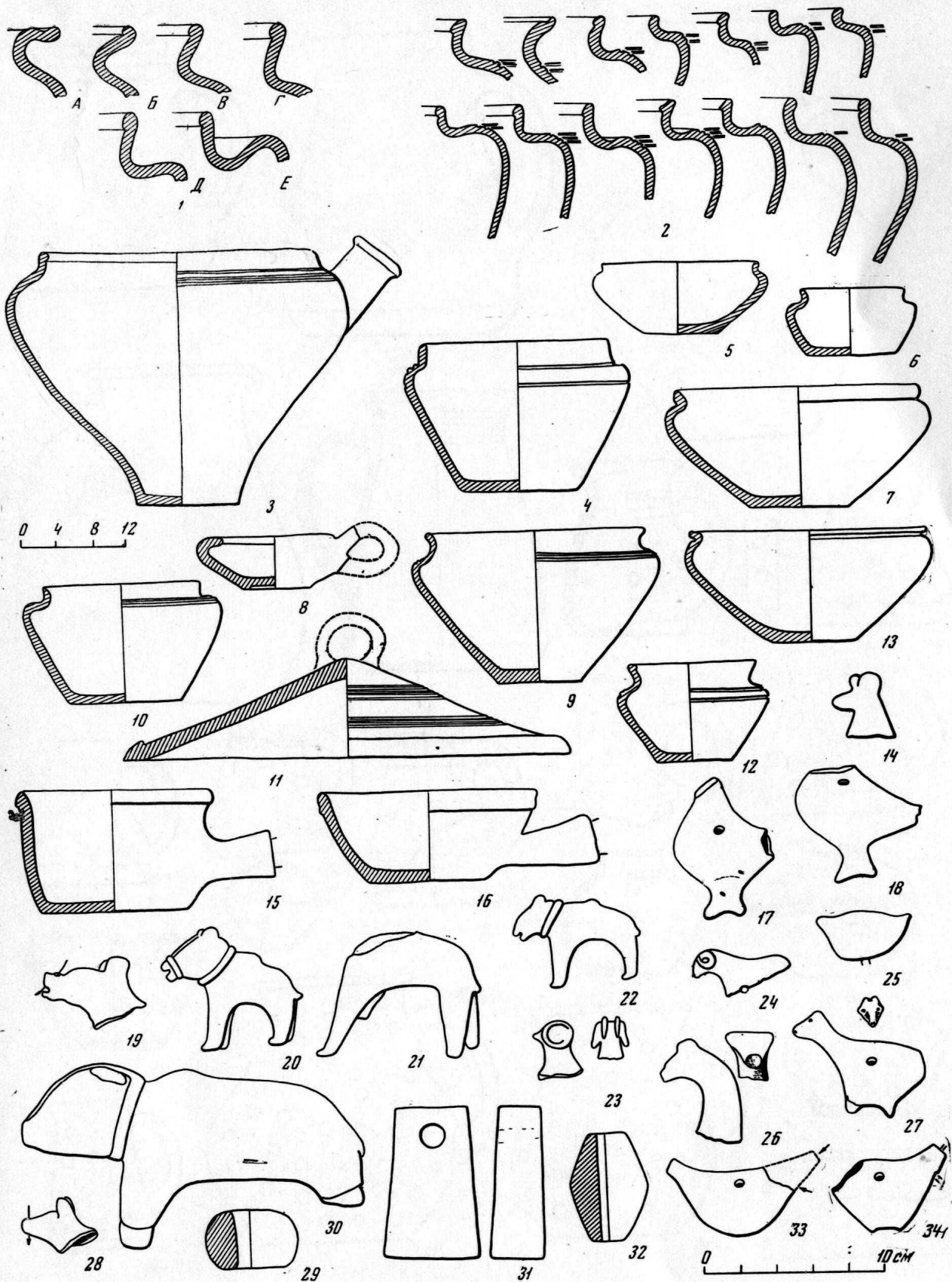


ТАБЛИЦА 2. Красноглиняная керамика

1 — схема эволюции венчика горшка с XII по XV в. (А, Б, В, Г, Д, Е); 2 — профили венчиков горшков; 3 — горшок с трубчатым сливом; 4—7, 9, 10, 12, 13 — горшки; 8 — светильник; 11 — крышка от горшка; 14, 17, 18, 23, 25, 33, 34 — игрушки-птички; 15, 16 — миски с ручками; 19—22, 28, 30 — игрушки-медведи; 24 — игрушка-баран; 26, 27 — игрушки-животные; 29, 31, 32 — грузила



ТАБЛИЦА 3. Красноглиняная, краслощенная керамика и керамика, покрытая пятнами ангоба

1, 2, 4, 5 — краслощенные кувшины; 3 — красноглиняный кувшин; 6—13, 16—18 — ангобированные кувшины; 14, 15, 19 — ангобированные кубышкообразные сосуды; 20 — ангобированный горшок

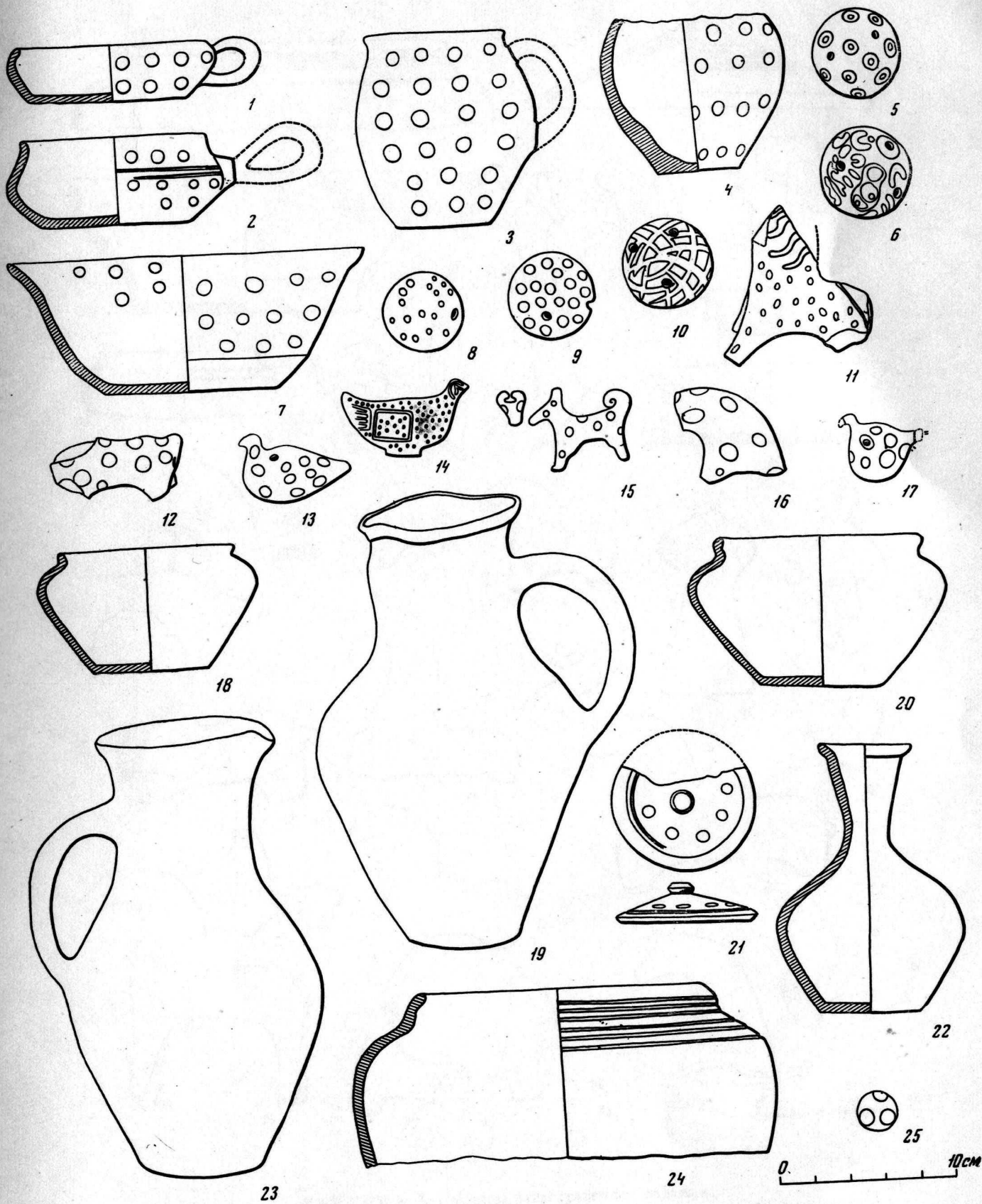


ТАБЛИЦА 4. Керамика, покрытая пятнами ангоба и целиком ангобированная
 1 — светильник; 2 — черпачок; 3 — кружок; 4 — фрагмент кувшина; 5, 6, 8—10, 25 — погремушки; 7 — миска; 11, 12, 16 — игрушки-лошадки; 13, 14, 17 — игрушки-птички; 15 — игрушка-собачка; 18, 20, 24 — горшки; 19, 23 — кувшины; 21 — крышка от кумгана; 22 — кубышка

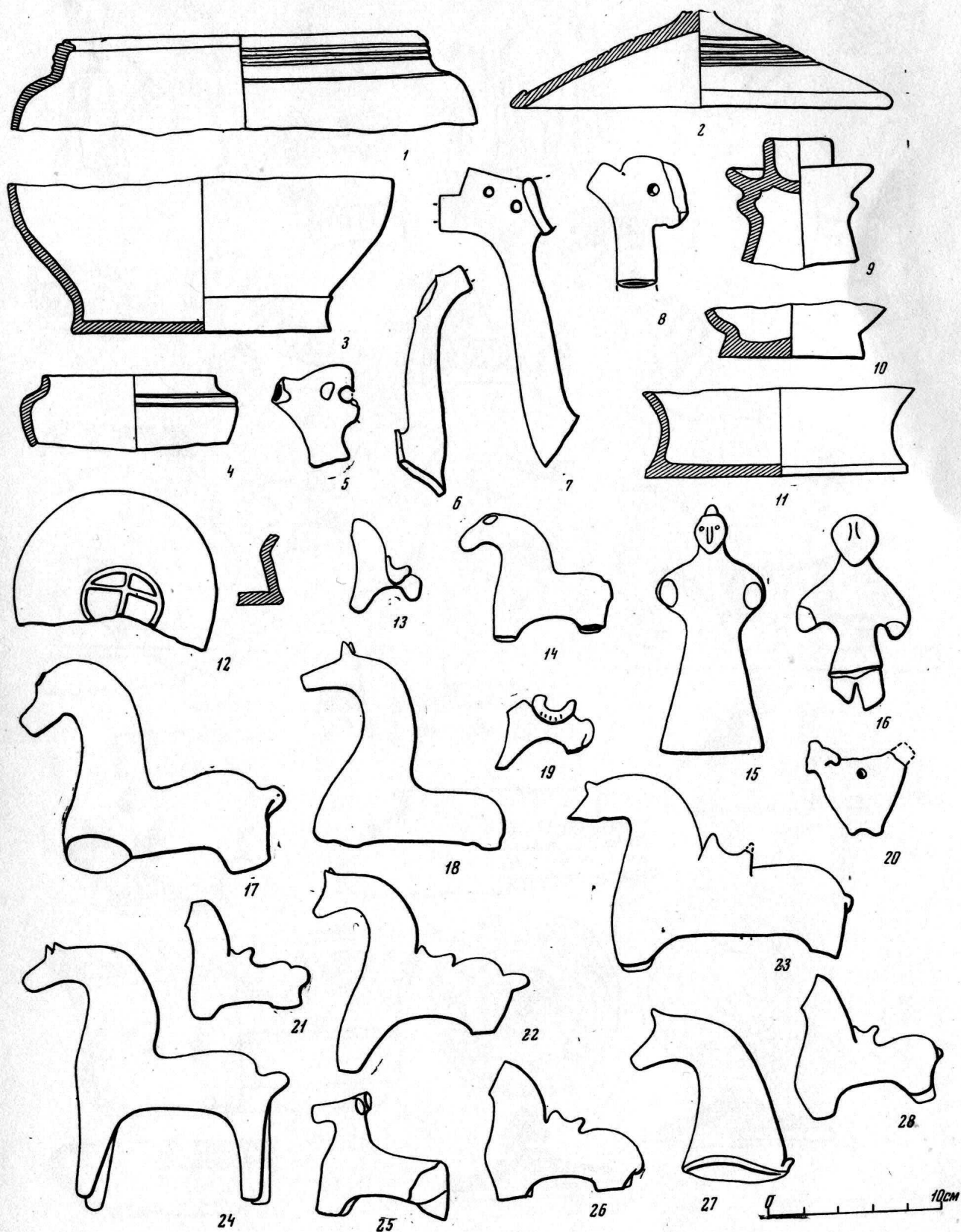


ТАБЛИЦА 5. Целиком ангобированная керамика
 1, 4 — горшки; 2 — крышка от горшка; 3, 5—8, 10—12 — обломки кумганов; 9 — подсвечник;
 13, 14, 17—19, 21—24, 26—28 — игрушки-лошадки; 15, 16 — игрушки-человечки; 20 — игрушка-птичка; 25 — игрушка-баран



ТАБЛИЦА 6. Керамика с росписью по ангобу
 1, 2, 4 — игрушки-человечки; 3 — игрушка-баран; 5 — игрушка-птичка; 6—11, 13—17, 20 — игрушки-лошадки; 12 — игрушка-лошадка с всадником; 18 — игрушка-сани; 19 — носик белого глиняного водолея с черной росписью; 21, 22 — горшки; 23 — миска; 24 — светильник; 25, 26 — крышки от кумганов; 27 — носик кумгана



ТАБЛИЦА 7. Керамика с росписью по ангобу
 1—3, 7—13, 15, 17, 18, 22, 23 — кумганы и их обломки; 6 — крышка от кумгана; 14, 20 — носики
 умывальников; 16 — обломок миски; 19, 21, 24—26 — игрушки-лошадки

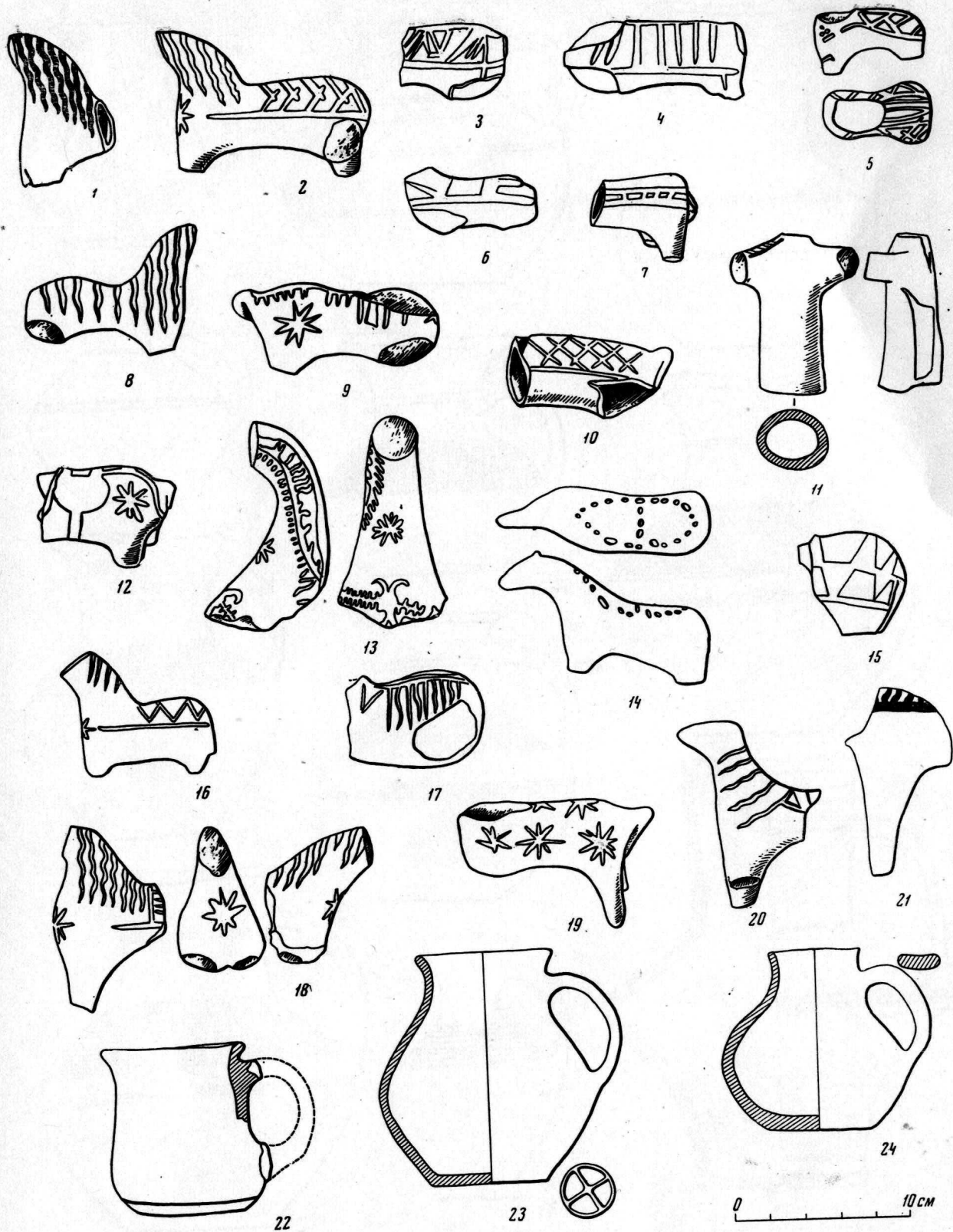


ТАБЛИЦА 8. Ангобированные расписные игрушки и чернолощенная керамика
 1—10, 12—21 — игрушки-лошадки; 11 — игрушка-человечек; 22—24 — кувшины

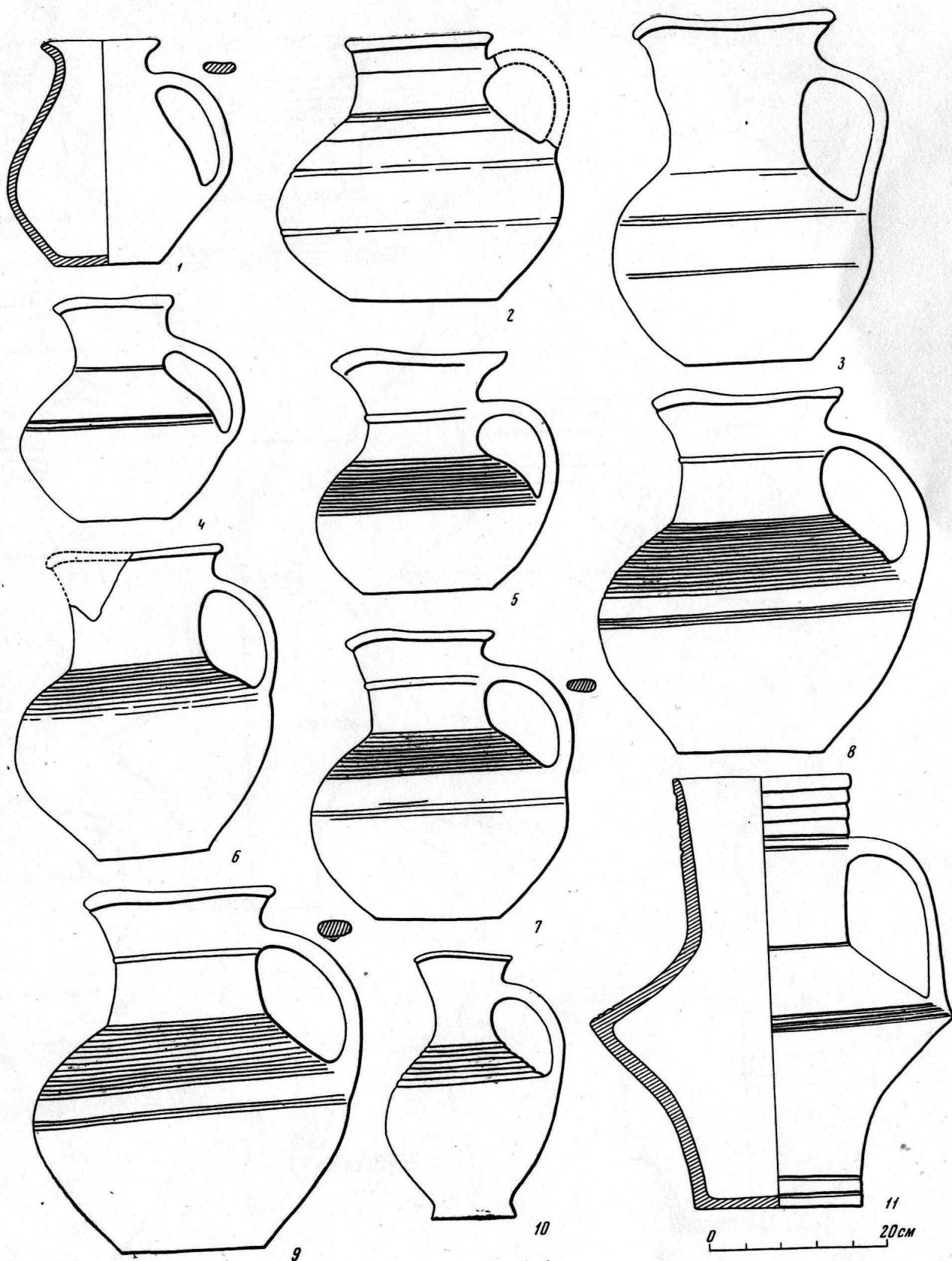


ТАБЛИЦА 9. Чернолощенные кувшины

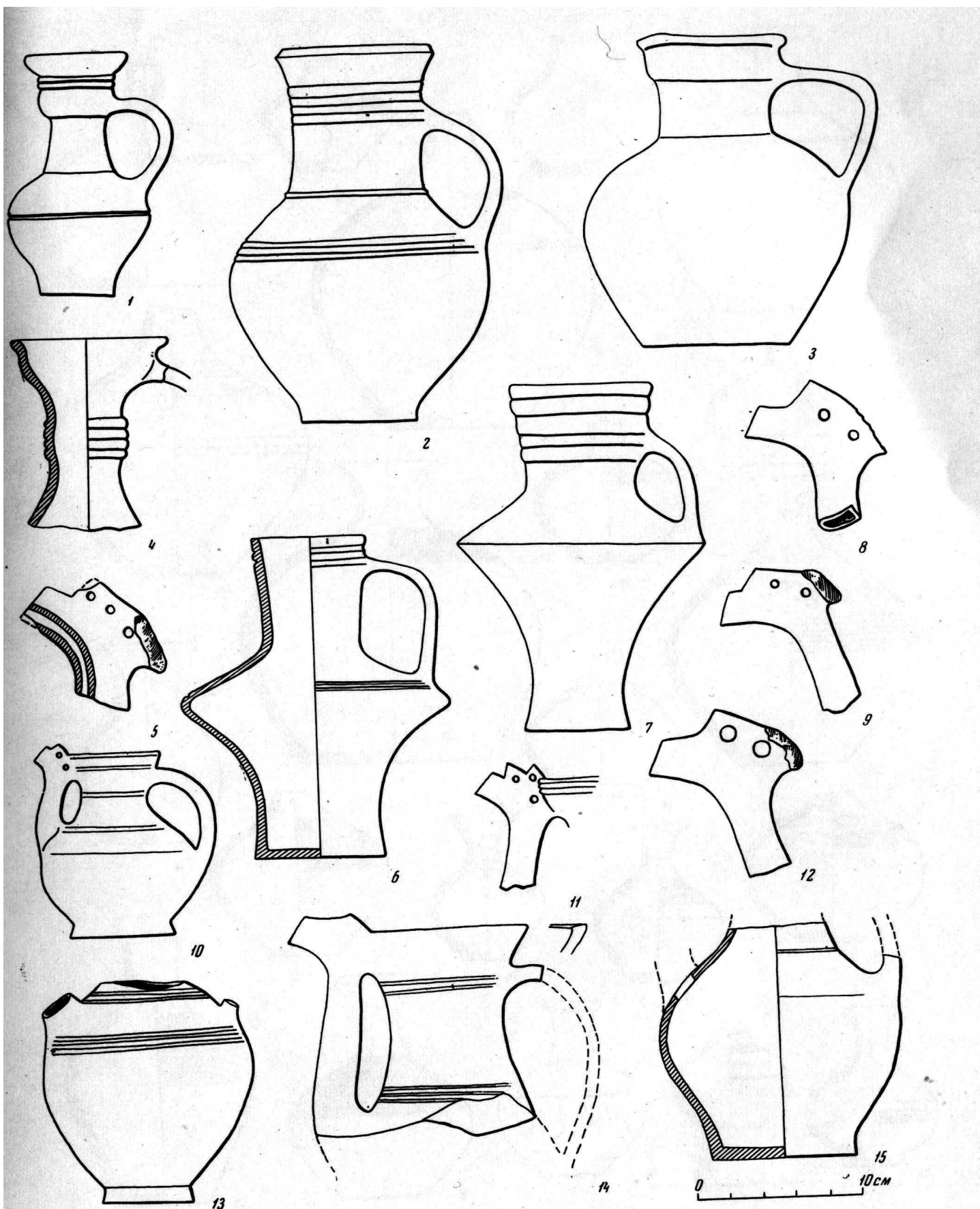


ТАБЛИЦА 10. Чернолощенные кувшины (1—4, 6, 7) и кумганы (5, 8—15)

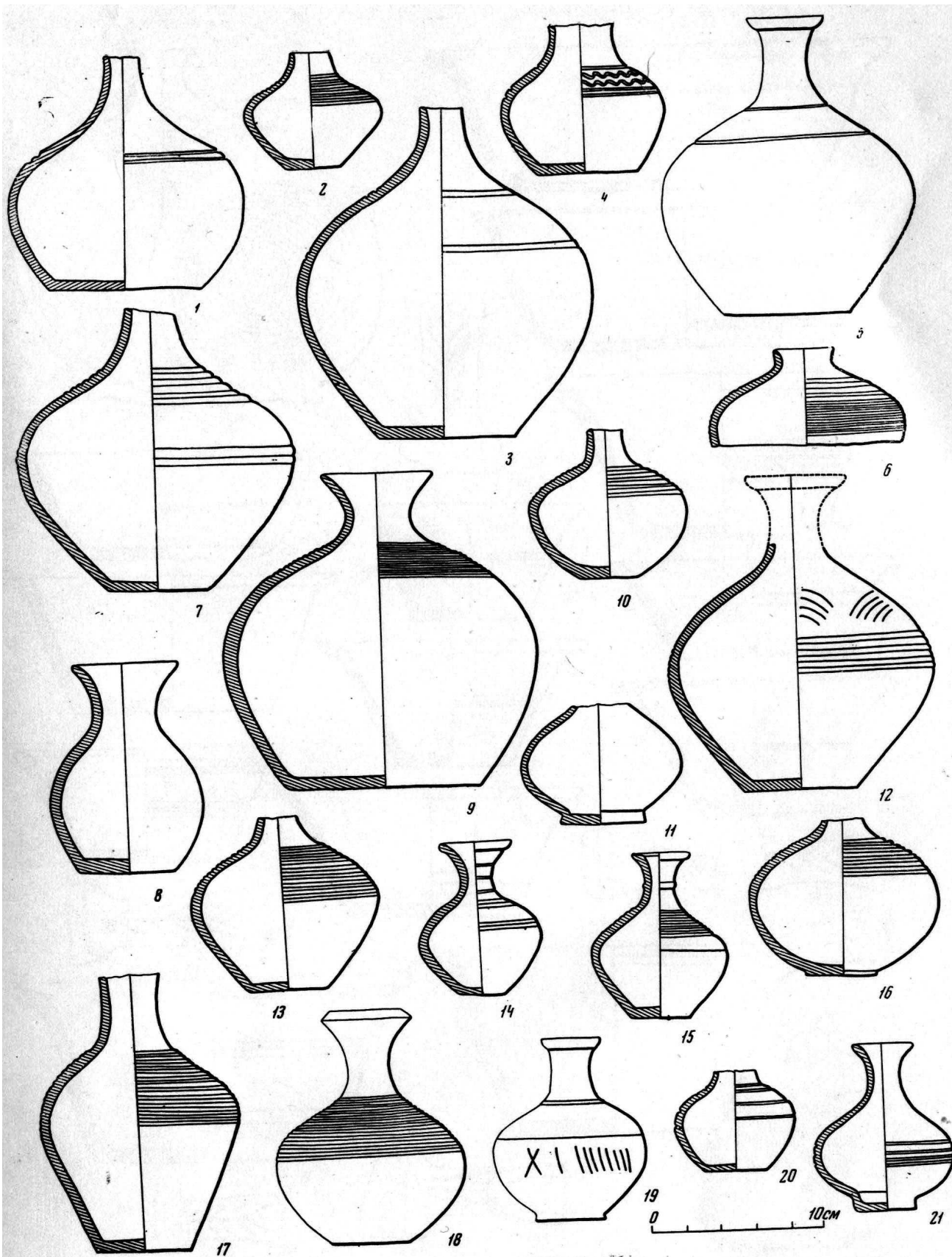


ТАБЛИЦА 11. Чернолощенные кубышки

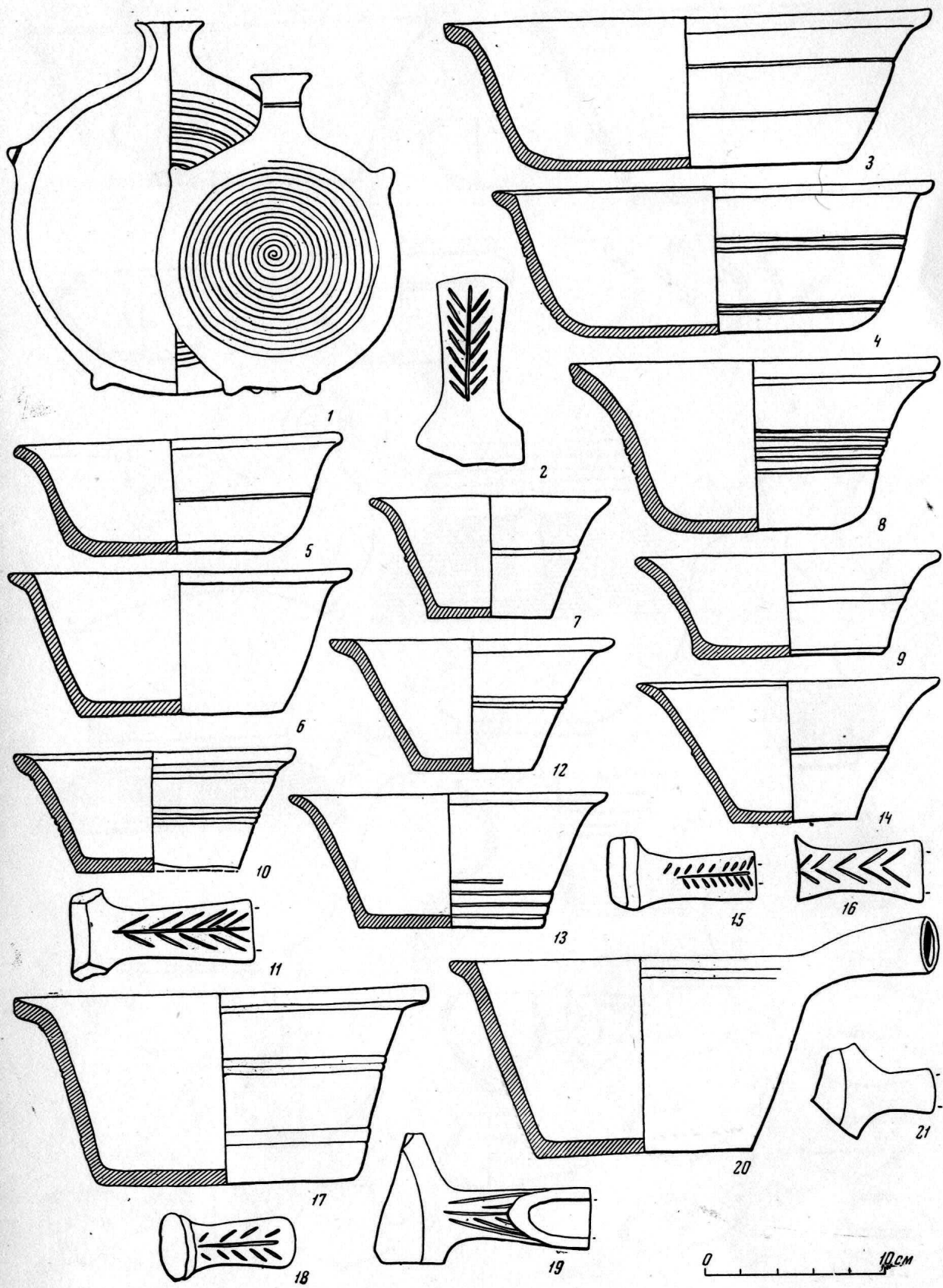


ТАБЛИЦА 12. Чернolощеная керамика

1 — фляги; 2, 6, 7, 9—21 — кастрюльки с ручками; 3, 4, 5, 8 — миски для еды

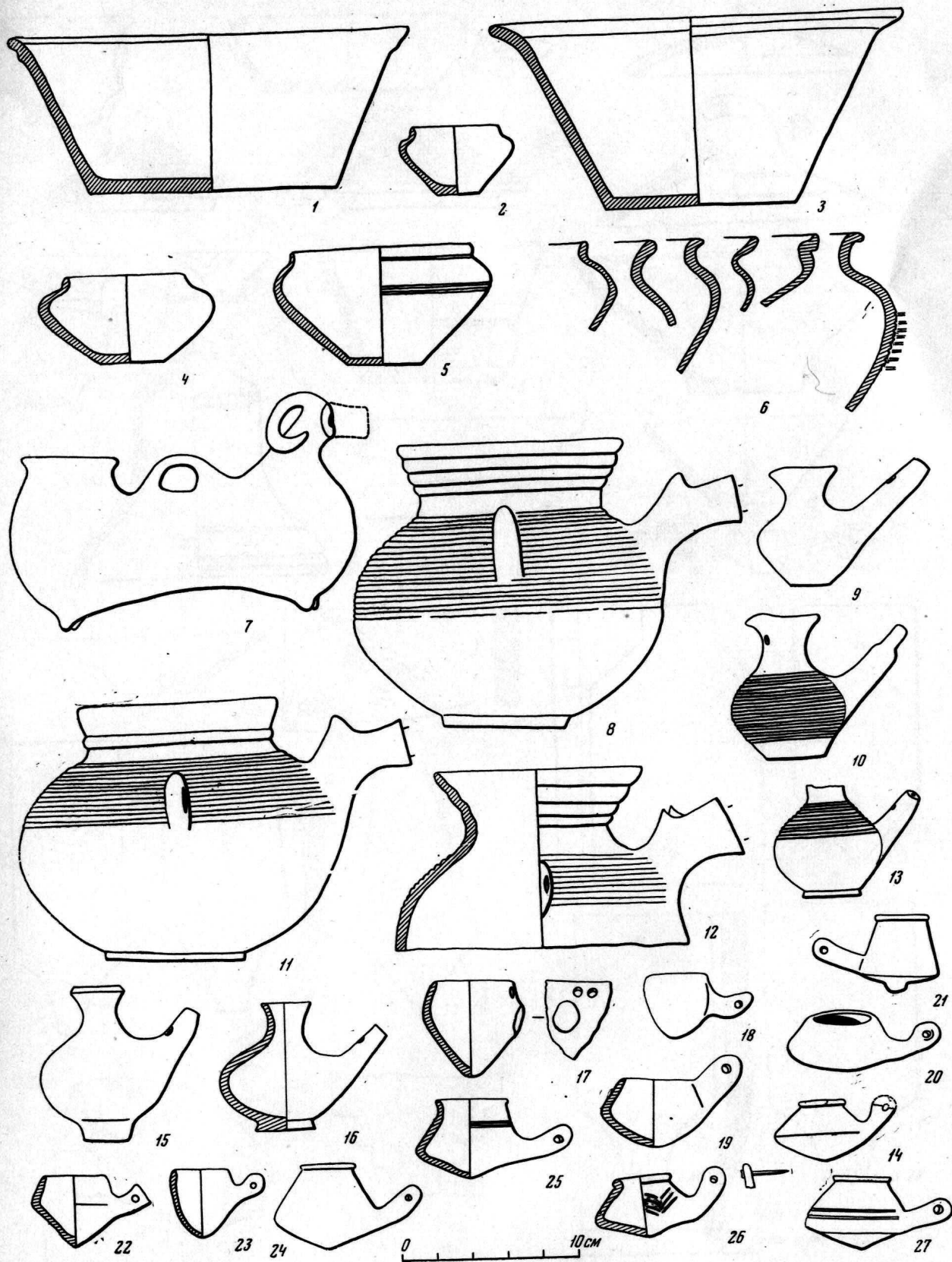


ТАБЛИЦА 13. Чернолощенная керамика

1, 3 — миски; 2, 4, 5 — горшки; 6 — профили венчиков горшков; 7 — умывальник в виде барана; 8, 11, 12 — умывальники с горшвидным туловом; 9, 10, 13, 15, 16 — «соловьи»; 14, 17—27 — светильники

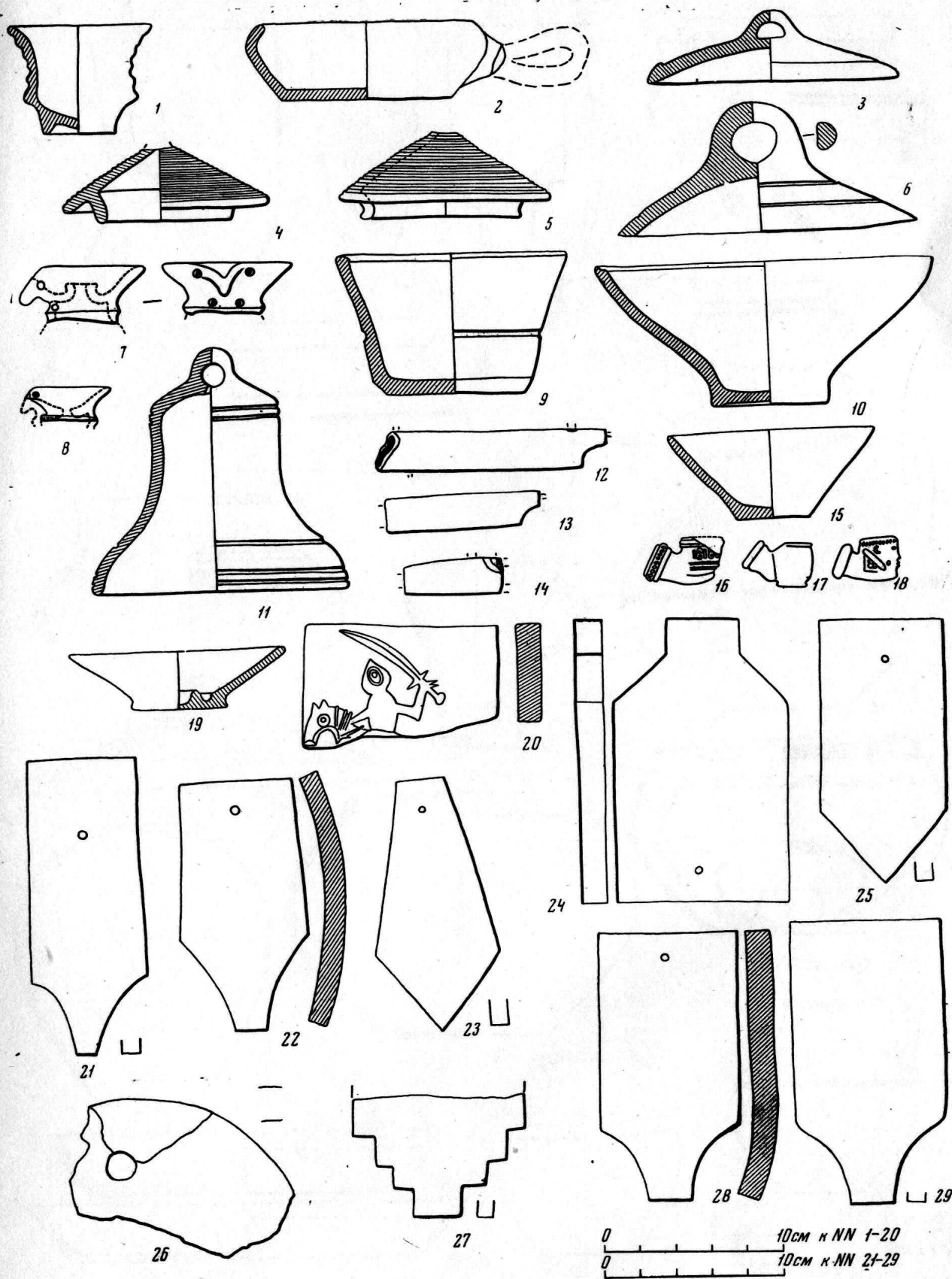


ТАБЛИЦА 14. Чернолощеная керамика

1 — сосудик для масла, оставшегося от соборования; 2 — светильник; 3, 6 — крышки от горшков; 4, 5 — крышки от кумганов; 7, 8 — сосуды неизвестного назначения; 9, 10 — миски для еды; 11 — игрушка-колокольчик; 12—14 — флейты; 15 — плошка; 16—18 — курительные трубки; 19 — подсвечник; 20 — орнаментальная плитка; 21—29 — черепица

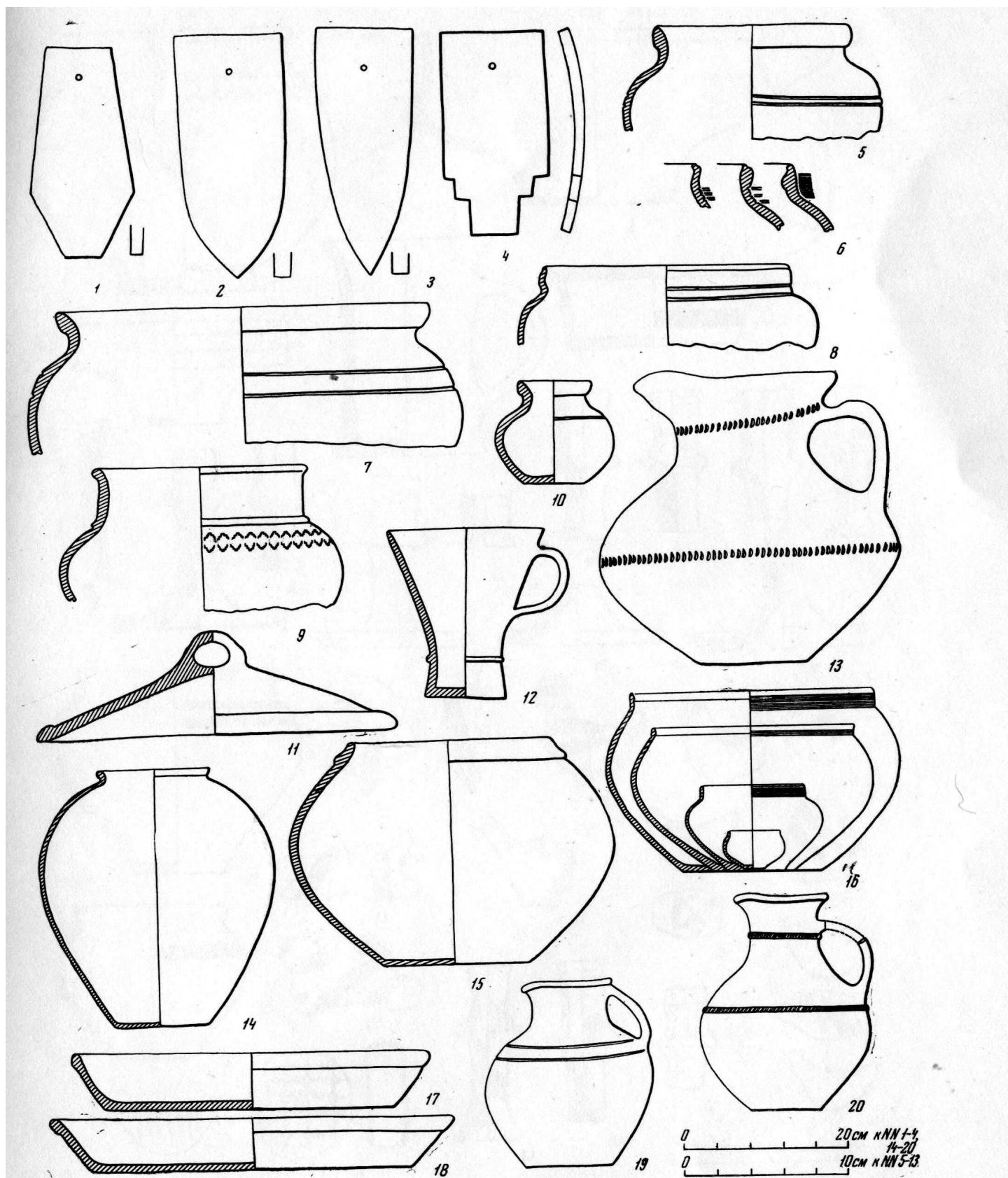


ТАБЛИЦА 15. Чернолощенная черепица (1—4) и белоглиняная керамика (5—20)
 1—4 — черепица; 5—10, 16 — горшки; 11 — крышка от горшка; 12 — кружка; 13, 19, 20 — кув-
 шины; 14, 15 — корчаги; 17, 18 — сковороды

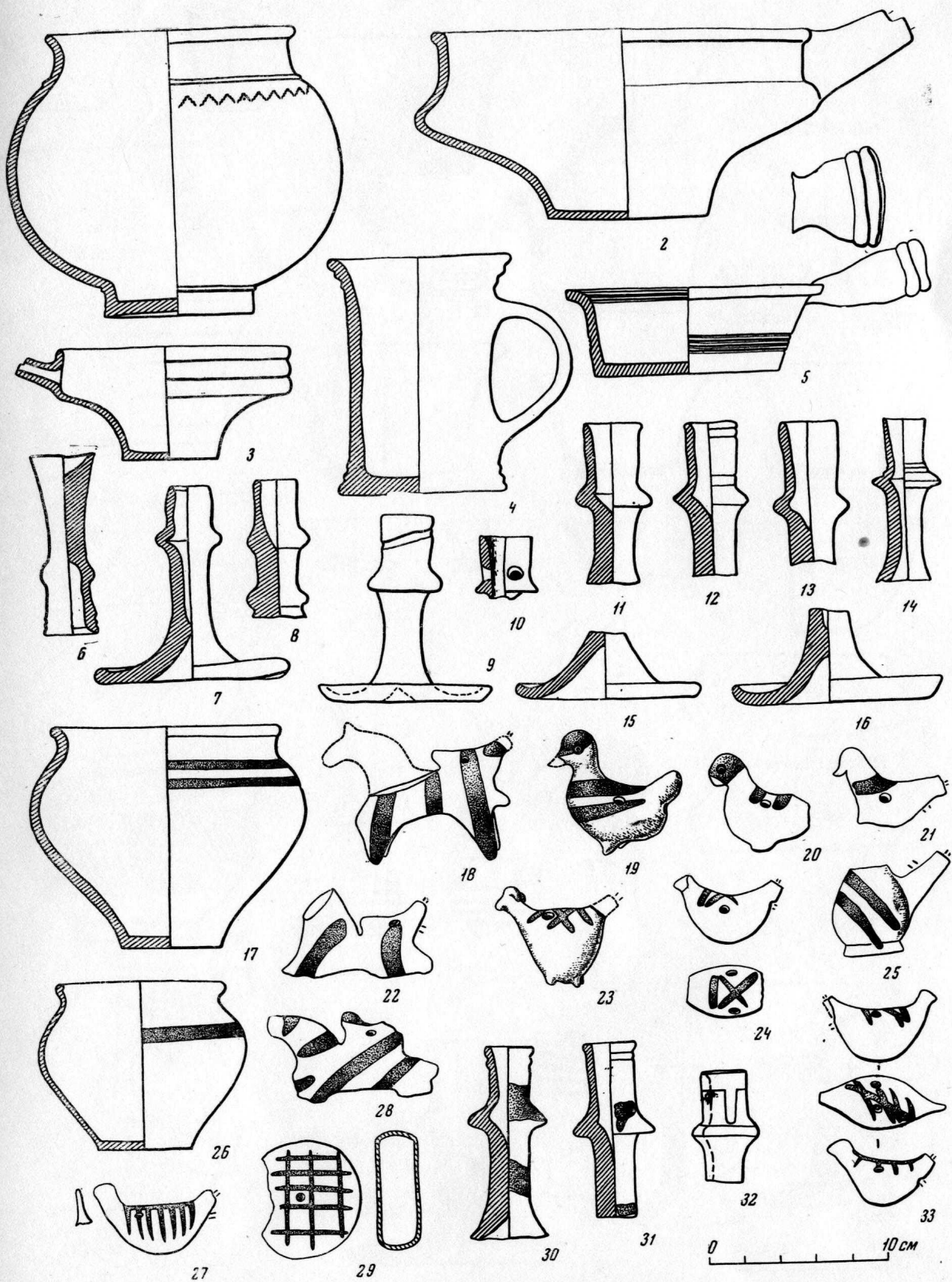


ТАБЛИЦА 16. Белоглиняная керамика и белоглиняная керамика с красной росписью

1 — белоглиняная братина; 2, 3 — светильники; 4 — кружка; 5 — кастрюлька; 6—16 — подсвечники; 17, 26 — белоглиняные горшки с красной росписью; 18, 22, 28 — лошадки с птичками на них, расписанные красной краской; 19—21, 23, 24, 27, 33 — белоглиняные игрушки-птички с красной росписью; 25 — белоглиняный «соловей» с красной росписью; 30—32 — белоглиняные подсвечники с красной росписью; 29 — белоглиняное колесико с красной росписью

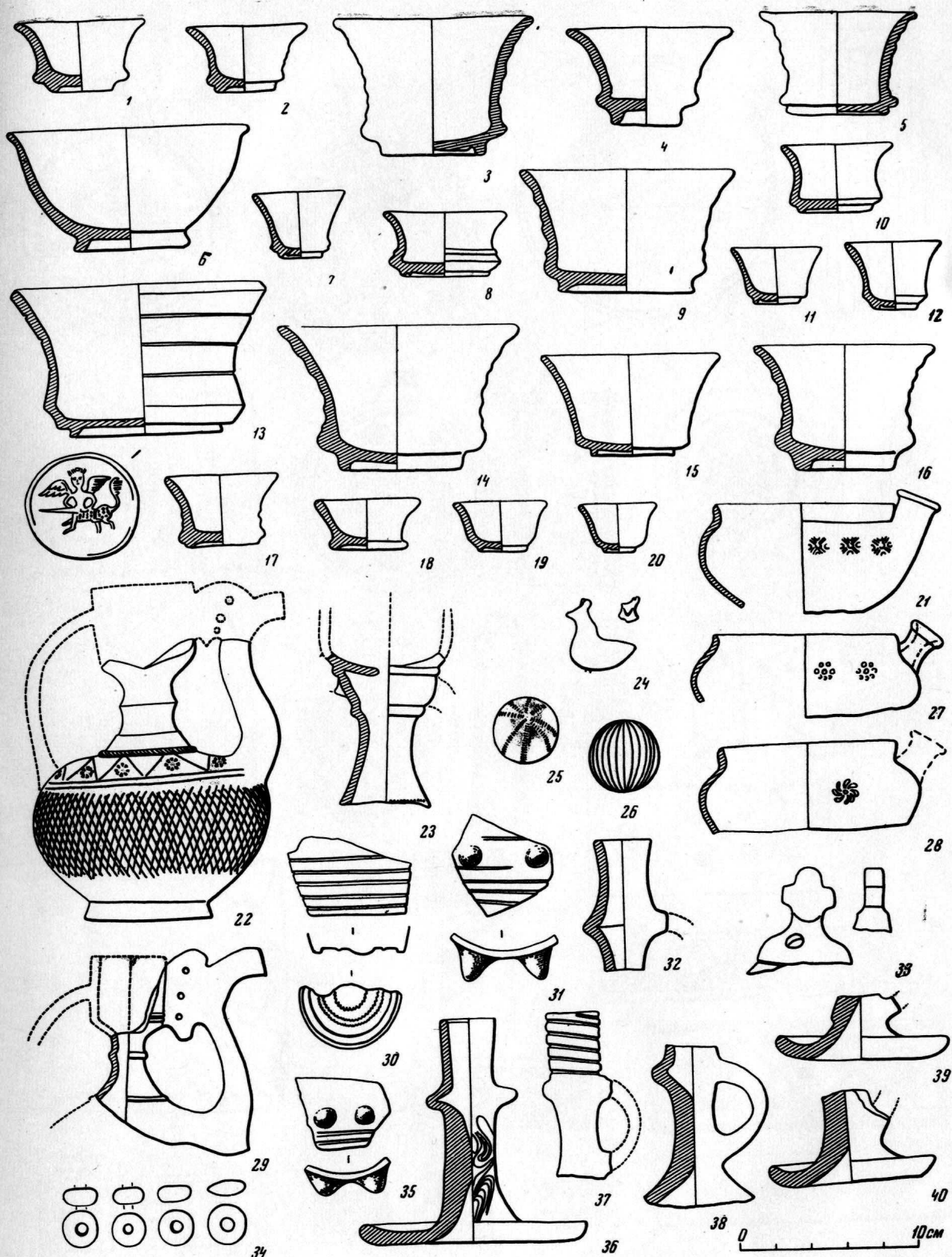


ТАБЛИЦА 17. Поливная керамика

1—20 — сосудики для масла, оставшегося от соборования; 21, 27, 28 — горшки со сливами; 22, 23, 29 — кумганы; 24 — игрушка-птичка; 25, 26 — игрушки-погремушки; 30, 31, 35 — обломки поливных бочонков; 33 — крышка от кадила; 34 — «костяшки» от счет; 32, 36—40 — подсвечники

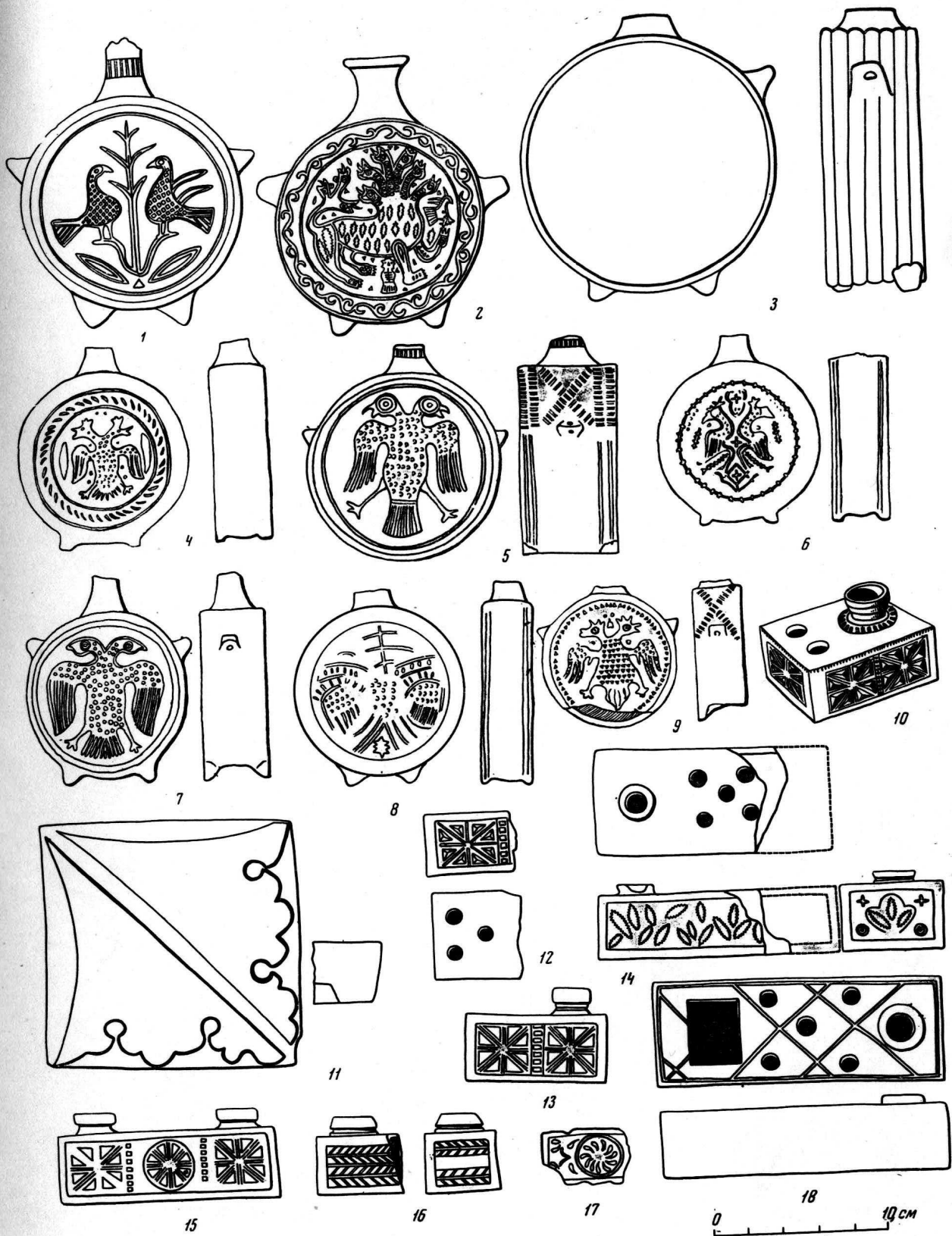


ТАБЛИЦА 18. Поливная керамика

1-9 — фляги; 10, 12-18 — чернильницы; 11 — плитка от пола с орнаментом

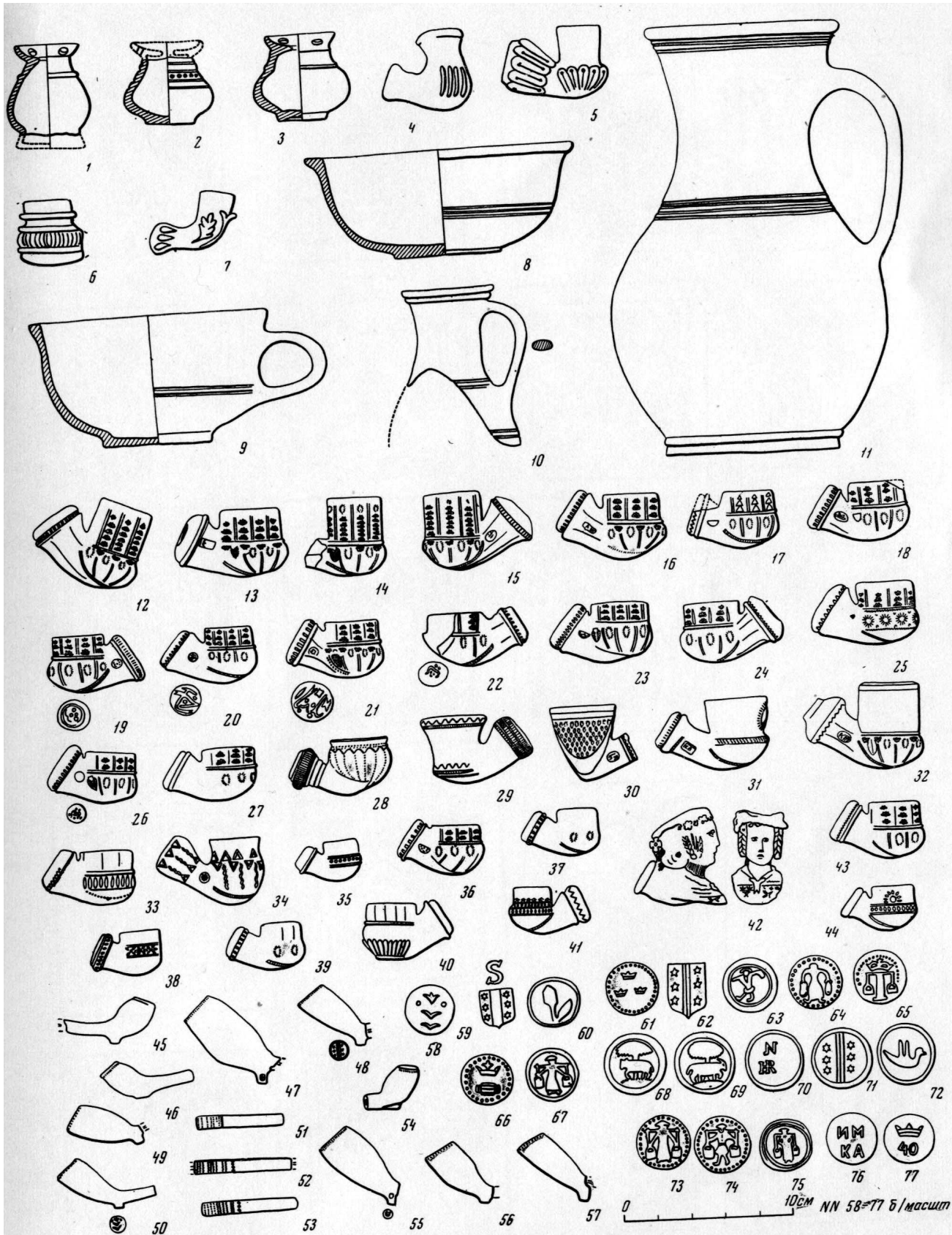


ТАБЛИЦА 19. Поливная краснолощенная поздняя керамика, голландские курительные трубки

1-3 — поливные чернильницы; 4-7 — поливные курительные трубки; 8 — краснолощенная миска; 9 — краснолощенная чашка с ручкой; 10, 11 — краснолощенные кувшины; 12-44 — краснолощенные курительные трубки; 45-50, 54-57 — чашечки от голландских курительных трубок; 51-53 — мундштуки от голландских курительных трубок; 58-77 — клейма на голландских курительных трубках



ТАБЛИЦА 20. Рамочные изразцы

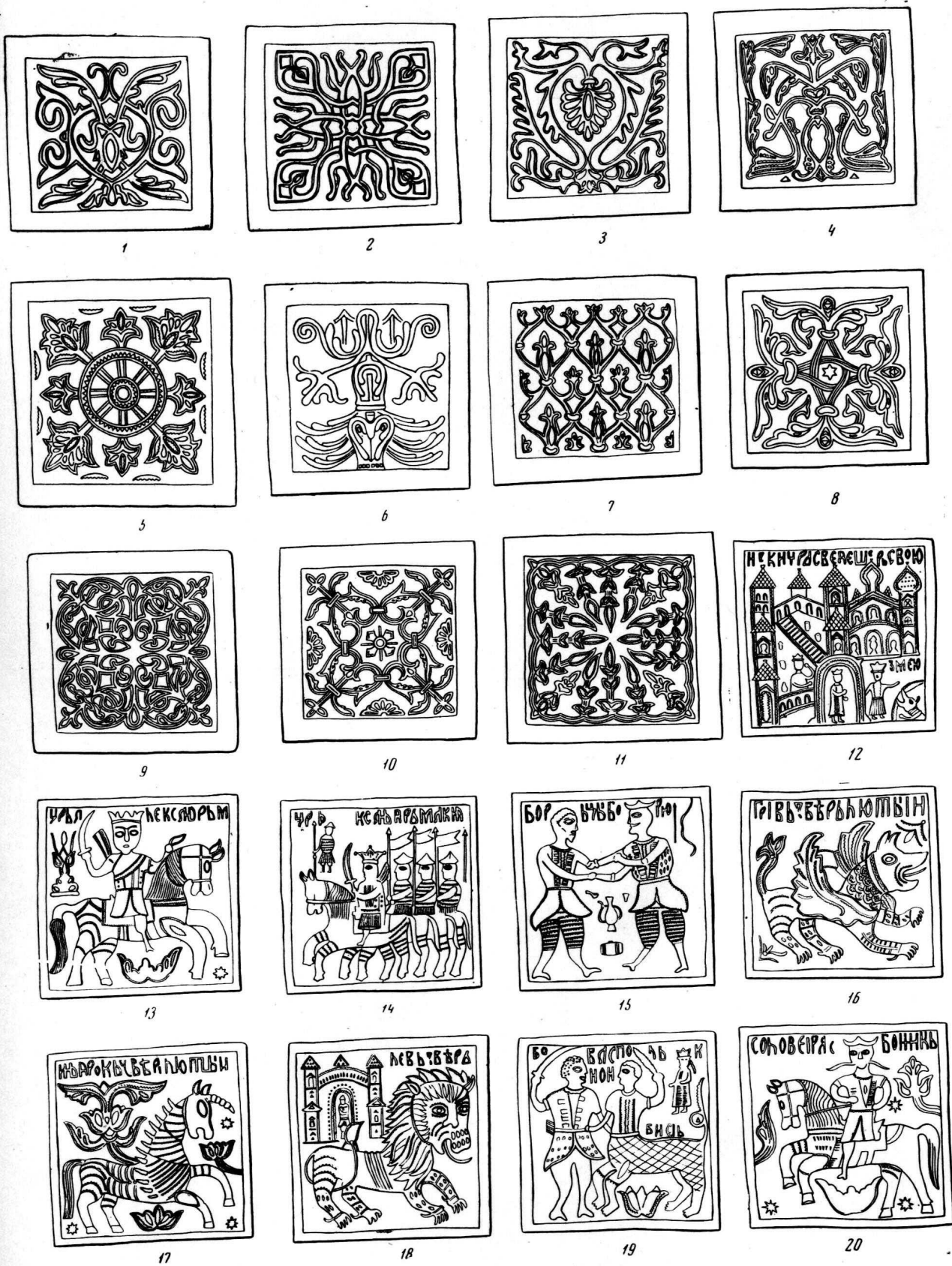


ТАБЛИЦА 21. Рамочные изразцы

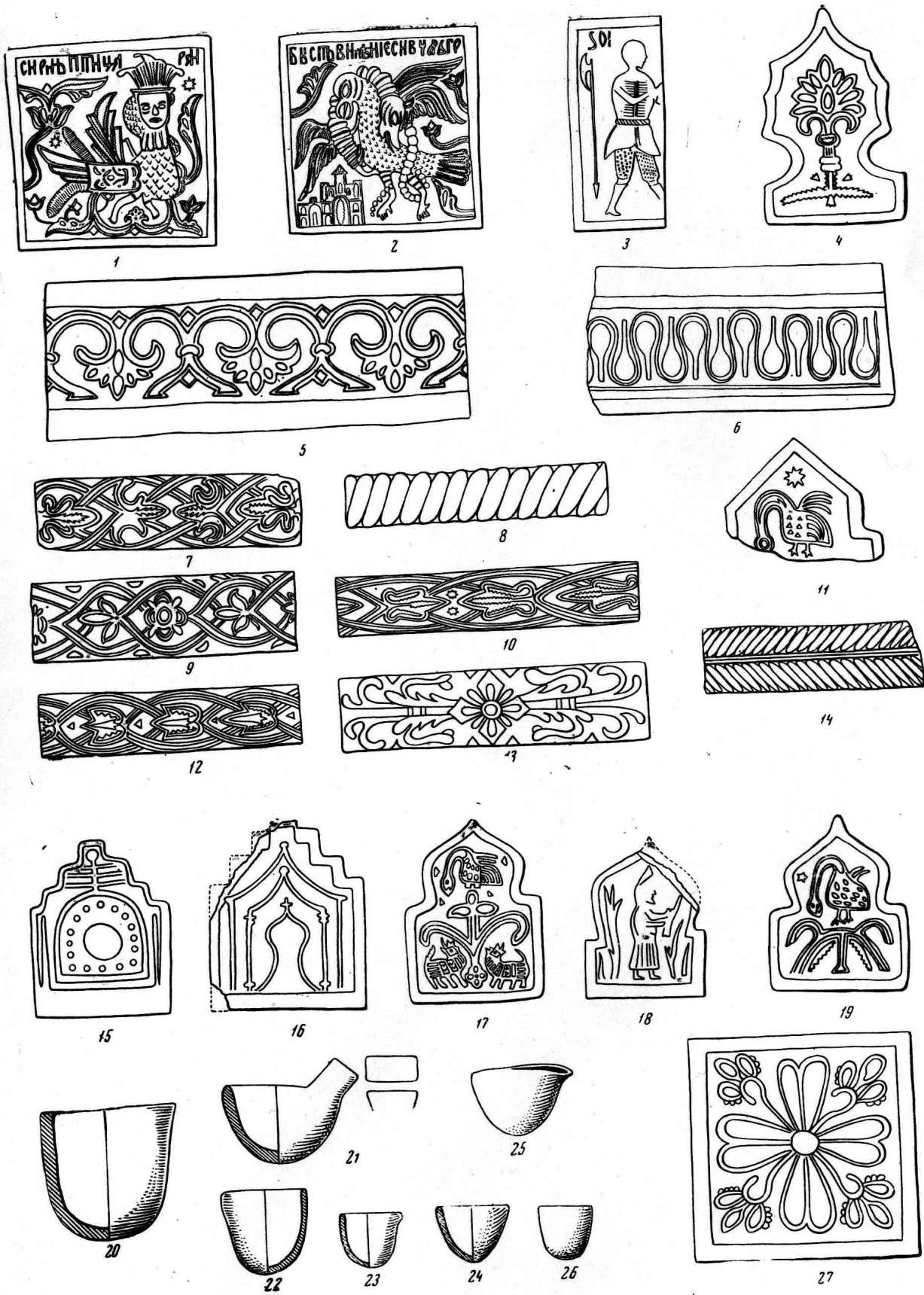


ТАБЛИЦА 22. Рамочные изразцы, тигли
 1—3, 27 — стеновые изразцы; 4, 11, 15—19 — изразцовые городки; 5, 6 — поясовые изразцы;
 7—14 — изразцовые перемычки; 20—26 — тигли



ТАБЛИЦА 23. Образцы восточной керамики, найденные в Москве

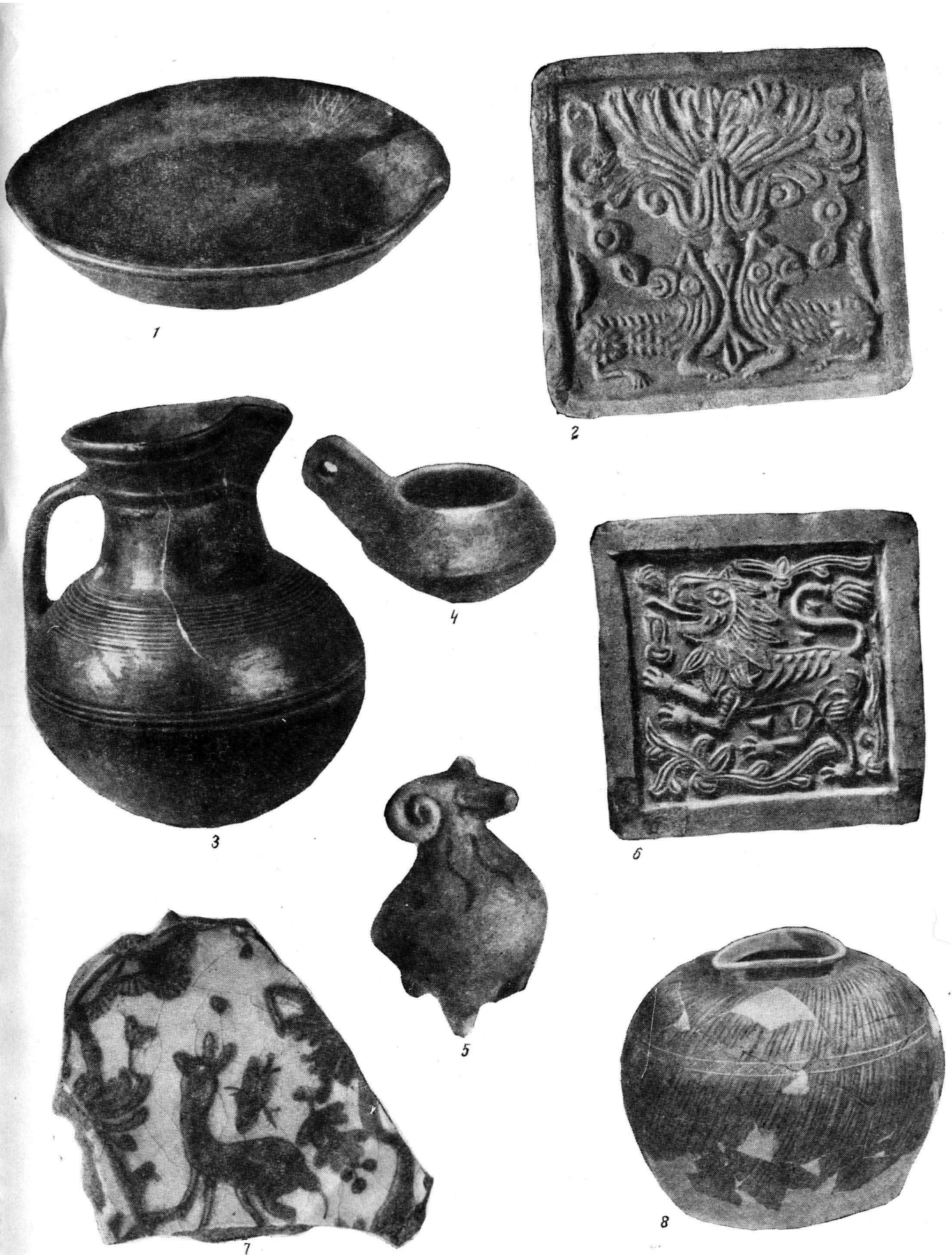


ТАБЛИЦА 24. Образцы керамики, найденной при раскопках в Москве
 1 — чернолощенная сковорода; 2 — изразец с изображением барсов под пальмой; 3 — чернолощенный кувшин; 4 — чернолощенный светильник; 5 — ангобированная игрушка-птичка; 6 — изразец с изображением льва; 7 — обломок иранского блюда XVI в. с изображением лани среди побегов растительного орнамента; 8 — краснолощенная корчага

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава I. Московская керамика домонгольского времени	7
Глава II. Красноглиняная и краснолощенная керамика конца XIII — начала XVI в.	12
Глава III. Ангобированная керамика XV—XVI вв.	20
Глава IV. Чернолощенная и мореная керамика XV—XVIII вв.	28
Глава V. Белоглиняная керамика	43
Глава VI. Поливная керамика	48
Глава VII. Мелкие керамические группы (поздняя краснолощенная техническая керамика)	56
Глава VIII. Красные рамочные изразцы начала XVII в.	58
Глава IX. Рамочные изразцы середины XVII в.	64
Глава X. Привозная керамика в Москве	69
Заключение	73
Литература	74
Список сокращений	75
Таблицы	77

Библиотека Тобольского Государственного
историко-архитектурного
музея-заповедника инв. № 37596

Ростислав Леонидович Розенфельдт

Московское керамическое производство XII—XVIII вв.
САИ Е 1-39

Утверждено к печати

Институтом археологии АН СССР

Редакторы издательства *Д. И. Рыкова* и *С. Н. Васильченко*
Технический редактор *А. П. Ефимова*

Сдано в набор 1/III 1968 г. Т-16210 Подп. к печ. 29/X 1968 г. Формат 60×90¹/₈
Бумага офсетная. Печ. л. 15,5+1 вкл. Усл. печ. л. 15,5+¹/₈ вкл. Уч.-изд. л. 12,7
Тираж 1300 экз. Тип. зак. 260. Цена 86 коп.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

Набор сделан на фотонаборной машине в экспериментальной типографии ВНИИПИ
2-я типография издательства «Наука». Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

86